



#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН



ПУТЬ КИНЖАЛОВ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

— Книга 8 —

Колесо Времени

Роберт Джордан

Путь кинжалов

«Азбука-Аттикус»

1998

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Джордан Р.

Путь кинжалов / Р. Джордан — «Азбука-Аттикус»,
1998 — (Колесо Времени)

ISBN 978-5-389-21335-7

Монархи Пограничных земель, собрав войска и по древнему обычаю дав взаимную клятву, отправляются походом на юг, чтобы разобраться с Рандом ал'Тором, который взбаламутил полмира и объявил себя Возрожденным Драконом. Тем временем Илэйн и Найнив, заполучив Чашу Ветров и заключив сделку с Морским народом, собираются избавить страну от безумной жары и засухи, наведенных Темным. Положение поистине безысходное. Эбу Дар, важнейший морской порт континента, захватили явившиеся с моря шончанские войска и идут теперь с боями на Иллиан. Ранд ал'Тор вступает в схватку с врагом. Но почему саидин, часть силы, которая правит Вселенной и вращает Колесо Времени, не подчиняется его воле, а Калландор, меч, который дается в руки только истинному Дракону, разит всех подряд – и чужих, и своих?.. В настоящем издании текст романа заново отредактирован и исправлен.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-21335-7

© Джордан Р., 1998
© Азбука-Аттикус, 1998

Содержание

Пролог	7
Глава 1	26
Глава 2	39
Глава 3	51
Глава 4	59
Глава 5	68
Глава 6	81
Глава 7	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Роберт Джордан

Путь кинжалов

Харриет. Мой свет, моя жизнь, моя душа – навсегда

*Кто алчет могущества, должен взбираться тропой кинжалов.
Анонимная пометка, сделанная чернилами; обнаружена на полях
рукописной истории (предположительно датированной временем
Артура Ястребиное Крыло) о последних днях Тованских конклавов*

*На высотах все пути вымощены кинжалами.
Старая шончанская пословица*

Robert Jordan
THE PATH OF DAGGERS

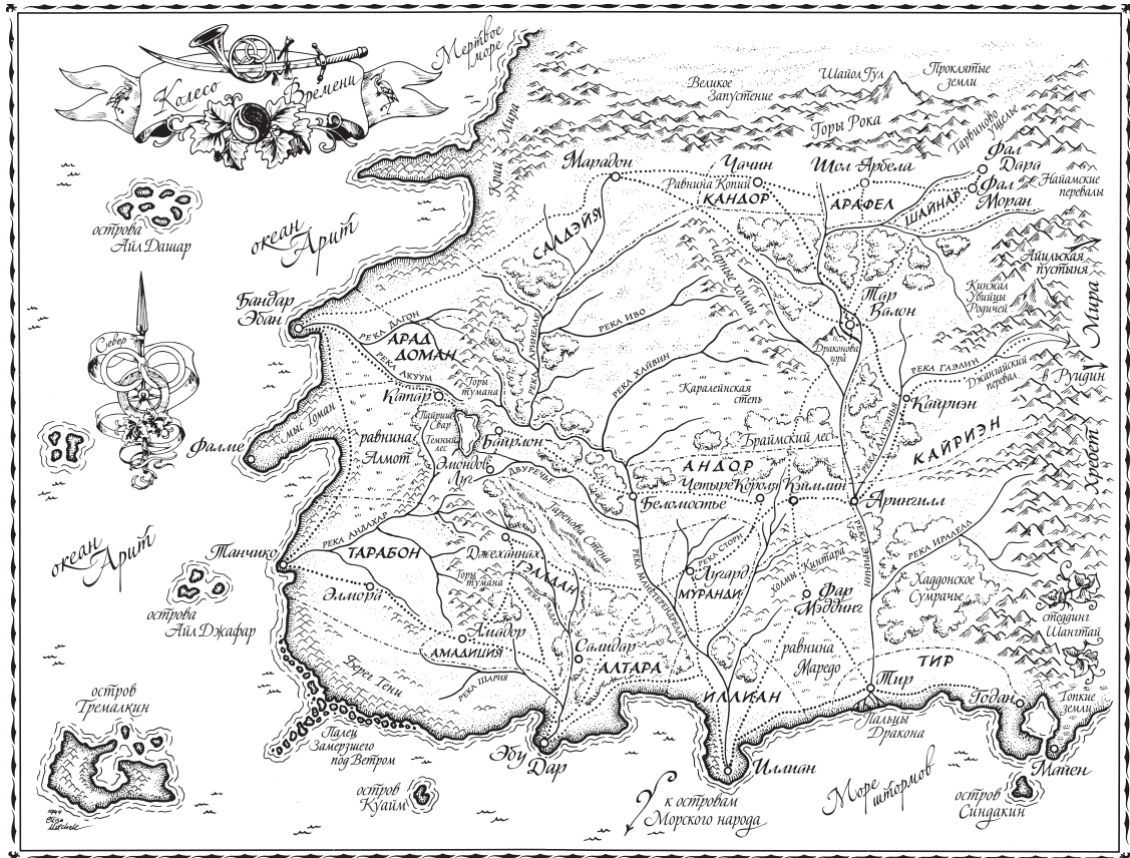
Copyright © 1998 by Bandersnatch Group, Inc.
Maps by Ellisa Mitchell Interior illustrations by Matthew C. Nielsen and Ellisa Mitchell

© Т. А. Велимеев, перевод, 2000
© В. Э. Волковский (наследники), перевод, 2000
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ



Око Мира
Великая охота
Дракон Возрожденный
Восходящая Тень
Огни небес
Властелин хаоса
Корона мечей
Путь кинжалов



Пролог

Обманчивая внешность



Этениелле доводилось видывать горы и пониже, чем эти Черные холмы – будто в насмешку так названные огромные кособокие груды наполовину заплывших земель валунов, по склонам которых петляли крутые тропки. На многих из них несладко пришлось бы и горному козлу. Три дня кряду можно ехать среди иссушенных зноем лесов и лугов с пожухлой травой, не видя и следа человеческого жилья, а потом вдруг в полудневном переходе обнаружить семь-восемь крохотных деревушек, о которых мир и не подозревает. Черные холмы – место неприветливое, в стороне от торговых путей, а в нынешние времена и подавно. С крутого утеса, шагах в сорока в стороне, взирал на проезжавшую мимо Этениелле и ее вооруженный эскорт исхудавший леопард, вскоре исчезнувший из вида. На западе дурным знамением терпеливо кружили стервятники. Кроваво-красное солнце, на небе ни облачка; изредка налетал теплый ветер и в воздух поднималась стена пыли.

Этениелле ехала неторопливо, с рассеянным видом. Чего опасаться, когда за спиной пятьдесят воинов? В противоположность своему почти легендарному предку Сурасе, она вовсе не думала, будто погода подчинится ее воле только потому, что она восседает на Облачном троне. Что же до спешки... В тщательно зашифрованных, оберегаемых пуще глаза посланиях были согласованы сроки выступления в поход, и с каждым была обговорена необходимость не привлекать особого внимания. Не очень простая задачка. Некоторые полагали ее невозможной.

Нахмурившись, Этениелле задумалась о том везении, благодаря которому ей удалось незаметно забраться так далеко: никого не пришлось убивать, и, хотя на объезд малюсеньких деревушек требовалось порой несколько дней, все получилось как нельзя лучше. Несколько огирских *стеддингов* не вызвали затруднений – в большинстве своем огиры уделяли мало внимания тому, что происходит у людей, а в последнее время их это и подавно не волновало, – но вот деревни... Они были слишком малы, вряд ли в них могли оказаться глаза-и-уши Белой Башни или же того, кто провозгласил себя Драконом Возрожденным, – наверное, так оно и есть; впрочем, Этениелле еще не решила, что хуже, – да, слишком малы, но рано или поздно в них появятся торговцы. А торговцы возят с собой не только товары, но и слухи и болтают с кем ни попадя, и слух потечет, словно река, набирая силу, через Черные холмы, покатится дальше по миру. Несколько слов, и один-единственный пастух, ушедший незамеченным, может зажечь сигнальный костер, видимый за пять сотен лиг. От такого огонька запылают леса и луга. И города, быть может. Целые государства.

– Верный ли выбор я сделала, Серайлла?

Сердась на себя, Этениелле поморщилась. Она уже не девочка, чему свидетелями седые пряди, так к чему же бездумно болтать языком? Решение принято. Хотя от тревожных дум никуда не денешься. Свет свидетель, она не так бесстрашна, как бы ей того хотелось.

Первая советница ехала на мышастой кобыле следом за Этениелле, держась вплотную за стройным вороным меринком королевы. С круглым доброжелательным лицом, внимательными темными глазами, леди Серайллу можно было принять за жену фермера в платье родовитой особы, но ум, прячущийся за грубыми чертами потного лица, остротой не уступал уму Айс Седай.

– Другие решения – не меньший риск, – спокойно ответила Серайлла. Коренастая, но сидевшая в седле с той же грацией, с какой танцевала на балах, Серайлла всегда держалась со спокойствием. Без вкрадчивости, лести или фальши – она просто была совершенно невозмутима. – Какова бы ни была правда, ваше величество, но, судя по всему, Белую Башню парализовало, равно как и расколело. Вы могли бы сидеть и следить за Запустением, пока мир у вас за спиной рушился в тартарары. Будь на вашем месте кто-то другой.

Простая необходимость действовать. Только ли это привело ее сюда? Что ж, коли Белая Башня не хочет или не может сделать того, что требуется, тогда это должен сделать кто-то другой. Что толку стоять на рубежах Запустения, если мир за спиной рушится?

Этениелле посмотрела на стройного мужчину, ехавшего по другую сторону от нее: белые пряди на висках придавали ему надменный вид, на сгибе руки в изукрашенных, орнаментированных ножнах красовался меч Кирукан. Во всяком случае, так говорили; что ж, легендарная воительница королева Арамелле вполне могла его носить. Клинок был древним, некоторые утверждали, что создан он с помощью Силы. Двуручная рукоять, как того требовали традиции, была обращена к Этениелле, хотя у нее и в мыслях не было хвататься за меч, как какой-нибудь пылкой салдэйке. Королеве положено думать, вести за собой, командовать, а это вряд ли возможно, если пытаться делать то, что куда лучше способен сделать любой солдат ее армии.

– А ты, хранитель меча? – обратилась Этениелле к мужчине. – Гнетут ли тебя сомнения в этот поздний час?

Лорд Балдер повернулся в украшенном золотом седле, оглянулся на всадников позади, на знамена в их руках, спрятанные в чехлы из выделанной кожи и шитого золотом бархата.

– Мне не нравится скрывать, кто я такой, ваше величество, – нервно проговорил он. – Скоро мир узнает о нас, о том, что мы сделаем. Или что пытаемся сделать. Мы или погибнем, или войдем в историю, или и то и другое вместе, так что пусть они знают нас по именам.

Балдер отличался язвительностью и больше интересовался музыкой и своими нарядами, нежели чем-то еще, – ладно пригнанная по фигуре синяя куртка была за сегодняшний день уже третьей, – но, как и в случае с Серайллой, внешность была обманчива. На хранителя меча при Облачном троне возлагалась ответственность куда большая, чем таскать меч в украшенных самоцветами ножнах. После смерти мужа Этениелле, около двадцати лет назад, Балдер от имени королевы командовал отправленной в поход армией Кандора, и большинство солдат отправилось бы за ним к самому Шайол Гул. Его не считали выдающимся военачальником, но он знал, когда нужно сражаться, а когда уйти от боя, и знал также, как одерживать победы.

– Место встречи должно быть поблизости, – вдруг заметила Серайлла.

Тут и Этениелле заметила разведчика, которого Балдер выслал вперед, – лукавого малого по имени Ломас, в шлеме с гребнем в виде лисьей головы. Он остановил своего коня на верху тропы. Наклонив копьё, он сделал знак рукой, означавший: «виден пункт сбора».

Балдер развернул широкоплечего мерина и громко отдал эскорту приказ остановиться – когда надо было, он мог и рывкнуть, – потом, прищипорив коня, послал того вслед за королевой и Серайллой. Хотя встречались и давнишние союзники, но Балдер, проезжая мимо Ломаса, обронил короткий приказ: «Наблюдай и передавай». Если что-то пойдет не так, Ломас даст эскорту сигнал идти на выручку своей королеве.

Заметив одобрительный кивок Серайиллы, Этениелле едва заметно вздохнула. Да, давнишние союзники, но времена нынче такие, что подозрения множатся, точно мухи в навозе. А они разворошат кучу, и мухи наверняка закружатся в воздухе. За последний год слишком многие правители на юге погибли или исчезли, так что она не чувствовала себя спокойно с короной на голове. Слишком много земель подверглись опустошению, которое могла бы учинить разве что целая армия троллоков. Кем бы он ни был, этот ал'Тор, ему за многое придется ответить. За многое.

За Ломасом тропа открывалась в низинку, которую язык не поворачивался назвать долиной, а редкие деревья едва ли заслуживали названия рощи. Зелень немного сохранилась на болотных миртах, голубых елях, трехигольных соснах и на нескольких дубах, но остальные деревья стояли либо голые, либо с побуревшей листвой на ветвях. Южнее, однако, находилось то, из-за чего именно это место было выбрано для встречи. На голом склоне холма, частью уйдя в землю, наклонно торчал тонкий шпиль, похожий на колонну из сверкающего золотого кружева, верхушка его на добрых семьдесят шагов возвышалась над кронами деревьев. Об этом шпиле знал в Черных холмах любой научившийся ходить ребенок, но вокруг на четыре дневных перехода не было деревень, и по своему желанию сюда никто и на десять миль не подойдет. Об этом месте ходили слухи, что здесь бывают жуткие видения и тут, мол, бродят ожившие мертвецы, а коснувшись шпиля, можно умереть.

Этениелле, хоть и не считала себя впечатлительной, слегка поежилась. Ниан говорила, что шпиль – осколок Эпохи легенд и что он никому не причинит вреда. Если повезет, то у Айз Седай не будет повода вспоминать тот разговор, случившийся несколько лет назад. Жаль, что здесь не оживают мертвые. Легенда гласит, что Кирукан собственными руками обезглавила Лжедракона и что от другого мужчины, способного направлять Силу, она родила двух сыновей. Или, может, от того же самого. Она бы знала, как добиться цели и остаться в живых.

Как Этениелле и предполагала, первая пара из тех, на встречу с кем направлялась королева, уже поджидала ее. Обоих сопровождали двое. Пейтар Начиман – на длинном лице слишком много морщинок, куда больше, чем у того ошеломительно красивого мужчины, которым Этениелле восхищалась в детстве, не говоря уже о том, что волос у него стало гораздо меньше, и те – седые. К счастью, он отказался от арафелского обычая заплетать косицы и волосы подстригал коротко. Но в седле Пейтар держался прямо, крепким плечам не нужна подкладка в шитой золотом зеленой куртке, и Этениелле знала, что мечом, висящим у бедра, он владеет с прежней ловкостью. Изар Тогита – квадратное лицо, голова, за исключением пряди белых волос на макушке, выбрита, простая куртка цвета старой бронзы. Он был на голову ниже короля Арафела и худощавее, но тот рядом с ним казался добродушным. Изару Шайнарскому незачем было хмуриться – какая-то печаль всегда таилась в его глазах, – он казался выплавленным из того же металла, что и длинный меч у него за спиной. Этениелле доверяла обоим и надеялась, что это доверие подкрепят семейные узы. Союзы по браку всегда связывали Пограничные земли, в той же мере, как их спланивала война с Запустением. Дочь Этениелле была замужем за третьим сыном Изара, а сын любимой внучки Пейтара, так же как брат и две сестры, нашли себе супругов в их Домах.

Спутники королей походили друг на друга не больше их самих. Как обычно, Ишигари Териасиан выглядел так, будто в седло его посадили в похмельном оцепенении после знатной пьянки, и оставалось удивляться, как такой толстяк на коне держится; красная тонкая куртка будто жеваная, щеки не бриты, взгляд затуманенный. По контрасту Кэйрил Шианри, высокий и худощавый, щегольством мало уступал Балдеру, хотя на припорошенном пылью лице сверкали капельки пота, в косицы вплетены серебряные колокольчики, такие же позвякивают на голенищах сапог. Как обычно, на всех, кроме Пейтара, он взирал холодно, чуть ли не воротя свой выдающийся нос. Вообще-то, во многих отношениях Шианри был глуп – короли Арафела редко позволяли себе роскошь прислушиваться к советникам, больше полагаясь на своих

королев, – но он тоже был не тем, кем казался с виду. Агельмар Джагад многим походил на Изара, хоть и был выше его и шире в плечах, – по-солдатски просто одетый мужчина, словно из камня и стали, увешанный оружием с головы до ног. Молниеносная смерть, только ждущая приказа. Алесуне Чулин – стройна и привлекательна в той же степени, как Серайлла коренаста и простолица, и в ней клочкотала ярость, в то время как Серайлла была само спокойствие. Алесуне, казалось, и родилась в своих тонких шелках голубого цвета. Хорошо бы не забывать, что и о ней, как и о Серайлле, судить по внешности было бы ошибкой.

– Да пребудут с тобой мир и Свет, Этениелле Кандорская, – хрипло поприветствовал Изар Этениелле.

Та остановила коня перед королями, и сразу же Пейтар распевно произнес:

– Да обнимет тебя Свет, Этениелле Кандорская!

От голоса Пейтара сердца женщин по-прежнему бились учащенно. И сердце жены, которая знала, что он весь ее, до подошв сапог, – Этениелле сомневалась, чтобы у Менуки имелся хоть малейший повод для ревности, да и сама она в жизни такого повода не давала.

Этениелле приветствовала их столь же кратко, завершив откровенным:

– Надеюсь, вы добрались сюда незамеченными.

Изар фыркнул и оперся о седло, мрачно разглядывая Этениелле. Суровый мужчина, но одиннадцать лет вдовец и по-прежнему в трауре. В память своей жены он писал стихи. Внешность всегда обманчива, всегда за нею что-то да кроется.

– Когда бы нас заметили, Этениелле, – проворчал он, – нам можно было бы поворачивать назад.

– Уже говорите о том, чтобы поворачивать?

Каким-то образом своим тоном и подергиванием поводьев, украшенных бахромой, Шианри ухитрился выразить разом и презрение, и едва прикрытый вежливостью вызов.

Агельмар холодно оглядел его, чуть шевельнулся в седле, словно бы вспоминая, где какое оружие находится. Да, старые союзники во многих битвах против Запустения, но – все во власти новых подозрений.

Серая кобыла, ростом с боевого коня, затанцевала под Алесуне. Тонкие белые пряди в длинных черных волосах вдруг напомнили плюмаж боевого шлема, а глаза Алесуне заставили легко забыть, что шайнарки не учатся владеть оружием и не бьются на дуэлях. Титул ее был прост – *шатайян* королевского двора, однако если кто-либо подумает, будто влияние шатайян распространяется только на дела с поставщиками провизии, тем самым он совершит смертельно опасную ошибку.

– Безрассудство – это не смелость, лорд Шианри. Мы оставили рубежи Запустения почти без защиты. И если мы не выполним того, что намерены сделать, наши головы насадят на копья. Если об этом не позаботится ал'Тор, то уж Белая Башня в удовольствии себе не откажет.

– Запустение, можно сказать, впало в спячку, – пробормотал Тerasиан, потирая мясистый подбородок. Тихо скрипнула щетина. – Никогда не видывал его таким.

– Тень никогда не засыпает, – негромко обронил Джагад, и Тerasиан задумчиво кивнул.

Из всех здесь присутствовавших лучшим полководцем считался Агельмар, однако места по правую руку Пейтара Тerasиан добился вовсе не потому, что был хорошим собутыльником.

– Те силы, что я оставила, сдержат Запустение, если только вновь не разразятся Троллоковы войны, – сказала Этениелле твердо. – Надеюсь, вы все поступили так же. Впрочем, какое это имеет значение? Неужели кто-то думает, что мы и в самом деле можем повернуть назад?

Она вложила в вопрос изрядную долю сарказма и не ожидала ответа. Но ей ответили.

– Повернуть назад? – раздался за спиной Этениелле требовательный высокий голос молодой женщины.

К собравшимся галопом подскакала Тенобия Салдэйская и так резко осадил своего белого мерина, что тот встал на дыбы. По темно-серым рукавам ее дорожного платья с узкими

юбками тянулись тонкие цепочки жемчужин, а обильная ало-золотая вышивка подчеркивала тонкую талию и округлую грудь. Высокая для женщины, Тенобия умела быть если и не красивой, то хорошенькой, несмотря на слишком дерзко выступающий нос. Такому впечатлению немало способствовали большие миндалевидные глаза глубокого синего цвета, а также и уверенность, которую она словно бы излучала вокруг себя. Как и ожидалось, королеву Салдэйи сопровождал лишь Калиан Рамсин, один из ее многочисленных дядьев, седоволосый, покрытый шрамами, с орлиным профилем и густыми усами, загибавшимися вниз. Тенобия Казади принимала советы солдат, но больше – ничьи.

– Я назад не поверну, – яростно продолжала она, – что бы ни стали делать другие. Я отправила своего *дорогого* дядю Даврама принести мне голову Лжедракона Мазрима Таима, а теперь они оба, и он, и Таим, идут за этим ал’Тором. Это если верить хотя бы половине того, что я слышала. При мне пятьдесят тысяч, и, что бы вы ни решили, я не поверну обратно, пока дядя и ал’Тор в точности не усвоят, кто правит Салдэйей!

Этениелле переглянулась с Серайлой и Балдером, а Пейтар и Изар принялись убеждать Тенобию, что тоже не намерены отступать. Серайла чуть качнула головой, еле заметно пожала плечами. Балдер не таясь закатил глаза. Этениелле отчасти предполагала, что в конце концов Тенобия не решится приехать, но, видно, с девчонкой хлопот не оберешься.

Салдэйцы были со странностями – частенько Этениелле удивляло, как это ее сестра Эйнона так удачно вышла замуж за другого дядю Тенобии, – однако у Тенобии все странности доходили до крайностей. От любого салдэйца можно ожидать чего угодно, но Тенобия находила удовольствие в том, чтобы шокировать доманийцев и перещеголять алтарцев. Вспыльчивость салдэйцев вошла в легенды; характер же Тенобии был точно лесной пожар на сильном ветру, и никогда не скажешь, что послужит для него искрой. Этениелле даже задумываться не хотелось, каких трудов будет стоить заставить ее прислушаться к доводам здравого смысла. На такое способен разве что Даврам Башир. А ведь еще был и вопрос о браке.

Не стоит забывать и о том, что Тенобия по-прежнему молода, хотя давно миновала возраст, когда ей следовало выйти замуж: брак – долг любого члена правящего Дома, а тем более правителя. Однако Этениелле никогда не рассматривала девушку как невесту для кого-то из своих сыновей. Требования к мужу у Тенобии были такие же, как и к себе самой. Пожалуй, она бы без оглядки выскочила за героя, способного одолеть разом дюжину мурддраалов, одновременно играя на арфе и сочиняя стихи. Также он должен в искусной беседе посрамить своими познаниями ученых, одновременно съезжая верхом по отвесному склону. Или взбираясь на неприступную скалу. Разумеется, он должен уступать ей – ведь, в конце концов, она королева! – правда, иногда Тенобия будет ждать от него, что он пропустит мимо ушей все ею сказанное и попросту закинет ее себе на плечо. Девчонка и впрямь именно этого ожидает! И да поможет муженьку Свет, если ему вздумается проделать это в тот момент, когда ей хочется другого! Или подчиниться, когда ей угодно иное. Она никогда не говорила напрямую, но любая женщина с толикой мозгов, услышав ее разговоры о мужчинах, очень скоро сложит одно с другим. Тенобия умрет старой девой. Иными словами, наследует ей Даврам, ее дядя, – если после всего она оставит его в живых. Или же наследник Даврама.

Тут ухо Этениелле кое-что уловило, и она резко выпрямилась в седле. Зря отвлеклась – слишком многое поставлено на кон.

– Айз Седай? – резким тоном спросила она. – Что Айз Седай?

Их советницы из Белой Башни, все, кроме Пейтара, отбыли, едва получили известия о бедах в Башне, – и ее советница Ниан, и Изара Айслинг исчезли без следа. Если к Айз Седай просочится хотя бы намек на их планы... Что ж, у Айз Седай всегда есть свои собственные планы. Всегда. Этениелле очень бы не хотелось обнаружить, что она сует руки не в одно осиное гнездо, а сразу в два.

Пейтар, слегка смутившись, пожал плечами. Не такой уж сложный для него прием; он, как и Серайлла, попросту не допускал, чтобы что-либо могло вывести его из себя.

– Не думала же ты, Этениелле, что я оставлю Коладару? – ответил он. – Я бы не оставил ее, даже если бы мне удалось скрыть от нее приготовления к походу.

Она и вправду так не думала: ведь Кируна, его любимая сестра, была Айз Седай, и она внушила ему глубокое уважение к Башне. Однако думать не думала, а втайне надеялась...

– У Коладары были гости, – продолжил Пейтар. – Семь сестер. В сложившихся обстоятельствах привести их с собой представлялось разумным. К счастью, убеждать никого не пришлось. По правде говоря, совсем не понадобилось.

– Да сияет и сохранит Свет наши души, – прошептала Этениелле и услышала тихие молитвы Серайллы и Балдера. – Восемь сестер, Пейтар? Восемь?

В Белой Башне уже наверняка известно все, даже то, что они еще только замышляют.

– И со мной еще пять, – вмешалась Тенобия тоном, каким объявляют, что отыскалась новая пара шлепанцев. – Они нашли меня раньше, чем я покинула Салдэйю. Уверена, случайно: удивились не меньше моего. Едва узнав, что я делаю, – до сих пор понять не могу, как они это узнали, но узнали!.. И я думала, они кинутся искать Мемару. – На миг она нахмурила брови. Элайда крупно просчиталась, решив припугнуть Тенобию и послав к ней сестру. – Вместо этого, – договорила она, – Иллейзиен и остальные принялись настаивать на скрытности больше моего.

– И даже так, – не отступалась Этениелле. – Тринадцать сестер! Достаточно того, чтобы одна из них каким-то образом передала послание! Несколько строчек. Какой-нибудь солдат или запуганная служанка. Неужели кто-то из вас полагает, будто способен их остановить?

– Кости брошены на стол, – просто отозвался Пейтар.

Сделанного не воротишь. С точки зрения Этениелле, арафельцы почти такие же странные, что и салдэйцы.

– Тринадцать Айз Седай нам вовсе не помешают на юге, – прибавил Изар.

Скрытый смысл его слов был ясен всем. Впрочем, никто не ответил, словно не желая искушать судьбу. Совсем не похоже на противостояние Запустению.

Только Тенобия вдруг усмехнулась. Ее мерин затанцевал было, но она успокоила его.

– Я предполагала двинуться на юг как можно быстрее, но приглашаю вас всех сегодня на обед в свой лагерь. Вы сможете поговорить с Иллейзиен и ее подругами и решите, будут ли ваши суждения такими же, как мое. Вероятно, завтра вечером мы все сможем собраться в лагере Пейтара и расспросить подруг Коладары. – Предложение было столь разумным, столь несомненно необходимым, что согласились сразу все. И тогда Тенобия прибавила, словно эта мысль ей только что пришла в голову: – Этениелле, мой дядя Калиан почтет за честь, если ты позволишь сегодня вечером ему сесть с тобой рядом. Он восхищается тобой.

Этениелле бросила взгляд за спину Тенобии, на Калиана Рамсина – тот сидел молча, не разжимая губ, казалось, что и вовсе не дыша, – она просто взглянула на него, и на миг этот убеленный сединами орел отдернул занавес со своих глаз. На миг ей показалось, что она увидела то, чего не видела давно, со смерти Бриса: мужчину, который смотрит не на королеву, а на женщину. От потрясения у нее дыхание перехватило. Взор Тенобии скользнул с дяди на Этениелле, на губах ее показалась еле заметная довольная улыбка.

Гнев вскипел в Этениелле. После этой улыбки все стало ясно, даже если бы не хватило взгляда Калиана. Девчонка надумала женить этого малого на ней! *Дитяtko* посмело?.. И внезапно гнев сменился печалью. Сама Этениелле была моложе, когда пыталась устроить брак своей вдовой сестры Назелле. Вопрос государственный, но, несмотря на все свои протесты, Назелле влюбилась в лорда Исмика. Этениелле так долго приходилось устраивать чужие свадьбы, и она даже не задумывалась, что ее брак может оказаться важным фактором государственных дел. Она вновь посмотрела на Калиана, задержав взгляд подольше. Его испещренное

морщинами лицо снова выражало почтительность, но она видела его глаза. Если она выберет себе консорта, его должна отличать твердость, но своим детям, если и не всем родичам, она всегда желала в браке любви. То же, в неменьшей степени, относилось и к ней самой.

– Вместо того чтобы тратить день на болтовню, – сказала Этениелле, куда тише, чем ей бы того хотелось, – давайте исполним то, ради чего мы здесь. – Да испепелит Свет ее душу, она ведь взрослая женщина, а не девчонка на первой встрече с поклонником. – Ну? – потребовала она. На сей раз ее тон был определенно тверд.

В тех осторожных письмах уже обо всем договорились, но все планы об отъезде на юг будут изменяться сообразно обстоятельствам. Сегодняшняя встреча преследовала всего одну цель – устроить древнюю церемонию в традиции Пограничных земель, церемонию, которая за все годы со времен Разлома Мира происходила, как гласят летописи, всего семь раз. Простая церемония, которая свяжет куда крепче слов, сколь бы решительны те ни были. Правители сдвинулись потеснее, остальные отъехали назад.

Этениелле зашипела сквозь зубы, полоснув себя по левой ладони ножом. Тенобия, надрезая свою ладонь, смеялась. Пейтар и Изар все равно что занозу выковыривали. Вытянулись четыре руки, встретились, сомкнулись в общем пожатии, смешивая кровь; и капли падали на землю, тут же впитываясь в иссушенную почву.

– Мы – едины, до самой смерти, – сказал Изар, и остальные повторили вслед за ним:

– Мы – едины, до самой смерти.

Отныне они связаны кровью и землей. Теперь они обязаны отыскать Ранда ал'Тора. И свершить то, что должно быть сделано. Не постояв за ценой.

* * *

Удостоверившись, что Туранна в силах сидеть без посторонней помощи, Верин встала, оставив обмякшую Белую сестру пить воду. Во всяком случае, та пыталась пить. Зубы Туранны стучали по серебряной чаше, что и неудивительно. Клапан у входа в палатку был опущен, и Верин пришлось пригнуться, чтобы высунуть наружу голову. И сразу усталость болью отозвалась в спине. Верин ничуть не боялась дрожавшей у нее за спиной женщины в черной одежде из грубой шерсти. Она крепко держала щит, ограждавший ее, и сомневалась, чтобы у Туранны нашлось достаточно сил, чтобы наброситься на нее сзади, даже приди Белой в голову такая невероятная мысль. Белые о подобном просто помыслить не могут. Тем более что в нынешнем состоянии Туранна еще несколько часов вряд ли сумеет направить Силу, даже не будь она отгорожена щитом.

На холмах у Кайриэна раскинулся лагерь Айил: низкие палатки землистого цвета заполняли пространство между редкими деревьями, оставшимися в такой близости от столицы. В воздухе висели тучи пыли, но айильцев не беспокоили ни пыль, ни жара, ни сияние яростного солнца. Лагерь, не уступавший размерами какому-нибудь городу, был охвачен деловитой суетой. Верин видела мужчин, разделяющих дичь и латающих палатки, точивших ножи и тачавших мягкие сапоги, в которых ходили все айильцы; женщин, готовящих еду на разведенных костерках, пекущих хлеб, ткущих на небольших ткацких станках, высматривающих по лагерю детей. Повсюду облаченные в белое *гай'шайн* – они переносили тяжести, выколачивали ковры, возились с вьючными лошадьми и мулами. Ни лавочников, ни торговцев-разносчиков. И разумеется, ни телег, ни тачек. Город? Больше походит на тысячу собранных вместе деревень, хотя мужчин здесь гораздо больше, чем женщин, и, не считая кузнецов, под молотами которых звенели наковальни, все мужчины, не носившие белые одежды, вооружены. Впрочем, большинство женщин тоже носили оружие.

Среди такого множества людей, под стать огромному городу, вполне могли совершенно затеряться несколько пленных Айз Седай, но не далее чем в пятидесяти шагах ковыляла жен-

щина в черном бесформенном платье. Она волокла за собой коровью шкуру с наваленными на нее камнями. Лицо женщины скрывал глубокий капюшон, но никто, кроме захваченных сестер, не носил в лагере этих черных одежд. За шкурой шагала Хранительница Мудрости, ее окружало сияние Силы – она ограждала Айз Седай щитом, а по бокам сестры, подгоняя розгами, если она мешкала, шли две Девы. Верин терялась в догадках, не специально ли ей показывают пленниц. Этим утром она прошла мимо большеглазой Койрен Селдайн – по ее лицу струился пот, она шагала вверх по склону с тяжелой корзиной с песком на спине, в сопровождении Хранительницы Мудрости и двух рослых айильцев. Вчера – Сарен Немдал. Ее заставили горстями переливать воду из одного кожаного ведра в другое, наказывая розгами за каждую пролитую каплю. Сарен ухитрилась улучшить момент и спросить у Верин: «Почему я?» – хотя вряд ли ожидала ответа. Да Верин и не сумела бы дать хоть какой-то ответ: Девы тотчас же заставили Сарен вернуться к бессмысленному занятию.

Верин подавила вздох. С одной стороны, ей не очень-то нравилось подобное отношение к сестрам, каковы бы ни были причины или необходимость, а с другой – Хранительницы Мудрости явно хотят... Чего? Чтобы она поняла, что звание Айз Седай здесь – пустой звук? Нелепо. Уже растолковали, доходчивее некуда. А может, чтобы она осознала: черное платье могут надеть и на нее саму? Какое-то время она полагала, что ей-то эта участь не грозит, но Хранительницы таят столько тайн, которые еще предстоит разгадать! Из этих тайн самая малая – какова у них иерархия. Женщинам, отдающим распоряжения, иногда приказывают те самые женщины, которыми чуть ранее командовали, а позже все вновь меняется, и Верин не понятен ни порядок, ни причины. Хотя вот Сорилее до сих пор никто не давал указаний; хоть какое-то утешение.

Верин мысленно улыбнулась. Сегодня, ранним утром, в Солнечном дворце Сорилея потребовала ответа: что более всего стыдно для мокроземцев? Кируна и другие сестры не поняли; они и не старались по-настоящему уяснить происходящее, то ли страшась того, что узнают, то ли боясь испытания, которому может подвергнуться клятва. Они по-прежнему старались оправдать тот роковой путь, с которого их столкнула судьба, но у Верин уже были доводы в пользу того пути, который избрала она, доводы и цель. В пояском кошельке у нее лежал готовый список – осталось только вручить его Сорилее, когда они окажутся наедине. Другим знать ни к чему. Кое-кого из пленниц Верин в жизни не встречала, но полагала, что для большинства из них в этом списке подытожены те слабости, которые искала Сорилея. Для женщин в черном жизнь станет намного труднее. И если повезет, ее собственные усилия сыграют в этом немалую роль.

У самой палатки сидели два рослых и могучих – косая сажень в плечах – айильца, с виду совершенно поглощенные игрой в «кошачью колыбельку», но стоило Верин высунуться из палатки, как они быстро огляделись. Корам поднялся во весь рост с быстротой змеи, а Мендан помедлил лишь миг, пряча веревочку. Выпрямись Верин, она едва бы достала любому из них до груди. Разумеется, она могла бы перевернуть обоих вверх тормашками и отшлепать в придачу. Когда бы осмелилась. Иногда искушение было так велико... Их назначили в провожатые Верин, поручив оберегать от недоразумений в лагере. И несомненно, они сообщали обо всем, что она скажет или сделает. В некоторых отношениях она бы предпочла, чтобы с нею был Томас, но лишь в некоторых. От своего Стража уберечь тайны куда труднее, чем от чужаков.

– Пожалуйста, передайте Колинде, что я закончила с Туранной Норилл, – сказала Верин Кораму, – и попросите ее прислать ко мне Кэтрин Алруддин.

Сначала Верин хотела закончить с сестрами, у которых не было Стражей. Корам кивнул и, не сказав ни слова, потрусил прочь. Не слишком-то любезны эти айильцы.

Мендан опустил на корточки, поглядывая на Верин изумительно синими глазами. Вокруг головы Мендана была повязана полоса красной ткани с древней эмблемой Айз Седай. Как и другие носившие такую повязку мужчины, как и Девы, он словно бы ждал, когда она

допустит оплошность. Что ж, они не первые и далеко не самые опасные. С той поры, когда она допустила последнюю серьезную ошибку, минул семьдесят один год.

Верин одарила Мендана туманной улыбкой и уже нырнула было обратно в палатку, как вдруг ее взгляд наткнулся на то, что удержало ее точно тисками. Если бы айилец попытался перерезать ей горло, она бы этого не заметила.

Недалеко от палатки сидели на коленях девять или десять женщин, они вращали ручные мельницы из плоских камней – такими жерновами пользуются на отдаленных фермах. Другие подносили в корзинах зерно и относили муку. Девять или десять женщин в темных юбках и светлых блузах, сложенные шарфы повязаны на голове, стояли на коленях. Одна, заметно ниже остальных, единственная, чьи волосы не доходили до талии, не носила ни ожерелий, ни браслетов. Она подняла голову и встретилась взглядом с Верин, и черты ее покрасневшего на солнце лица обострились от негодования. Правда, лишь на мгновение, а потом она вновь принялась торопливо крутить ручку тяжелого жернова.

Верин юркнула в палатку, ощущая подкатившую к горлу дурноту. Иргайн из Зеленой Айя. Точнее, она была Зеленой сестрой – до того как Ранд ал'Тор усмирил ее. Щит притупляет и размывает узы со Стражем, но усмирение, как и смерть, разом обрывает их. Один из Стражей Иргайн, по-видимому, пал за смертью от потрясения, а другой погиб, пытаясь перебить тысячи айильцев, даже не помышляя о бегстве. Вероятно, Иргайн жалеет, что осталась в живых. Усмиренной. Верин прижала ладони к животу. Нет, ей *не будет* плохо. Ей доводилось выдвигать кое-что и пострашнее усмиренной женщины. Гораздо страшнее.

– Ведь нет никакой надежды? – глухо пробормотала Туранна. Она молча плакала, глядя на дрожащую в ладонях серебряную чашу как на нечто далекое и ужасное. – Никакой надежды.

– Если поискать, всегда найдется выход, – сказала Верин, рассеянно погладив женщину по плечу. – Ищи.

Мысли ее устремились вскачь, и ни одна из них не была о Туранне. При виде усмиренной Иргайн сжался желудок, горечь подкатила к горлу – то ведомо Свету. Но что она делает, меля зерно? И одетая, точно айилка?! Ее заставили работать, чтобы это увидела Верин? Глупости – даже с таким сильным *та'вереном*, как Ранд ал'Тор в нескольких милях отсюда, все же есть некий предел случайным совпадениям. Неужели она ошиблась? В худшем случае ошибка не так велика. Только вот маленькие ошибки порой оказываются столь же губительны, как и большие. Сколько она сама выдержит, если Сорилея захочет сломать ее? Разочаровывающе мало, как подозревала Верин. В некоторых отношениях Сорилея жестока, как любой, кто ей когда-либо встречался. И неизвестно, что ее остановит. Не сегодня об этом беспокоиться. Нет смысла забегать вперед.

Опустившись на колени, Верин принялась утешать Туранну, но не очень убедительно. Слова утешения звучали пусто как для нее, так и для Туранны. Лишь сама Туранна может изменить свое положение, это зависит только от нее, от ее душевных сил. Белая сестра горько зарыдала, плечи безмолвно затряслись, слезы катились по лицу. Появление двух Хранительниц и пары юных айильцев, которым низкая палатка не позволяла выпрямиться во весь рост, принесло облегчение. Во всяком случае, Верин. Она встала и поприветствовала вошедших реверансом, но те нисколько не заинтересовались ею.

Давиена – зеленоглазая, с желтовато-рыжими волосами; темные волосы сероглазой Лозейн чуть отливали рыжинкой на солнце. Обе были на голову выше Верин, лица обеих выражали мрачную решимость, хотя они явно желали чего-то другого. Ни одна не обладала такими способностями направлять Силу, чтобы в одиночку наверняка удержать Туранну, но они были соединены в круг – будто всю жизнь этим занимались. Сияние *саидар* вокруг одной, хотя стояли они не вплотную, сливалось с ореолом другой. Чтобы не нахмуриться, Верин заставила себя улыбнуться. Где они этому научились? Она готова была поставить в заклад все, что у нее было, что несколько дней назад они о таком и не помышляли.

События обрушились водопадом. Подхватив Туранну под руки, мужчины поставили ее на ноги. Серебряная чаша скатилась на пол. К счастью – пустая. Она не сопротивлялась, понимая, что любой из них может унести ее под мышкой, как куль с зерном. Челюсть у Туранны отвисла, она принялась хныкать. Айильцы не обратили на это внимания. Давиена, бывшая центром круга, перехватила щит, и Верин отпустила Источник совсем. Никто из них не доверял ей настолько, чтобы позволять обнимать саидар без известной им причины, какие бы клятвы она ни приносила. Никто будто ничего и не заметил. Мужчины выволокли Туранну, ее босые ноги волочились по коврам и парусиновому полу палатки. Следом вышли Хранительницы. И все. Что можно было сделать с Туранной, уже сделано.

Испутив глубокий вздох, Верин тяжело уселась на яркого цвета подушку. Рядом с ней стоял прекрасной работы золотой кубок, и она жадно осушила его. Все дело в жажде и в усталости. День едва на середине, а она чувствовала себя так, словно двадцать миль без отдыха волокла тяжелый сундук. По холмам. Чаша вернулась на поднос, и Верин вытащила из-за пояса маленькую книжку в кожаной обложке. Им всегда нужно какое-то время, чтобы привести очередную женщину. Пара минут перечесть записи и добавить новые – такой возможности нельзя упустить.

В заметках о пленниках необходимости нет, но неожиданное появление три дня назад Кадсуане Меледрин дало пищу для размышлений. Что нужно Кадсуане? Спутников ее можно не брать в расчет, но сама Кадсуане была легендой, и то, что из легенд можно принять на веру, делало ее очень и очень опасной. Опасной и непредсказуемой. Из маленького набора письменных принадлежностей, который Верин всегда носила с собой, она взяла ручку, потянулась к закупоренной чернильнице. И тут в палатку вошла еще одна Хранительница Мудрости.

Верин вскочила на ноги, обронив записную книжку. Аэрон вовсе не могла направлять Силу, но Верин присела в реверансе куда ниже, чем перед Давиеной и Лозейн. Потом попыталась, отпустив юбки, схватить книжку, но пальцы Аэрон оказались проворней. Верин выпрямилась, спокойно глядя, как Хранительница листает странички.

Небесно-голубые, цвета зимнего неба, глаза взглянули в глаза Верин. Стылое зимнее небо...

– Несколько превосходных рисунков и уйма всяких заметок о цветах и травах, – холодно отметила Аэрон. – Не вижу ничего, что имело бы отношение к вопросам, которые тебе велено было задавать.

И она скорее сунула, чем отдала, книжку Верин.

– Благодарю тебя, Хранительница, – покорно сказала Верин, пряча книжечку за пояс. Для пользы дела она даже еще раз присела в реверансе, не ниже первого. – У меня есть привычка записывать все, что вижу. – Не помешает как-нибудь расшифровать свои заметки – записными книжками забиты сундуки и шкафы в ее комнате в библиотеке Белой Башни, на целую жизнь хватит. Шифр непростой, а время для расшифровки, как надеялась Верин, наступит еще не скоро. – А что до... пленниц, то они на разный лад твердят одно и то же. *Кар'а'карна* нужно держать в Башне вплоть до Последней битвы. А... дурно обращаться с ним стали потому, что он пытался сбежать. Но это вам уже, конечно, известно. Я, разумеется, обязательно узнаю больше.

Все сказанное ею – соответствует истине, если и не вся правда; она немало повидала сестер, рискнувших послать других на смерть без веской на то причины. Беда в том, как определить, когда риск того стоит. Похищение юного ал'Тора, причем посольством, присланным якобы для заключения соглашения, привело айильцев в неописуемую ярость, граничащую с жадой убийства, но, насколько она могла судить, их почти не рассердило то, что она назвала «дурным обращением».

Аэрон поправила темную шаль, загремели золотые и костяные браслеты. Она пристально смотрела на Верин, будто пыталась прочесть ее мысли. Кажется, среди Хранительниц Мудрости Аэрон занимает не последнее место, и хотя Верин порой подмечала улыбку на темном от

загара лице, теплую и приятную, улыбка эта никогда не была предназначена Айз Седай. «Мы никогда не думали, что ты окажешься среди тех, кто подвел нас, – мрачно глядя на Верин, как-то сказала ей Аэрон. Впрочем, ничего неясного в остальных ее словах не было. – У Айз Седай нет чести. Дай мне только тень подозрения, и я задушу тебя собственными руками. Еще чуть-чуть, и я брошу тебя стервятникам и муравьям». Верин хлопала глазами, стараясь казаться покорной, – нельзя забывать о покорности. Послушной и угодливой. Страха она не испытывала. Верин встречались и более суровые взгляды, в которых и намек не было на угрызения совести. Но... Пришлось немало потрудиться, чтобы расспросы поручили именно ей. И нельзя, чтобы столько усилий пропало втуне. Если б только по лицам этих айильцев можно было прочесть больше!

Вдруг Верин поняла, что в палатке они не одни. Вошли две золотоволосые Девы, они поддерживали под локти женщину в черном, ниже обеих на ладонь. Сбоку стояла Тиалин, долговая и рыжеволосая, с мрачным лицом; ее окружало сияние саидар – она удерживала щит пленницы. Мокрые от пота локоны сестры свалились в сосульки, недлинные, до плеч, пряди прилипли к лицу, такому грязному, что Верин не сразу узнала новенькую. Высокие скулы, нос с еле заметной горбинкой, легкая раскосость карих глаз... Белдейн. Белдейн Нирам. Она обучала девушку, когда та была послушницей.

– Если позволено спросить, – осторожно промолвила Верин, – то почему привели ее? Я просила другую.

Хотя Белдейн была Зеленой, у нее не было Стража – шаль она получила всего три года назад, а первого Стража Зеленые выбирают особенно придирчиво. Но если айильцы вздумают приводить кого угодно, у следующей может оказаться два-три Стража. Верин предполагала заняться сегодня еще двумя, но только если у них не будет Стражей. И она сомневалась, что у нее будет иная возможность.

– Кэтрин Алруддин ночью сбежала, – чуть ли не сплюнула Тиалин, и Верин охнула.

– Вы позволили ей *сбежать*? – вырвалось у нее. Усталость не оправдание, но слова посыпались у нее с языка прежде, чем она успела его прикусить. – Как вы могли так глупо поступить? Она же – Красная! Не трусиха и в Силе сведуща! Кар'а'карн в опасности! Когда это случилось?

– Побег обнаружили только утром! – прорычала одна из Дев. Глаза ее походили на отполированные сапфиры. – Хранительница Мудрости и два *Кор Дарай* были отравлены, а гай'шайн, принесший им пить, был найден с перерезанным горлом.

Аэрон выгнула бровь, холодно глядя на Деву:

– Она разве с тобой разговаривает, Карагуин?

Обе Девы тут же занялись Белдейн. Аэрон просто взглянула на Тиалин, и рыжеволосая Хранительница потупилась. Потом взоры Хранительниц обратились на Верин.

– Твоя тревога о Ранде ал'Торе делает тебе... честь, – ворчливо заметила Аэрон. – Его защитят. Большого тебе знать не надо. И так много. – Вдруг тон ее стал жестче. – Но ученицам не позволено говорить подобным тоном с Хранительницами Мудрости, Верин Матвин *Айз Седай*. – Последнее было произнесено с презрением.

Подавив вздох, Верин вновь присела, сожалея о том времени, когда она была стройной – когда прибыла в Белую Башню. Ныне ей уже не с руки бить поклоны.

– Прости меня, Хранительница, – смиренно проговорила она. Сбежала! Если не айильцам, то ей все стало ясно по обстоятельствам бегства. – Дурные предчувствия дали волю моему языку. – Очень жаль, что не удалось наверняка подстроить Кэтрин несчастный случай. – Я постараюсь запомнить. – (Лишь такая малость, как мановение ресниц, показала, что Аэрон приняла извинения.) – Могу я принять ее щит, Хранительница?

Аэрон, не глядя на Тиалин, кивнула, и Верин быстро обняла Источник, принимая щит, который отпустила Тиалин. Верин не переставало поражать, как женщина, не имеющая спо-

способности направлять, так свободно распоряжается теми, кто наделен этой способностью. В Силе Тиалин немногим уступала Верин, однако косилась на Аэрон так же нервно, как и Девы, и, когда те, повинуясь жесту Аэрон, торопливо выскочили из палатки, Тиалин отстала от них только на шаг. Шатающаяся Белдейн осталась стоять.

Однако Аэрон ушла не сразу.

– Ты не скажешь Кар’а’карну о Кэтрин Алруддин, – произнесла она. – Ему и так о многом приходится тревожиться. Незачем его волновать по пустякам.

– О ней я ему ничего не скажу, – быстро согласилась Верин.

Пустяки? Красная, да еще и обладающая силой Кэтрин – вовсе не пустяк. Возможно, нужно взять на заметку. Нужно обдумать.

– И попрिдержи язык, Верин Матвин, а не то взвоешь.

Ответа явно не требовалось, посему Верин снова угодливо и покорно присела в реверансе. Скоро от реверансов колени заболят.

Как только Аэрон ушла, Верин разрешила себе облегченно вздохнуть. Она боялась, что Аэрон решит задержаться. На то, чтобы добиться разрешения оставаться с пленницами наедине, ушло почти столько же сил и времени, сколько и на то, чтобы убедить Сорилею и Эмис в необходимости допросить пленниц, а сделать это лучше тому, кто близок им по Башне. Если Хранительницы узнают, что к решению их искусно подвели... Об этом тоже не стоит сейчас думать. Как и об очень многом другом.

– Здесь есть вода. Можешь вымыть лицо и руки, – мягко сказала Верин Белдейн. – И если хочешь, я Исцелю тебя.

У всех сестер, с кем беседовала Верин, на теле были следы от розог. Айильцы не били пленниц, разве только когда те проливали воду или плохо выполняли задания, а самые упрямые слова неподчинения вызывали лишь презрительный смех. Однако с женщинами в черном они обращались точно со скотиной, розгой подгоняя, останавливая, понуждая поворачивать, и стегали посильнее – если подчинялись не сразу. После Исцеления остальное шло легче.

Грязная, потная, дрожащая, точно тростинка на ветру, Белдейн скривила губы.

– Лучше я истеку кровью, чем позволю тебе Исцелить меня! – огрызнулась она. – Я не слишком удивлена, что ты пресмыкаешься перед этими дичками, но я никогда не думала, что ты опустишься до раскрытия тайн Башни! Это граничит с предательством, Верин! С мятежом! – Она надменно фыркнула. – Думаю, если тебя и этим не смутить, тебя ничто не остановит! Чему еще ты и остальные научили их, кроме соединения в круг?

Верин нетерпеливо поцокала языком, не заботясь, чтобы женщина стояла прямо. У нее болела шея – слишком часто приходилось задирать голову, разговаривая с айильцами; впрочем, и Белдейн была на ладонь выше ее, а колени от реверансов подгибались. И на сегодня Верин по горло была сыта женщинами, впустую источавшими презрение и ненужную гордость. Кому, как не Айз Седай, знать, что в миру у сестры очень много личин? Не всегда можно полагаться на запугивание или благоговение. Кроме того, лучше вести себя подобно послушнице, чем подвергаться наказаниям. В конце концов, даже Кируна вынуждена была признать разумность таких доводов.

– Сядь, пока не упала, – сказала Верин, сама последовав своим словам. – Дай-ка я догадаюсь, что тебя заставили делать сегодня. Судя по грязи, нору рыла. Голыми руками или тебе дали ложку? Знаешь, когда они решат, что хватит, то заставят закапывать обратно. Ну, посмотрим. Ты вымазалась с головы до ног, но одежда чистая, – вероятно, копать тебя заставили в чем мать родила. Ты уверена, что не желаешь Исцеления? Ожоги от солнца очень болезненны. – Она наполнила водой чашу и, воспользовавшись потоком Воздуха, перенесла ее через палатку к Белдейн. – У тебя, верно, в горле пересохло.

Юная Зеленая мгновение неуверенно глядела на чашу, потом колени ее подломились, и она с горьким смешком почти упала на подушку.

– Меня часто... поили. – Она вновь рассмеялась, хотя Верин не понимала, из-за чего тут веселиться. – Сколько угодно, пока я глотать могла. – Зло осмотрев Верин, она помолчала, потом продолжила напряженным голосом: – Тебе очень идет это платье. А мое они сожгли, я видела. Они украли все, кроме этого. – Белдейн тронула кольцо Великого Змея на левом безымянном пальце, золото ярко сверкнуло в грязи. – Думаю, просто духу не хватило. Я знаю, Верин, что они пытаются сделать. У них ничего не выйдет. Ни со мной, ни с кем из нас!

Она вновь была начеку. Верин опустила чашу рядом с Белдейн на разноцветный ковер, затем взяла свою и, отпив, поинтересовалась:

– Да? И что же они пытаются сделать?

На сей раз Белдейн рассмеялась и хрипло, и нервно.

– Сломать нас, и ты это прекрасно понимаешь! Вынудить нас дать клятву этому ал'Тору, как поступила ты. О Верин, как ты могла? Дать клятву верности! И что страшнее – *мужчине!* *Ему!* Даже если ты посмела восстать против Престола Амерлин, против Белой Башни... – Для Белдейн эти два слова как будто значили одно и то же. – Как ты могла!

На миг Верин задумалась, не было бы лучше, если бы женщин, удерживаемых в айильском лагере, как и ее, подхватил поток событий, когда бы все они стали щепками в потоке, кружащем вокруг та'верена Ранда ал'Тора? Она вспомнила, как слова слетали у нее с языка, слетали еще до того, как успевали возникнуть в мозгу. Не те слова, которые она никогда не сказала бы по своей воле, – та'верен влияет на человека иначе, – но такие слова в сложившейся ситуации она могла бы произнести лишь в одном случае из тысячи, если не из десяти тысяч. Нет, споры о том, нужно ли держаться клятв, данных таким образом, были жаркими и долгими; дискуссия же о том, как быть верным этим клятвам, продолжалась до сих пор. Ладно, пусть все идет так, как есть. Рассеянно Верин коснулась пальцами твердой выпуклости за поясом – маленькая брошь, полупрозрачный резной камень, похожий на лилию с множеством лепестков. Она никогда ее не надевала, но всегда носила при себе – вот уже почти пятьдесят лет.

– Ты – *да'тсанг*, Белдейн. Верно, ты слышала это слово. – Ей ни к чему был короткий кивок Белдейн. Это она знала, как часть закона Айил, и вряд ли много больше. – И твою одежду, и все твои вещи, что могло гореть, сожгли, потому что айильцам не нужно ничего, что когда-то принадлежало да'тсанг. Остальное разломали или расплющили, даже твои украшения, и утопили в выгребной яме.

– Моя... моя лошадь? – взволнованно спросила Белдейн.

– Лошадей они не убили, и где твоя, я не знаю. – Наверное, на ней кто-нибудь в город ускакал или отдала какому-нибудь Аша'ману. Говорить не стоит – никакой пользы от этого не будет, один вред. Верин вроде как припоминала, что Белдейн из тех молодых женщин, которые очень привязаны к своим лошадям. – А кольцо тебе оставили в напоминание о том, кем ты была, дабы еще больше опозорить тебя. Не знаю, позволят ли они тебе, даже если ты попросишь, поклясться в верности мастеру ал'Тору. По-моему, в твоём случае это будет нечто невероятное.

– Нет! Никогда!

Но слова звучали пусто и глухо, а плечи Белдейн поникли. Она была потрясена. Впрочем, недостаточно потрясена.

Верин тепло улыбнулась. Один паренек как-то сказал, что ее улыбка напоминает ему о любимой матери. Остается надеяться, что хотя бы в этом он не соврал. Чуть погодя он попытался воткнуть кинжал ей под ребра, и последнее, что он увидел, была ее улыбка.

– Ну конечно нет. Но тогда, боюсь, тебя ждет бессмысленный труд. Это у них считается большим позором. Хуже не придумать. Конечно, если они поймут, что для тебя это не так... Ах да. Готова спорить, тебе не понравилось копать голый под присмотром Дев. Но что скажешь, если тебя в таком виде выставят в палатку, полную мужчин? – Белдейн дернулась. Верин беззаботно щебетала дальше, подобная манера говорить со временем стала у нее чем-то вроде

таланта. – Конечно, ты будешь только стоять, и ничего больше. Да'тсанг не позволяют делать что-нибудь полезное, только в самом крайнем случае. Ну а айилец скорей обнимет разлагающийся труп, чем... Не слишком приятная мысль, да? Во всяком случае, будь готова к чему-то такому. Я знаю, ты будешь из всех сил сопротивляться. Они не пытаются от тебя ничего узнать и вообще не делают ничего такого, что обычно делают с пленными. Но тебя не отпустят, никогда, пока не удостоверятся, что в тебе остался один лишь стыд. Даже если на это уйдет вся твоя жизнь.

Губы Белдейн беззвучно задвигались, но и этого было достаточно. «Вся моя жизнь». Она поморщилась, поерзала на подушке. Солнечные ожоги, рубцы от розог – или же она просто не привыкла к тяжелой работе.

– Нас спасут, – наконец вымолвила она. – Амерлин не оставит нас... Нас спасут, или мы... Мы *сами* спасемся!

Схватив серебряную чашу, Белдейн осушила ее, запрокинув голову, затем потянулась за новой порцией. Верин отправила кувшин к Белдейн и поставила его с ней рядом. Пусть сама наливает.

– Или вы сбежите? – спросила Верин, и грязные руки Белдейн дрогнули, расплескав воду по стенкам чаши. – На это столько же шансов, сколько их у вас на спасение. Вокруг армия Айил. И, судя по всему, ал'Тору ничего не стоит послать куда угодно несколько сотен этих Аша'манов, чтобы выловить вас. – Собеседница задрожала, да и сама Верин едва сдержала дрожь. – Нет, боюсь, ты должна придумать иной способ. Поразмысли. В этом помощников нет. Я знаю, тебе не дадут переговорить с другими. Только ты, – вздохнула Верин. Широко раскрытые глаза смотрели на нее, будто на гадюку. – Нет нужды еще больше ухудшать положение. Позволь мне Исцелить тебя.

Она едва дождалась жалкого кивка Белдейн, а потом опустилась на колени и положила ладони на голову Зеленой сестры. Открыв себя саидар, Верин сплела потоки для Исцеления, и Белдейн охнула и задрожала. Наполовину наполненная чаша выпала из пальцев, а дернувшаяся рука опрокинула кувшин. Вот теперь она готова.

В те считанные мгновения замешательства, которое владеет всеми после Исцеления, пока Белдейн по-прежнему моргала и приходила в себя, Верин открыла себя большому потоку Силы – через резной цветок-*ангриал* в кошеле. Не очень мощный ангриал, но ей нужна вся Сила, до капельки, для осуществления задуманного. Потоки, которые она принялась сплетать, ничуть не походили на Исцеление. Более всего было потоков Духа, а также – Воздух и Вода, Огонь и Земля. Работать с последними было трудновато, и даже сложное переплетение Духа пришлось пару раз распустить, но в итоге получилось тонкой работы кружево. Даже если в палатку сунется Хранительница Мудрости, крайне мала вероятность, что у нее есть редкий талант, необходимый, чтобы проникнуть в суть свершаемого Верин. И без того будет сложно, возможно, болезненно трудно, но она смиритесь со всем, кроме раскрытия тайны.

– Что?.. – сонно промолвила Белдейн. Веки ее были полуприкрыты, а голова упала бы на грудь, когда бы не руки Верин. – Что ты... Что происходит?

– Ничего такого, что бы тебе повредило, – уверила Верин. Эта женщина умрет через год или через десять лет, но само плетение ей ничем не повредит. – Даю слово, это даже для ребенка не опасно.

Конечно, все зависит от того, что сделать с этим плетением.

Нужно аккуратно уложить нить за нитью, но, похоже, разговор не отвлек, а, наоборот, помог. К тому же слишком долгое молчание могло зародить подозрения, если парочка карательных подслушивает. Верин то и дело бросала взгляд на покачивающийся клапан. Ей нужны некоторые ответы, но так, чтобы рядом не было посторонних ушей; ответы собеседницы, скорее всего, по своей воле не дадут. Одним из побочных эффектов созданного плетения было

то, что он ослаблял язык и открывал разум, как и некоторые травы. И сказывался этот эффект очень скоро.

Опустив голос до шепота, Верин произнесла:

– Белдейн, кажется, этот мальчишка ал’Тор полагает, будто в Белой Башне у него есть какие-то сторонники. Тайные, разумеется. Должны быть. – Даже если приложить снаружи ухо к ткани палатки, можно услышать лишь неясные голоса. – Расскажи, что тебе известно.

– Сторонники? – пробормотала Белдейн, пытаясь нахмуриться, что оказалось выше ее сил. Она вяло пошевелилась. – У него? Среди сестер? Не может быть! Если только вроде тебя... Как ты могла, Верин? Почему ты не боролась с ним?

Верин досадливо цыкнула. Не из-за дурацкого предположения, что она может бороться с та’вереном. Мальчик казался таким уверенным. Почему? Она постаралась не повышать голоса:

– А разве у тебя нет подозрений, Белдейн? Какие-то слухи? Еще до отъезда из Тар Валона? Даже шепотков не было? Даже не намекал никто? Расскажи мне.

– Никто. Да и кто мог?.. Никто не посмел бы... Я так восхищена Кируной.

В вялом голосе Белдейн проскользнула нотка утраты, и слезы, побежавшие из глаз, проделали дорожки в грязи. Только из-за рук Верин, удерживавших Белдейн, та сидела прямо.

Верин продолжала накладывать нити своего плетения, то и дело отрывая взгляд от работы и посматривая на вход в палатку. Она чувствовала, что слегка вспотела. Того и гляди Сориля решит, что нужно помочь в расспросах. Да еще приведет какую-нибудь сестру из Солнечного дворца. Если о ее действиях узнает хоть одна из сестер, ей грозит самое меньшее – усмирение.

– Поэтому вы хотели доставить его Элайде как на блюдечке, – сказала она чуть громче.

Тишина длилась чересчур долго. Ни к чему, чтобы охранники у входа доложили, будто Верин шепталась с пленницей.

– Я не могла... возражать... против решения Галины. Она... действовала... по приказу Амерлин. – Белдейн вновь пошевелилась. Голос ее был сонным, но в нем появились возбужденные нотки. Веки затрепетали. – Его нужно... было... заставить подчиняться! Нужно! Не стоило... обращаться так жестоко. Точно... допрашивая с пристрастием. Неправильно.

Верин хмыкнула. Неправильно? Катастрофа – вот нужное слово. С самого начала. Теперь он смотрит на Айз Седай почти так же, как Аэрон. А если бы им удалось доставить его в Тар Валон? Та’верен, подобный Ранду ал’Тору, – в стенах Белой Башни? От такой мысли камень задрожит. Как бы все ни обернулось, катастрофа – это еще мягко сказано. И чтобы избежать самого ужасного, у Колодцев Дюмай заплатили сполна.

Верин продолжала задавать вопросы – так, чтобы ее голос был слышен любому, кто подслушивал бы возле палатки. Спрашивала о том, что уже знала, избегая наиболее опасных тем. Она мало обращала внимания на свои слова и на ответы Белдейн, ибо целиком сосредоточилась на своем плетении.

За столько лет ее интересовало многое, и не все интересы Верин Башня одобряла. Почти каждый дичок, попадавший в Белую Башню для обучения, – и настоящие дички, которые уже научились кое-чему сами, и девушки, едва начавшие касаться Источника, когда стала разговаривать данная им от рождения искра, причем некоторые сестры не видели тут никакой разницы, – почти каждая из них обязательно придумывала для себя какой-то полезный трюк. И трюк этот в конечном итоге сводился либо к умению подслушивать чужие разговоры, либо к подчинению других своей воле.

Первое не слишком беспокоило Башню. Даже дикарка, научившаяся сдерживать себя, очень быстро усваивала: пока она носит белое платье послушницы, ей даже касаться саидар не позволено без сестры или принятой. Что резко ограничивало возможность для подслушивания. Однако от второго очень пахло запретным Принуждением. О-о-о, это же ведь так просто: заставить отца подарить новое платье или безделушку, которые он не хочет покупать,

или заставить матушку одобрить юношу, которого обычно она гнала со двора прочь, и все такое, но Башня решительно искореняла подобное поведение. Большинство девушек и женщин, кого за многие годы порасспросила Верин, не могли заставить себя создать требуемое для этого плетение, куда меньше были способны воспользоваться им, а сколько из них даже припомнить ничего не могли! Из обрывков и кусочков восстановленных в памяти плетений, созданных дичками, Верин воссоздала то, что было запрещено со дня основания Башни. Вначале ею двигало исключительно любопытство. «Любопытство, – с издевкой подумала она, трудясь над плетением для Белдейн, – куда только не заставляло меня лезть. Мало не покажется». Мысль о возможном применении обретенного знания пришла позже.

– Полагаю, Элайда намеревалась держать его в особой камере, – сказала Верин. Камеры с решетками вместо стен предназначались для способных направлять мужчин, а также для содержащихся под арестом обитателей Башни, для дичков, присвоивших себе звание Айз Седай, и всех тех, кого нужно было отгородить от Источника. – Не слишком-то уютное место для Дракона Возрожденного. Никакого уединения. А ты, Белдейн, веришь, что он – Дракон Возрожденный?

Она помолчала, ожидая ответа.

– Да, – выдохнула, почти прошепела Белдейн, обратив на Верин испуганный взор. – Да... но он должен... его нужно... обезопасить. Нужно... обезопасить... от него мир.

Интересно. Все твердят, что нужно обезопасить от него мир; интереснее другое – некоторые полагают, что и он нуждается в защите. Услышать такое от некоторых она совсем не ожидала.

На взгляд Верин, созданное ею плетение больше походило на головоломную путаницу слабо светящихся полупрозрачных волокон, сгустившуюся вокруг головы Белдейн; из плетения торчали четыре нити Духа. За две, в противоположных углах, она дернула, и клубок слегка обмяк, сложился в нечто упорядоченное, во что-то на грани видимости. Глаза Белдейн широко распахнулись, взгляд устремился куда-то вдаль.

Твердым тихим голосом Верин отдала распоряжения. Больше походившие на предположения, хотя она формулировала их как приказы. Белдейн сама найдет причины им подчиниться; иначе все усилия пропадут впустую.

С последними словами Верин потянула две другие нити Духа, и плетение провалилось глубже. На сей раз оно сложилось в строго упорядоченный узор, более тонкий, более сложный, чем самое вычурное кружево. И в то же мгновение он начал сжиматься, складываться внутрь, скрываясь в голове Белдейн. Слабо светящиеся нити вошли в кожу, исчезли. Глаза Зеленой сестры закатились, она начала метаться, размахивать руками. Верин крепко держала ее, но Белдейн мотала головой, голые пятки колотили по коврам. Поздно! Теперь никто ни о чем не догадается. Верин самым тщательным образом все проверила, а в Искательстве ей нет равных, напомнила она себе.

Разумеется, ее плетение не представляло собой подлинное Принуждение в том виде, как его описывали древние тексты. Созданное на скорую руку – на что имелась причина, – оно закреплялось мучительно медленно. В значительной мере процессу способствует, если объект воздействия эмоционально уязвим, однако абсолютно необходимо его доверие. Даже заставить кого-то врасплох было мало – человек не должен был ничего подозревать, при малейшем подозрении все заканчивалось неудачей. Потому-то от мужчин из-за этого плетения пользы не было почти никакой – очень немногие из них не испытывали недоверия к Айз Седай.

Кроме того, если оставить в стороне свойственную им подозрительность, то мужчины вообще оказывались плохо поддающимися воздействию объектами. А почему, Верин никак не могла понять. Большая часть тех девчачьих плетений предназначалась для того, чтобы как-то повлиять на отцов или на других мужчин. Сильная личность вполне способна задуматься о причинах тех или иных своих поступков, у человека могли возникнуть сомнения в правиль-

ности своих действий, он мог даже забыть что-то сделать – что порождало иные проблемы. Тем не менее, при прочих равных условиях, с мужчинами дело обстояло именно так. Плетение действовало на них намного реже. Вероятно, тут всему виной подозрительность. Что ж, однажды мужчина даже припомнил, как на него накладывали плетения, – ладно хоть не вспомнил указания, которые она ему давала. Столько хлопот *это* вызвало! Но все же она должна рискнуть еще раз.

Хорошо хоть судороги у Белдейн пошли на убыль и в конце концов прекратились. Женщина подняла к лицу грязную руку.

– Что... что случилось? – еле слышно произнесла она. – Я что, сознание потеряла?

Забывчивость была еще одним побочным, хотя и неожиданно полезным свойством этого плетения. В конце-то концов, к чему отцу знать, что его заставили купить дорогое платье?

– Это все из-за жуткой жары, – сказала Верин, помогая Зеленой сестре сесть. – У меня самой голова раза два на дню кружится. – От усталости, а не от жары. Работа с таким количеством саидар отнимает очень много сил, не говоря уж о том, что за сегодня Белдейн – четвертая. Ангриал не освобождал от усталости. Но она давно привыкла держать себя в руках. – Думаю, пока хватит. Если ты падаешь в обморок, может, тебе найдут другую работу, в теньке.

Кажется, перспектива не ободрила Белдейн.

Потирая спину, Верин высунула голову из палатки. Корам и Мендан вновь оторвались от своей игры; подслушивали они или нет, догадаться было невозможно. Верин сказала, что с Белдейн закончила, а потом, на миг задумавшись, добавила: ей нужна вода, так как Белдейн опрокинула кувшин. Лица мужчин потемнели под загаром. Эту весть передадут Хранительницам Мудрости, пришедшим за Белдейн. Что ж, вразумление тоже поможет ей прийти к нужному решению.

Солнце стояло еще достаточно высоко, но боль в спине говорила, что пора на сегодня закругляться. Можно, конечно, вызвать еще одну сестру, но тогда утром ей будет не встать... Взгляд Верин упал на Иргайн, теперь таскавшую корзины к жерновам. Как бы повернулась ее жизнь, если бы не любопытство? С одной стороны, она могла выйти замуж за Эдвина и остаться в Фар Мэддинге. С другой стороны, она бы давным-давно умерла, и умерли бы дети, которых у нее никогда не было, да и внуки тоже.

Вздохнув, Верин повернулась к Кораму.

– Когда вернется Мендан, не передашь ли Колинде, что я хотела бы видеть Иргайн Фатамед?

Боль в мышцах завтра будет небольшим покаянием за страдания Белдейн из-за пролитой воды. Этого никому знать не нужно, однако Верин, вообще-то, поступила так, как поступила, не из праздного любопытства. У нее есть цель. Каким-то образом она должна сохранить жизнь юному Ранду, пока ему не придет пора умереть.

* * *

Комната могла находиться в громадном дворце, но ни окон, ни дверей у нее не было. Пламя в золотистом мраморном камине не грело, и поленья в нем не сгорали. За столом с золочеными ножками, стоявшим на шелковом, расшитом золотыми и серебряными нитями коврике, сидел человек, и его мало волновали наряды и убранства этой эпохи. Они должны производить впечатление, и не более того. Чтобы внушать благоговейный страх, достаточно лишь его присутствия – оно сломит и самую упрямую гордыню. Себя он называл Моридин, и наверняка прежде никто не был вправе именовать себя Смертью.

Время от времени он лениво поглаживал пальцем одну из двух ловушек для разума, что висели на шелковых шнурах у него на шее. При прикосновении кроваво-красный кристалл *кор'совры* пульсировал, вихри кружились в бесконечных глубинах, точно биение сердца. Вни-

мание Моридина было приковано к лежащей на столе игровой доске: тридцать три красные и тридцать три зеленые фишки расставлены на поле размером тринадцать на тринадцать клеток. Воссоздание начальных стадий знаменитой игры. Самая важная фигура Рыбарь, черно-белый, как и игровое поле, по-прежнему стоял на исходной позиции в центральном квадрате. *Ша'рах* – игра сложная, считавшаяся древней еще до Войны Силы. *Ша'рах*, *тчиран* и *но'ри*, а теперешняя называлась просто игрой в камни, у каждой были сторонники, заявлявшие, будто она включает в себя все коварства, будто в ней возможны все оттенки жизни, но Моридину всегда больше нравилась *ша'рах*. Об этой игре из ныне живых помнили лишь девять человек. Он же был мастером. Намного сложнее, чем *тчиран* или *но'ри*. Главная цель игры – захватить Рыбаря. И вот тогда-то и начинается настоящая игра.

Приблизился слуга, стройный грациозный юноша, во всем белом, красивый до невозможности. С поклоном он протянул на серебряном подносе хрустальный кубок. Моридин улыбнулся, но улыбка не тронула его черных глаз, жутко, невыразимо безжизненных. Большинство людей почувствовали бы себя крайне неуютно под этим взглядом. Моридин просто взял кубок и жестом велел слуге уйти. Виноделам этого времени удалось несколько превосходных сортов. Впрочем, пить он не стал.

Рыбарь, завладевший его вниманием, манил к себе. Фигуры могли ходить по-разному, но только свойства Рыбаря менялись в зависимости от того, где он стоит. На белом поле – слаб в атаке, однако может быстро и далеко отступить; на черном поле – силен в атаке, но медлителен и уязвим. Когда играют мастера, Рыбарь много раз переходит из рук в руки. Особому зелено-красному ряду по краям игрового поля могла угрожать любая фигура, но только Рыбарь мог встать на красно-зеленые клетки. Но даже и там он не в безопасности – для Рыбаря все поля опасны. Когда Рыбарь твой, стараешься поставить его на квадрат своего цвета за последним рядом противника. Это самый легкий путь к выигрышу, но не единственный. Когда Рыбарь у противника, можно не оставить ему выбора, вынудить поставить Рыбаря на поле твоего цвета. Причем в любом месте особого ряда. Поэтому владеть Рыбарем опаснее, чем не владеть. Конечно, есть и третий способ одержать победу в *ша'рах* – если захватить Рыбаря раньше, чем тебя загонят в ловушку. Тогда игра превращается в проклятую дуэль, а победа приходит лишь с полным уничтожением противника. Однажды в отчаянии Моридин попытался так поступить, но попытка провалилась, закончившись полной неудачей. Было очень больно.

Внезапно ярость вскипела в Моридине, и черные пятнышки поплыли перед глазами, когда он схватился за Истинную Силу. Экстаз, равно как и боль, забурлил в нем. Ладонь сомкнулась вокруг двух ловушек для разума, Истинная Сила сплелась вокруг Рыбаря, подхватила, вознесла, сжала, грозя вот-вот стереть в пыль, а саму пыль развеять без следа. Кубок разлетелся в руке. Еще чуть-чуть, и сжавшиеся пальцы сомнут кор'совру. *Саа* превратились в черный вихрь, но не затмевали зрения. Фигуру Рыбаря всегда вырезали в виде мужчины с повязкой на глазах, с прижатой к боку рукой, из-под пальцев которой сочатся капли крови. Почему именно так, равно как откуда взялось это имя, было покрыто туманом времени. Иногда неведение тревожило Моридина; его приводило в ярость, что с поворотом Колеса могло быть утрачено знание – знание необходимое, по праву ему принадлежащее. По праву!

Медленно он поставил Рыбаря обратно на доску. Пальцы медленно разжались над кор'соврой. В уничтожении нет нужды. Пока рано. В мгновение ока на смену ярости пришло ледяное спокойствие. Кровь и вино, смешавшись, незамеченными капали с порезанной руки. Возможно, Рыбарь явился из какого-то смутного остатка воспоминаний о Ранде ал'Торе. Тень тени. Не важно. Моридин понял, что смеется, и не стал душить смех. Рыбарь на доске стоит и ждет, а в куда более важной игре ал'Тор уже ходит согласно его желаниям. И скоро... Очень тяжело проиграть, когда играешь за обе стороны. Моридин засмеялся так энергично, что слезы брызнули из глаз, но и их он не замечал.



Глава 1

Ненадежная сделка



Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, в эпоху, которая давно миновала, над огромным островом-горой Тремалкин поднялся ветер. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Оно – начало всех начал.

На восток понесся ветер над Тремалкином, где светлокожие Амайяр возделывают свои пашни, создают тончайшее стекло и прозрачный фарфор и следуют миру Пути воды. Для Амайяр мир, за исключением их разбросанных островков, не существовал, потому что Путь воды учит – мир лишь иллюзия, отраженное отражение веры, однако кое-кто видел, как ветер нес пыль и жару лета туда, где должны бы литься холодные зимние дожди, и кое-кто припомнил слышанные от Ата'ан Миэйр сказания. Истории о далеком мире и пророчества. Кое-кто обратил свои взоры на холм, где из земли торчала громадная каменная рука, державшая на массивной ладони прозрачную хрустальную сферу, величиной превышавшую многие дома. У Амайяр были свои пророчества, и в некоторых из них говорилось о руке и о сфере. И о конце иллюзий.

Дальше, через Море штормов, дул ветер под испепеляющим солнцем, полыхавшим в раскаленном небе без единого облачка, дул, срывая барашки с зеленых морских волн, над вздымающимися валами, борясь с ветрами с юга и с запада. Но штормы были не зимние, хотя зима и перевалила за половину, куда слабее бурь умирающего лета; оседлав эти ветры и течения, кормящиеся от океана народы могли плавать туда и обратно вдоль всего континента, от Края Мира до Майена и даже далее. Завывая, дул ветер над волнующимся океаном, где шумно всплывали и трубили громадные киты и парили над водой летающие рыбы, раскинув в стороны плавники размахом в два, а то и более шага; дул ветер на восток, а потом уклонялся к северу, оставляя внизу флотилии рыбацких лодок, забросивших сети на отмелях и мелководье. Рыбаки, замерев с раскрытым ртом, смотрели, как, оседлав мощное дыхание ветра, неуклонно движется армада высоких кораблей и корабликов поменьше – разбивая пенные валы тупыми носами, разрезая волны носами узкими, осененные стягом с золотым ястребом, сжимающим в когтях молнию, и предвестниками шторма развевались над ними во множестве разноцветные вымпелы и флаги. На восток и на север дул ветер, и достиг он наконец просторной, заполненной судами гавани города Эбу Дар, где, как и во многих других портах, стояли сотни кораблей Морского народа – в ожидании слова Корамура, Избранного.

Над гаванью взревел ветер; растолкав суденышки и корабли, пронесся над самим городом, над домами, сверкающими белизной под ослепительным солнцем, над шпилями, крышами, многоцветными куполами, над улицами и каналами, где прославленное в рассказах трудолюбие южан не ведало отдыха. Закружил ветер над сияющими куполами и стройными башенками Таразинского дворца, принесся запах соли, всколыхнув стяг Алтары – два золотых леопарда на красно-голубом поле – и знамена правящего Дома Митсобар – меч и якорь, зеленые на белом. И это был еще не шторм, а лишь предвестник штормов.

У Авиенды, шагавшей впереди своих спутниц по выложенным приятной глазу яркой плиткой коридорам дворца, вдруг зачесалось между лопатками. Чувство, будто за тобой следят, – последний раз она испытывала такое, когда еще была Девой, помолвленной с копьем.

«Померещилось, – сказала она себе. – Воображение разыгралось, а еще знание, что есть враги, которые мне не по зубам!» Не так давно мурашки, бегавшие по спине, означали, что кто-то собирается ее убить. Смерти не нужно бояться – рано или поздно умирают все, – но ей не хотелось умереть, как угодивший в силки кролик. Ей еще надо исполнить *тох*.

Вплотную к стенам пробегали слуги, кланяясь или приседая в реверансе, опуская взоры, будто бы осозная позор, в каком живут, но вовсе не из-за них у Авиенды стянуло кожу между лопатками. Она попривыкла к слугам, но даже сейчас ее взгляд скользил мимо них. Нет, наверное, это воображение и волнение. Просто день сегодня такой.

Взор девушки то и дело привлекали яркие шелковые гобелены, золоченые светильники-шандалы и висящие под потолком лампы. В стенных нишах и в высоких открытых резных шкафчиках стояла фарфоровая, бумажной толщины посуда, красная, желтая, зеленая, синяя попеременно с золотой и серебряной, костяной и хрустальной, десятки десятков чаш, ваз, статуэток, ларчиков. Но лишь на самых красивых останавливался взгляд: что бы там ни думали мокроземцы, красота превыше золота. А здесь красоты было в изобилии. Она бы не отказалась от доли из пятой части здешних сокровищ.

Досадуя на себя, Авиенда нахмурилась. Такая мысль не делает чести, ведь под этим кровом ей по своей воле предложили прохладу и воду. Без церемоний, правда, но без долга или крови, без угрозы стали и без принуждения. Все лучше, чем беспокойство о маленьком мальчике, оказавшемся в одиночестве в этом развращенном городе. Любой город – испорченное место, теперь Авиенда была в этом совершенно уверена: ведь побывала она уже в четырех, но из них Эбу Дар был последним, куда она бы отпустила ребенка гулять одного. Другого не могла понять Авиенда – почему мысли об Олвере то и дело приходят ей в голову? Он никак не связан с *тох*, который у нее есть к Илэйн, и с тем, что у нее есть к Ранду ал'Тору. Отца мальчишки забрало копье Шайдо, голод и лишения унесли мать, но, даже если бы обоих забрало ее копье, Олвер все равно остается древоубийцей, кайриэнцем. Но почему она беспокоится о нем? Почему? Она попыталась сосредоточиться на плетении, которое предстоит создать. Но перед ее мысленным взглядом вновь возникло большеротое лицо Олвера. Бергитте тревожится за мальчишку больше, но в груди у Бергитте бьется сердце, в котором живет странная любовь к маленьким мальчикам, особенно к некрасивым.

Вздыхнув, Авиенда отказалась от попыток не слушать разговор своих спутниц, хотя в нем, точно жаркая молния, поминутно проскакивало раздражение. Даже это лучше, чем расстраиваться из-за сына древоубийцы. Клятвопреступника. Презренного отродья, без которого мир будет только чище. Ее это никак не касается. Ничуть. В любом случае Мэт Коутон отыщет мальчишку. Кажется, он способен отыскать все, что угодно. И каким-то образом, слушая разговор, она успокоилась. Странное чувство пропало.

– Мне это ничуть не нравится! – бурчала Найнив, продолжая спор, начавшийся еще в апартаментах. – Ни капельки, Лан. Слышишь?

О своем недовольстве она заявляла уже по меньшей мере раз двадцать; Найнив, даже проиграв, никогда не сдавалась. Невысокая и темноглазая, она шагала сердито, подбирая свою

голубую юбку-штаны для верховой езды; одна рука поднялась было, замерла возле толстой, длинной, по пояс, косы, потом решительно опустилась, а затем вновь потянулась к косе. Рядом с Ланом Найнив умела обуздывать гнев и нетерпение. Точнее, пыталась. После свадьбы ее наполнила необычайная гордость. Шитая золотом, пригнанная по фигуре голубая куртка поверх шелкового дорожного платья с желтыми вставками была расстегнута и по обычаю мокроземцев чересчур открывала грудь – только для того, чтобы Найнив могла похвастать тяжелым золотым перстнем-печаткой, висевшим на тонкой цепочке на шее.

– Ты права не имел давать такое обещание, Лан Мандрагоран! *Позаботиться* обо мне! – гнула свое Найнив. – Я тебе не фарфоровая куколка!

Он шагал рядом, хорошо сложенный, на две головы выше, со спины его свисал плащ Стража, от которого глазам больно. Лицо точно из камня высечено, а оценивающий взгляд ощупывал каждого проходившего мимо слугу, проверял каждый коридор, стенную нишу, нет ли где опасности, не таится ли за углом засада. Он излучал готовность к действию – лев, готовый в следующий миг кинуться в бой. Авиенда выросла среди опасных мужчин, но никого из них нельзя было и рядом поставить с *Аан'аллейном*. Будь смерть мужчиной, она была бы им.

– Ты – Айз Седай, а я – Страж, – сказал Лан глубоким ровным голосом. – Заботиться о тебе – мой долг. – Потом тон его стал мягче, резко контрастируя с угловатым лицом и напряженным взглядом. – Кроме того, забота о тебе, Найнив, есть веление и желание моего сердца. Проси или требуй от меня чего хочешь, но я не дам тебе умереть, не попытавшись спасти. В тот день, когда умрешь ты, умру и я.

Последнего он прежде не говорил, во всяком случае Авиенда этих слов не слышала, и на Найнив они подействовали как удар в живот: глаза округлились, губы беззвучно зашевелились. Впрочем, она быстро, как всегда, пришла в себя. Притворившись, будто поправляет шляпу с голубым пером – что за смешная вещь, будто на голову ей уселась чудная хвостатая птица! – Найнив из-под широких полей стрельнула в Лана взглядом.

Авиенда давно подозревала, что Найнив подчас использует молчание и многозначительные взгляды для того, чтобы скрыть незнание. Она подозревала, что о мужчинах Найнив известно немало, а уж о том, как вести себя с одним-единственным мужчиной, – побольше Авиенды. Куда легче сражаться со многими вооруженными мужчинами, чем любить одного. Намного легче. Как только женщины выходят замуж? Авиенда отчаянно хотела научиться всем этим премудростям, но как – она представления не имела. Всего день замужем за *Аан'аллейном*, и Найнив разительно переменилась, даже не считая всех прежних стараний сдерживать свой нрав. Казалось, это саму ее то изумляет, то потрясает. В самые неподходящие моменты на нее нападала мечтательность, она вспыхивала румянцем от самых безобидных вопросов и, бывало, хихикала просто так – последнее Найнив с жаром отрицала, даже когда Авиенда была тому свидетельницей.

– Кажется, ты тоже хочешь опять рассказать мне о Стражах и Айз Седай? – холодно заметила Илэйн, обращаясь к Бергитте. – Что ж, мы с тобой не замужем. Надеюсь, ты защитишь меня со спины, но я не допущу, чтобы ты за моей спиной раздавала дерзкие обещания.

Одежда Илэйн разительно отличалась по стилю от наряда Найнив: шитое золотом зеленое шелковое платье для верховой езды, по моде Эбу Дар – с высоким, под шею, воротом и овальным вырезом, открывавшим ложбинку на груди. Мокроземцы чуть ли не плюются, стоит упомянуть о палатке-парильне или о том, чтобы показаться без одежды перед гай'шайн, а сами потом расхаживают полуголыми там, где их видит любой чужак. Ну, Найнив Авиенду не слишком-то волнует, но ведь Илэйн ей почти сестра. И, как надеялась айилка, станет кем-то большим.

Благодаря сапожкам на высоком каблуке Бергитте оказалась почти на ладонь выше Найнив, хотя по-прежнему уступала ростом Илэйн и Авиенде. В темно-синей куртке и в широких зеленых шароварах, она держалась с той же уверенной настороженностью и готовностью дей-

ствовать, что и Лан, хотя казалась менее напряженной. Леопард, лежащий на скале, всего лишь выглядит ленивым. В руке Бергитте держала лук и, несмотря на небрежную походку, могла выхватить стрелу из колчана на поясе так быстро, что никто и моргнуть бы не успел, а третья ее стрела была бы выпущена прежде, чем кто-то сумел бы наложить на тетиву вторую.

Бергитте криво улыбнулась Илэйн и мотнула головой, качнув золотистой косой, по толщине и длине не уступавшей косе Найнив.

– Я дала слово у тебя на глазах, а не за спиной, – сухо заметила она. – Когда ты узнаешь побольше, мне не придется рассказывать тебе о Стражах и Айз Седай.

Илэйн фыркнула, надменно вздернула подбородок и принялась возиться с лентами от шляпки, которую еще больше, чем у Найнив, украшали длинные зеленые перья.

– А узнать тебе стоит немало, – добавила Бергитте. – Ты сейчас этот бант еще одним узлом завяжешь.

Не будь Илэйн ее почти сестрой, Авиенда наверняка рассмеялась бы – уж больно ярким румянцем та залилась. Всегда забавно подколоть того, кто чересчур заносится, даже со стороны посмотреть на такое забавно, и даже небольшое падение стоит смешка. Но она лишь устремила на Бергитте твердый взгляд, не обещающий ничего хорошего. Бергитте нравилась Авиенде, но, судя по всему, мокроземцы не способны уловить разницу между подругой и почти сестрой. Бергитте лишь улыбнулась и что-то тихонько пробормотала. Авиенда вроде как уловила слово «котята». И, что хуже всего, сказанное нежным тоном! Должно быть, все слышали. Все!

– Что на тебя нашло, Авиенда? – спросила Найнив, ткнув ей в плечо выставленным пальцем. – Так и будешь стоять и краснеть весь день? Мы, вообще-то, торопимся.

Только теперь Авиенда вдруг сообразила, что, должно быть, покраснела не хуже Илэйн. И застыла как вкопанная, когда им нужно спешить. Обрезали словом, точно девчонку, только что повенчанную с копьём и не привыкшую к ехидным насмешкам, принятым у Дев. Ей уже почти двадцать, а ведет она себя словно девчушка, играющая со своим первым луком. Эта мысль лишь прибавила румянца. Потому-то за следующий поворот Авиенда чуть ли не прыгнула, едва не врезавшись головой в Теслин Барадон.

Она не упала – ее подхватили сзади Илэйн и Найнив. На сей раз она сумела не покраснеть. Мало того что себя, так и свою почти сестру опозорила! Илэйн-то всегда считала ее хладнокровной. К счастью, Теслин Барадон случившееся тоже застало врасплох.

От неожиданности остролицая женщина отскочила назад, остановилась, досадливо дернув узкими плечами. Худые щеки и узкий нос скрывали безвозрастность черт ее лица, еще большую худобу Красной сестре придавало красное платье, отороченное темно-синим, почти черным, шитьем. Однако она быстро обрела самообладание хозяйки крова клана; темно-карие глаза были холодны, как глубокие тени. Равнодушно скользнув взглядом по Авиенде, Теслин будто и не заметила Лана, на миг ожгла взором Бергитте. Большинство Айз Седай неодобрительно отнеслись к тому, что Бергитте оказалась Стражем, но в конце концов их неодобрение свелось к ворчанию о соблюдении традиций. Однако Илэйн и Найнив Красная сестра оглядела со всем вниманием. Авиенде скорее удалось бы отыскать следы вчерашнего ветра, чем прочесть что-либо по лицу Теслин Барадон.

– Я уже говорила Мерилилль, – произнесла Айз Седай с отчетливым иллианским выговором, – но могу и вас успокоить. Какую бы... проделку... вы ни задумали, ни я, ни Джолин не станем вмешиваться. Я прослежу. Элайда, если вы будете осторожны, никогда не узнает о ваших... проделках. И нечего, дети мои, рты разевать, точно карпы на бережку, – добавила она с недовольной миной. – Я не слепа и не глуха. Я знаю, что Ищущие Ветер Морского народа – во дворце, знаю и о тайном совещании с королевой Тайлин. И кое о чем другом. – Теслин поджала тонкие губы, и, хотя тон ее остался спокойным, темные глаза полыхнули гневом. – Кое за что вы дорого поплатитесь, вы и те, кто позволил вам корчить из себя Айз Седай, но сейчас я смотрю на это сквозь пальцы. Расплата обождет.

Найнив крепко взялась за косу, выпятила подбородок, глаза ее сверкали. При иных обстоятельствах Авиенда посочувствовала бы тому, на кого обрушится нагоняй Найнив. С ее ядовитого язычка колючек слетает больше, чем найдется у колючего *сегате*, да и поострее они будут. Авиенда холодно смотрела на Айз Седай, которая полагала, что может глядеть будто бы сквозь нее. Эта женщина явно заслуживает взбучки. Хранительница Мудрости вряд ли опустится до рукоприкладства, но она-то всего лишь ученица. Возможно, не так дорого будет стоить для ее *джи*, если она слегка отмутузит Теслин Барадон. Авиенда открыла было рот, чтобы у Красной сестры был шанс защитить себя, и в то же мгновение рот открыла Найнив, однако первой заговорила Илэйн.

– То, что мы задумали, Теслин, – очень холодно сказала она, – ничуть тебя не касается. – Илэйн тоже выпрямилась, глаза ее сверкали голубыми льдинками; случайный солнечный луч, пробившийся через высокое окно, словно бы воспламенил золотисто-рыжие волосы. Сейчас рядом с Илэйн хозяйка крова показалась бы козопасом, перебравшим *оосквай*. Что-что, а надменность у нее была в крови. Она каждое слово произносила непрерываемым тоном. – У тебя нет никакого права вмешиваться в наши дела, в то, что делает *любая* сестра. Вообще никакого права. Так что не лезь своим носом в наш огород, жердина ты корявая, и радуйся, что мы не обвинили *тебя* в измене – за поддержку узурпатора на Престоле Амерлин.

Озадаченная, Авиенда покосилась на свою почти сестру. Не лезть носом в их огород? Какой еще огород? Жердина корявая? А это-то что значит? Порой от мокроземцев услышишь очень странные вещи, но другие женщины выглядели озадаченными не меньше ее самой. Только Лан, покосившись на Илэйн, видимо, что-то понял и вроде как... удивился. А возможно, это его позабавило. Трудно было сказать: по лицу Аан'аллейна мало что удавалось прочесть.

Теслин Барадон хмыкнула, лицо ее вытянулось пуще прежнего. Авиенда добросовестно старалась называть мокроземцев только половиной их имени – как они сами поступали; когда же она использовала полное имя, то окружающие считали, что айилка расстроена! Но стать с Теслин Барадон настолько близкими подругами, чтобы называть ее лишь по первому имени... Такого Авиенда даже представить себе не могла.

– Ладно, глупые дети, занимайтесь своим делом! – прорычала Красная сестра. – Только получше подумайте, куда вам вздумалось свои носы совать.

Когда она повернулась, горделиво подобрав юбки, и собралась уйти, Найнив поймала Айз Седай за локоть. Обычно чувства мокроземцев нетрудно прочесть по их лицам, и на лице Найнив гнев прорывался через целеустремленность и решимость.

– Погоди, Теслин, – неохотно произнесла она. – Возможно, тебе и Джолин грозит опасность. Я говорила Тайлин, но она, наверное, остереглась рассказать кому-то еще. Об этом никто не желает говорить. – Найнив сделала глубокий вдох. Если она считает, что тут замешаны ее собственные страхи, то ничего удивительного. Нечего стыдиться, если испытываешь страх, главное – не выказать его, не поддаться ему. Когда Найнив продолжила, Авиенда сама ощутила холодок в животе. – Могидин в Эбу Дар. И может, еще кто-то из Отрекшихся. С *голамом* – это исчадие Тени, которого не может коснуться Сила. Он похож на человека и сотворен для того, чтобы убивать Айз Седай. Судя по всему, сталь ему тоже нипочем, и он может протиснуться в мышиную норку. И Черная Айя тоже тут. Надвигается гроза, страшная гроза. Только это не буря, не в погоде дело. Я чувствую ее, я на это способна. Может, талант такой. Опасность надвигается на Эбу Дар, грядет бедствие страшнее ветра, ливня или грозы.

– Отрекшиеся, гроза, которая не гроза, и еще какое-то отродье Тени, о котором я прежде не слыхала, – протянула Теслин Барадон. – Не говоря уж о Черной Айя. О Свет! Черная Айя! И наверное, и сам Темный? – Губы, искаженные кривой ухмылкой, сложились в тонкую ниточку. Теслин высвободила руку. – Когда тебя вернут в Белую Башню, ты научишься не тратить время на пустяки и дикие фантазии. И тем более не докучать сестрам своими байками.

Обведя всех взглядом и вновь словно не заметив Авиенду, Теслин громко фыркнула и зашагала по коридору столь стремительно, что слуги шарахнулись прочь.

– У этой женщины наглости!.. – задохнулась Найнив, сердито глядя вслед уходящей Красной и стиснув косу обеими руками. – После того, как я сама!.. – Она чуть не захлебнулась гневом. – Ладно, я пыталась... – И, судя по тону, теперь пожалела о своей попытке.

– Да, ты пыталась, – согласилась Илэйн, – и больше, чем она того заслуживает. Отрицать, что мы – Айз Седай! Больше я с этим мириться не стану! Не стану!

Раньше голос девушки казался холодным, теперь он вправду стал таковым.

– Как можно доверять кому-то вроде нее? – пробормотала Авиенда. – А если она нам помешает?

Чуть нахмурившись, Авиенда осмотрела свой кулак; Теслин Барадон стоило бы прочесть. Эта женщина заслуживает, чтобы ее поймали – отродье Тени, Могидин или еще кто. Дураков нужно учить, пусть получит по заслугам.

Казалось, Найнив обдумывает предложение, но она сказала лишь:

– Мне вдруг почудилось, будто Теслин готова пойти против Элайды. – В волнении она прищелкнула языком.

– У тебя голова кругом пойдет, если попытаешься разобраться в хитросплетениях политики Айз Седай. – По тону Илэйн было ясно: она считает, что Найнив пора бы уж это усвоить. – Даже Красная может выступить против Элайды, по причине, которой нам и не вообразить. Может, Теслин хочет притупить нашу бдительность, а потом обманет и сделает так, что мы сами предадимся в руки Элайды. Или...

Лан кашлянул.

– Если вы ждете кого-то из Отрекшихся, – сказал он, – они могут появиться тут в любую минуту. Или тот голам. В любом случае лучше оказаться где-нибудь в другом месте.

– С Айз Седай всегда терпения не хватает, – пробормотала Бергитте. – Но у Ищущих Ветер терпения, как видно, и вовсе нет, поэтому вам лучше позабыть про Теслин и вспомнить о Ренейле.

Взгляды Илэйн и Найнив, брошенные на Стражей, остановили бы и десяток Каменных Псов. Ни той ни другой не слишком-то пришлось по вкусу вынужденное бегство от исчадия Тени и этого голама, к тому же именно они решили, что иного выбора нет. Наверняка обеим не понравилось и напоминание, что нужно торопиться на встречу с Ищущими Ветер, – не меньше чем бегство от Отрекшихся. Авиенда решила, что не худо бы научиться таким взглядам, – Хранительницы Мудрости взглядом или несколькими словами добивались того, на что ей всегда требовались угрозы, только Хранительницы обычно проделывали все быстрее и с большим успехом. Поучиться у Илэйн и Найнив, конечно, стоит, только вот на ту парочку эти взгляды действия не возымели. Бергитте ухмыльнулась и стрельнула глазами на Лана, который в ответ пожал плечами.

Илэйн и Найнив сдались. Они взяли Авиенду под руки и пошли дальше, оглянувшись и проверив, следуют ли за ними Стражи. Не то чтобы это было нужно Илэйн, с ее узами Стража, или Найнив, пусть причина была иной; хотя узы Аан'аллейна принадлежат другой, но сердце его вместе с тем кольцом-печаткой висит на цепочке на шее Найнив. Обе, и Найнив, и Илэйн, важно вышагивали по коридору, не желая подавать вида, будто Бергитте или Лан заставил их поторопиться, хотя, по правде говоря, шли они быстрее, чем прежде.

Завели праздную болтовню, выбирая самые легкомысленные темы. Илэйн пожаловалась, что ей так и не удалось по-настоящему повидать Праздник птиц, прошедший только вчера. И даже не покраснела, а ведь на празднике люди были, можно сказать, очень скудно одеты. Да и Найнив не покраснела, правда быстро перевела разговор на Праздник последних угольков, который будет этой ночью. Кое-кто из слуг утверждал, что намечены фейерверки, по-видимому подготовленные беженцами-иллюминаторами. В городе появилось несколько бродячих

зверинцев – с их странными животными и акробатами, что особенно заинтересовало Илэйн и Найнив, поскольку какое-то время они провели в одном из таких зверинцев. Они болтали о белошвейках, о всевозможных кружевах, что можно купить в Эбу Дар, обсуждали, дорого ли обойдутся шелка и полотна, и Авиенда поймала себя на том, что с удовольствием отвечает на замечания вроде того, как хорошо смотрятся на ней дорожное платье из серого шелка и другие наряды, подаренные Тайлин Квинтарой, – платья из тонкой шерсти и шелка, а также чулки, сорочки и украшения. Илэйн с Найнив тоже получили подарки. Все дары уложили в несколько сундуков, которые слуги уже отнесли в конюшню вместе с седельными сумками.

– Чего ты хмуришься, Авиенда? – спросила Илэйн, улыбнувшись и похлопав подругу по руке. – Не волнуйся. Плетение ты знаешь, все будет прекрасно.

Найнив наклонилась и прошептала:

– Когда выпадет минутка, я тебе чай приготовлю. Я знаю несколько рецептов, любое недомогание снимут. Или какие женские трудности. – И тоже похлопала Авиенду по руке.

Они не понимали! Ни слова утешения, ничто другое не исцеляет того, что ее мучает. Ей нравился разговор о кружевах и вышивках! Авиенда не знала, то ли рычать от злости, то ли выть от отчаяния. До сих пор она, когда замечала женское платье, сразу принималась гадать, не прячется ли под ним оружие, и никогда не обращала внимания на цвет и покрой, не думала, как оно будет сидеть на ней самой. Давным-давно пора убраться из этого города, подальше от дворцов мокроземцев. Иначе скоро она начнет жеманничать, глупо улыбаться. И хоть Найнив с Илэйн так себя не вели, но всем известно, что таковы женщины-мokraземки. Не приходится сомневаться, что она становится слабой, как живущие в изобилии и изнеженности мокроземцы. Расхаживает под ручку, щебеча о кружевах! Как она доберется до поясного ножа, если на них нападут? Против самых вероятных врагов нож, может, и бесполезен, но в силу стали Авиенда уверовала задолго до того, как узнала о своей способности направлять Силу. Попробуй кто причинить зло Илэйн или Найнив – особенно Илэйн, но она пообещала Мэту Коутону защищать обеих, и слово ее нерушимо, как и у Бергитте и Аан’аллейна, – пусть только попробует, и она вонзит сталь в черное сердце злодея. Кружева! Подруги шли по коридору, а Авиенда мысленно оплакивала себя прежнюю, превратившуюся в эту размазню.

С трех сторон самого большого во дворце конюшенного двора стояли конюшни с огромными двойными воротами, у створок толпились слуги в зелено-белых ливреях. В белокаменных стойлах ожидали лошади, оседланные или нагруженные вьюками и плетеными корзинами. В небе с криками кружили морские птицы, неприятно напоминая, что совсем рядом громадное водное пространство. Светлые камни мостовой дышали жарой, но в воздухе висело напряжение. Среди разбросанной соломы Авиенда заметила кровь.

Ренейле дин Калон, в ало-желтых шелках, надменно скрестив на груди руки, стояла перед девятнадцатью босоногими женщинами в ярких цветных блузах и с татуированными предплечьями; большая часть была в шароварах, подпоясанных яркими длинными кушаками. Капельки пота, блестящие на смуглых лицах, ничуть не портили исполненного серьезности достоинства этих женщин. Некоторые вдыхали густой аромат, исходивший из резных золотых коробочек, что висели у них на шее. В каждом ухе Ренейле дин Калон сверкало по пять толстых золотых колец, а левую щеку пересекала цепочка с медальонами, соединенная с кольцом в носу. Стоявшие вплотную позади три женщины имели восемь сережек, а их цепочки тоже отягощало золото. Подобным образом у Морского народа обозначали положение, по крайней мере у женщин. Все подчинялись Ренейле дин Калон, Ищущей Ветер при Госпоже Кораблей Ата’ан Миэйр, но золотые украшения сверкали даже у двух учениц, одетых в темные шаровары и льняные блузы, а не в шелковые. Когда появились Авиенда и остальные, Ренейле дин Калон демонстративно посмотрела на солнце, перевалившее за полдень. Устремив свой взор на новоприбывших, она приподняла брови: в черных глазах читалось едва сдерживаемое нетерпение. В черных волосах – на висках – серебрились белые пряди.

Илэйн и Найнив резко остановились, вынудив остановиться и Авиенду. Обе встревоженно переглянулись и глубоко вздохнули. Как они выкрутятся, Авиенда не понимала. Обязательства повязали ее почти сестру и Найнив по рукам и ногам, а они сами еще ту же затянули узлы.

– Пойду проверю этих, из Связующего круга, – пробормотала Найнив, а Илэйн, чуть менее решительно, сказала:

– Посмотрю, готовы ли сестры.

Отпустив руки Авиенды, они быстрым шагом, придерживая юбки, разошлись в разные стороны, следом двинулись Бергитте и Лан. И Авиенда оказалась лицом к лицу с Ренейле дин Калон, под орлиным взором женщины, осознающей свое высокое положение. К счастью, Ищущая Ветер повернулась к своим спутницам, так быстро, что резко качнулись концы длинного желтого кушака. Другие Ищущие Ветер собрались вокруг и внимательно прислушивались к негромким словам. Ударь ее хоть раз – и пиши пропало. Авиенда старалась не глядеть на Морской народ, но взор то и дело возвращался к ним. Никому не позволено загонять ее почти сестру в тупик. Кольца в носу! Дернуть хорошенько за эту цепочку, и выражение на лице Ренейле дин Калон Голубая Звезда станет совсем другим.

Стоявшие в дальнем углу двора пять Айз Седай во главе с невысокой Мерилилль Синдевин тоже посматривали на Ищущих Ветер, причем с плохо скрываемой досадой. Даже стройная Вандене Намелле и похожая на нее, как отражение в зеркале, ее первая сестра Аделис, которые обычно сохраняли совершенно невозмутимый вид. То и дело кто-то поправлял тонкий льняной плащ-пыльник, отряхивал шелковые юбки. Внезапные порывы ветра изредка поднимали пыль и шевелили меняющие цвет плащи пятерых Стражей, стоявших позади женщин, однако нервозность Айз Седай явно была вызвана Морским народом. Одна Сарейта, оберегавшая большой белый сверток, в котором угадывалось что-то круглое, не выказывала беспокойства, хотя и заметно хмурилась. За спинами Айз Седай с насупленным видом стояла... Пол, горничная Мерилилль. Айз Седай вовсе не одобряли сделку, после которой Ата'ан Миэйр покинули свои корабли, получив право нетерпеливо смотреть на Айз Седай, но эта сделка заткнула рты сестрам, заставила подавить свое недовольство. Эти чувства они и пытались скрыть – для мокроземцев, пожалуй, довольно успешно. И не реже, чем на Морской народ, Айз Седай поглядывали на третью группку женщин, что сбились в тесную кучку в противоположном конце двора.

Реанне Корли и другие десять уцелевших из Связующего круга Родни мялись под неодобрительно-изучающими взглядами, утирая мокрые от пота лица вышитыми платочками, поправляя широкие разноцветные соломенные шляпки, разглаживая темные шерстяные юбки с разрезом, через который виднелись не уступающие яркостью нарядам Морского народа нижние юбки. Отчасти их заставляли переминаться с ноги на ногу взоры Айз Седай, а кроме того – страх перед Отрекшимися и голамом. Впрочем, им было чего опасаться. А уж узкие глубокие вырезы спереди на платьях и совсем неприличны... У большинства женщин на лицах заметны морщинки, однако вид у всех был точь-в-точь как у девчонок, пойманных с полными горстями украденного орехового печенья. У всех, кроме коренастой Сумеко, – она стояла, уперев кулаки в широкие бедра и встречая взгляды Айз Седай. Одну из Родни, Кирстиан, окружало сияние саидар; она то и дело оглядывалась через плечо. Казалось, сюда она – с бледным лицом, наверное, всего лет на десять старше Найнив – попала по ошибке. И каждый раз, когда ее черноглазый взор натывался на взгляд кого-то из Айз Седай, она бледнела еще сильнее.

К женщинам, возглавляющим Родню, подошла Найнив, излучая уверенность и бодрость, и Реанне с подругами улыбнулись ей с видимым облегчением. Которое, вообще-то, подпортило их косые взгляды на Лана – как на волка, на которого он и походил. Найнив и была причиной, почему Сумеко не падала духом, сколько бы на нее ни косились Айз Седай. Найнив обещала научить этих женщин гордости, хотя зачем, Авиенда не понимала. Найнив ведь сама Айз Седай: ни одна Хранительница Мудрости никогда не велит идти против Хранительницы.

Но, как бы там ни обстояло дело с уважением к другим Айз Седай, даже Сумеко глядела на Найнив заискивающе. Круг, мягко говоря, считал очень необычным, что женщины, такие молодые, как Илэйн и Найнив, отдают приказы другим Айз Седай, а те подчиняются. Авиенда сама находила это необычным: разве могут способности в Силе иметь больший вес, чем честь, которую приносят годы? Но старшие годами Айз Седай подчинялись, и для Родни этого было достаточно. Айне, лишь немного уступавшая ростом Авиенде и смуглая, как Морской народ, угодливо улыбалась Найнив. Димана, в чьих ярко-рыжих волосах белели седые прядки, под взглядом Найнив постоянно опускала голову, а соломенноволосяная Сибелла, нервно похихикивая, прикрывала рот ладошкой. Несмотря на одежду, обычную для Эбу Дар, из всех лишь Тамарла, худая, с оливкового цвета кожей, была родом из Алтары, да и то не из столицы.

Найнив подошла ближе, и они сразу расступились. Лицо стоящей на коленях женщины скрывал надетый на голову кожаный мешок, заведенные за спину руки были крепко связаны, дорогая одежда порвана и испачкана в пыли. Вот еще одна причина для беспокойства, не считая Отрекшихся и хмурых взглядов Мерилилль и ее товаров. Наверное, это главная причина.

Тамарла стащила мешок; Испан Шефар попыталась встать, неловко поднялась на корточки и, покачнувшись, вновь осела на землю, моргая и глупо хихикая. Тонкие, украшенные бусинками косички перепутались, по щекам стекал пот, на безвозрастном лице виднелись синяки, которые она получила, когда ее захватили. По мнению Авиенды, с Испан, совершившей столько злодеяний, обращались чересчур мягко.

Травяной настой, который Найнив насильно влила в глотку Испан, по-прежнему туманил разум и ослаблял колени, но Кирстиан, собрав всю свою Силу, удерживала щит, отсекавший Испан от Источника. На побег у прислужницы Тени не было ни малейшего шанса: даже если бы ее не опоили, Кирстиан в Силе не уступала Реанне и была сильнее большинства Айз Седай, встреченных Авиендой. Однако даже Сумеко нервно теребила юбки и избегала смотреть на коленопреклоненную женщину.

– Лучше, наверное, чтобы ее забрали сестры. – Высокий голос Реанне звучал напряженно, дрожал, будто бы принадлежал отрезанной от Источника Черной сестре. – Найнив Седай, нам... нам не стоило бы охра... командовать... Айз Седай.

– Это верно, – вступила быстро Сумеко. И обеспокоенно добавила: – Теперь пусть ее заберут Айз Седай.

То же самое повторила Сибелла, и по Родне побежали бормотание и кивки. В них глубоко сидела вера, что они стоят много ниже Айз Седай; вероятней всего, они скорее взялись бы охранять троллоков, чем удерживать Айз Седай.

Едва открылось лицо Испан, неодобрение во взорах Мерилилль и других сестер сменилось иными чувствами. Сарейта Томарес, которая носила отороченную коричневой бахромой шаль всего несколько лет и еще не обрела безвозрастного облика, взглянула на Испан с отвращением, которое могло бы отбросить прислужницу Тени шагов на пятьдесят. Аделис и Вандене, сжав пальцами юбки, казалось, боролись с ненавистью к женщине, которая принадлежала к их кругу и предала их. Но доставшиеся Родне взгляды Айз Седай были немногим лучше. В глубине души они не сомневались, что по положению Родня стоит гораздо ниже их. Предательница когда-то была одной из них, и ни у кого, кроме них, нет права судить ее. С этим Авиенда была согласна. Дева, предавшая своих сестер по копьё, не умрет быстрой смертью.

Найнив рывком натянула мешок обратно на голову Испан Шефар.

– Пока все хорошо. Продолжайте в том же духе, – твердо заявила она Родне. – Если начнет в себя приходить, влейте в нее еще той смеси. Она будет все равно что козел, напившийся эля. Если не захочет глотать, зажмите нос. Даже Айз Седай придется глотать, если ей зажать нос и пригрозить надрать уши.

У Реанне отвалилась челюсть, а глаза чуть на лоб не полезли. Сумеко кивнула, хотя глаза вытаращила, как прочие. Когда кто-то из Родни произносил слова «Айз Седай», они все равно

что Создателя поминали. На лицах при мысли, что придется зажать нос Айз Седай, пусть и прислужнице Тени, отразился ужас.

Судя по круглым глазам Айз Седай, им подобное замечание пришлось по вкусу и того менее. Мерилилль, глядя на Найнив, открыла было рот, но в это мгновение подошла Илэйн, и Айз Седай развернулась к ней, оделив Бергитте коротким неодобрительным взглядом. О волнении Серой сестры говорило то, что голос ее звучал выше обычного, – как правило, Мерилилль была очень скрытна.

– Илэйн, ты должна поговорить с Найнив. Эти женщины перепуганы. Они едва соображают. Если Амерлин действительно разрешила им отправиться в Башню... – Мерилилль медленно покачала головой, сомневаясь как в этом, так и во многом другом, – если она именно этого хочет, они должны знать свое место, и...

– Амерлин желает, – отрезала Илэйн. Для Найнив твердый тон все равно что сунутый под нос собеседника кулак; у Илэйн же – холодная уверенность. – У них будет возможность попробовать еще раз, и если не получится, их все равно не отправят обратно. Ни одна женщина, способная направлять Силу, отныне не будет отвергнута Башней. Они все станут частью Белой Башни.

Поигрывая поясным ножом, Авиенда поразмыслила над услышанным. Эгвейн, та Амерлин, на которую ссылалась Илэйн, говорила очень схоже. Она тоже подруга, но сердце ее отдано Айз Седай. Сама Авиенда вовсе не хотела стать частью Белой Башни. И очень сомневалась, что на это согласится Сорилея или кто-то из Хранительниц Мудрости.

Мерилилль вздохнула, сложила руки, но, несмотря на видимость согласия, забыла понизить голос.

– Как скажешь, Илэйн. Но что касается Испан... Мы просто не можем позволить...

Илэйн вскинула руки. Властность сменилась уверенностью.

– Довольно, Мерилилль. Вам вверена Чаша Ветров. Такого хватит любому. Этого тебе будет достаточно.

Мерилилль открыла рот, затем закрыла его и слегка склонила голову. Под непреклонным взглядом Илэйн другие Айз Седай тоже склонили голову. И почти никто не выказал несогласия. Сарейта поспешно схватила лежавший у ее ног круглый плоский сверток, обернутый несколькими слоями белого шелка. Она крепко прижала Чашу Ветров к груди, обеспокоенно улыбаясь Илэйн, словно хотела показать, что глаз не спустит с порученного ее заботам драгоценного предмета.

На этот сверток, подавшись вперед, жадно смотрели женщины Морского народа. Авиенда не удивилась бы, если бы они кинулись к Чаше через весь двор. Несомненно, устремленные на Чашу взоры не укрылись и от Айз Седай. Сарейта еще крепче стиснула белый шелковый сверток, а Мерилилль сделала шаг вперед, встав между нею и Ата'ан Миэйр. Айз Седай силились выглядеть бесстрастными, отчего на гладких лицах заметно было напряжение. Они считали, что Чаша должна принадлежать им: по мнению Айз Седай, *любой* предмет, который использовал Единую Силу или действовал с ее помощью, принадлежит Белой Башне, не важно, кто бы им в данный момент ни владел. Но сделка была заключена.

– Солнце на месте не стоит, Айз Седай, – громко заявила Ренейле дин Калон, – и опасности грозят. А вы мешкаете. Если думаете задержками что-то выгадать, лучше подумайте дважды. Попытайтесь нарушить сделку, и, клянусь сердцем отца, я немедленно возвращаюсь на корабли. И потребую Чашу в возмещение. Она принадлежала нам с самого Разлома.

– Попридержи язык, ты с Айз Седай разговариваешь, – напустилась Реанне, вся – оскорбленное достоинство, от голубой соломенной шляпки до добротных туфель, носки которых виднелись из-под зелено-белых нижних юбок.

Ренейле дин Калон презрительно скривила губы:

– Кажется, у медузы прорезался голосок. Странно, ведь Айз Седай не давали тебе разрешения говорить.

Конюшенный двор наполнили оскорбительные крики, летавшие от Родни к Ата'ан Миэйр и обратно: «дички», «бесхребетные» и еще похлеще; пронзительные вопли погребли попытки Мерилилль как утихомирить Реанне с товарками, так и успокоить Морской народ. Несколько Ищущих Ветер уже схватились за рукояти заткнутых за кушаки кинжалов. Сначала вокруг одной женщины в ярких одеждах вспыхнуло сияние саидар, потом вокруг другой, третьей. Это ничуть не напугало Родню, хотя и слегка удивило. А потом Сумеко обняла Источник, за ней Тamarла и гибкая Чиларес, а вскоре уже вокруг всех сияло свечение. Родня и Ата'ан Миэйр продолжали осыпать друг дружку гневными словами. Страсти кипели.

Авиенде хотелось застонать. Вот-вот прольется кровь. Она готова следовать за Илэйн, но ее почти сестра с холодной яростью смотрела и на Ищущих Ветер, и на глав Родни. Илэйн была нетерпима к глупости как в самой себе, так и в других, а худшей глупости, как орать друг на друга, когда враг может появиться в любую минуту, не придумашь. Взявшись за рукоять ножа, Авиенда обняла саидар; жизнь и радость на грани плача наполнили ее. Хранительницы Мудрости обращались к Силе, только когда не помогали слова, но тут не действуют ни слова, ни сталь. Знать бы еще, кого убивать сначала.

– Хватит! – Пронзительный вопль Найнив прорезал гомон. Ошеломленные лица повернулись к ней. Она грозно повела головой и, воздев руку, указала пальцем на Родню. – Прекратите вести себя как дети! – Если она и сбавила тон, так разве что на чуточку. – Или собираетесь тут браниться, пока не заявятся Отрекшиеся и не сгребут заодно с Чашей и нас? И вы, – теперь палец указывал на Ищущих Ветер, – бросьте увиливать от нашего соглашения! Чашу вы не получите, пока не исполните все, до последнего словечка! Даже и не думайте! – Найнив развернулась к Айз Седай. – А вы!..

Ее словесный напор, натолкнувшись на холодное удивление, превратился в угрюмое бурчание. Айз Седай в перебранке не участвовали, разве что пытались умерить разыгравшиеся страсти. Ни одну из них не окружал ореол саидар.

Конечно, чтобы совсем успокоить Найнив, этого было мало. Она яростно дернула шляпку, явно преисполненная гнева, который ей хотелось на что-нибудь выплеснуть. Но женщины Родни, с пунцовыми лицами, смущенно потупились, и даже Ищущие Ветер казались немного – совсем немножко – смущенными, что-то ворчали, но избегали взгляда Найнив. Свечение вокруг женщин гасло одно за другим, и вскоре лишь одна Авиенда обнимала Источник.

Она вздрогнула, когда ее руки коснулась Илэйн. Да, она и впрямь размякла. Не замечает, как к ней кто-то подходит, дергается от прикосновения.

– Кажется, кризис преодолен, – тихо пробормотала Илэйн. – Наверное, пора в путь, пока не случилось еще что-нибудь.

Еле заметные алые пятна на щеках выдавали неостывший гнев. И у Бергитте тоже – после соединения узами они в некоторых отношениях испытывали сходные чувства.

– Самое время, – согласилась Авиенда.

Еще немного, и она превратится в изнеженную мокроземку.

Все взоры устремились на Авиенду, когда она вышла на свободное пространство в центре конюшенного двора – место, которое девушка могла в деталях представить себе и с закрытыми глазами. В обращении к саидар была радость, то, чего она не могла бы выразить словами. Наполнив сознание саидар, ощущаешь себя такой живой, как никогда раньше. Хранительницы утверждали, что это заблуждение, обманчивое и опасное, как мираж с водой в Термале, однако оно казалось намного реальнее брусчатки под ногами. Авиенда боролась с желанием зачерпнуть еще, она и так взяла почти столько, сколько могла. Когда Авиенда начала плести потоки, все столпились позади нее.

Хотя Авиенда многое повидала, ее до сих пор изумляло, что есть вещи, которые не могут сделать многие Айз Седай. Из глав Родни несколько женщин имели нужные способности, но лишь Сумеко и, как ни странно, Реанне не скрывали интереса к тому, что делает Авиенда. Сумеко даже стряхнула ладонь Найнив, когда та ободряюще подтолкнула ее, – чем заслужила недоуменно-оскорбленный взгляд от Найнив, которого Сумеко, всецело поглощенная наблюдением за Авиендой, и не заметила. Необходимой силой обладали все Ищущие Ветер. И смотрели жадно, как раньше на Чашу. На это им дала право сделка.

Авиенда сосредоточилась, и потоки сплелись, создавая связь между этим местом и тем, которое Илэйн с Найнив выбрали по карте. Она сделала движение, будто откидывая входной клапан палатки. Этого Илэйн при обучении ей не показывала, но именно такой жест и еще кое-что Авиенда проделала сама – задолго до того, как Илэйн создала свои первые переходные врата. Потоки сгустились в серебристую вертикальную полоску, которая словно развернулась вширь, раскрывая в середине двора врата, высотой в человеческий рост и почти такие же широкие. За ними открылась большая поляна, окруженная деревьями. Находилась эта поляна на дальнем берегу реки, в нескольких милях к северу от города. В проем просунулись стебли бурой, по колено, травы, колышущейся на слабом ветерке. Некоторые травинки были начисто срезаны вдоль, другие поперек. По сравнению с кромкой врат тупой показалась бы самая острая бритва.

При виде врат Авиенда ощутила неудовлетворенность. На создание подобного плетения Илэйн требовалась лишь малая толика сил, однако по какой-то причине у Авиенды уходили все силы, до последней капли. Она была уверена, что способна сплести больше, как и Илэйн, используя плетение, которое бездумно создала, пытаясь убежать от Ранда ал'Тора, – а это, казалось, случилось так давно. Но сколько бы Авиенда ни старалась, выходило плохо. Зависти она не испытывала, скорее гордость за успехи своей почти сестры, но собственные неудачи жгли сердце. Если узнает Сорилея или Эмис, они сурово с нее спросят. А что до стыда... Они назвали бы это избытком гордости. Впрочем, Эмис поняла бы – она когда-то была Девой. А стыд – когда ты *не можешь* сделать то, что тебе по силам. Если бы не необходимость удерживать плетение, Авиенда бросилась бы прочь.

Отбытие было тщательно спланировано, и, едва переходные врата раскрылись, весь конюшенный двор пришел в движение. Две женщины из круга рывком поставили прислужницу Темного на ноги, а Ищущие Ветер торопливо выстроились в ряд за Ренейле дин Калон. Слуги начали выводить лошадей из конюшен. Лан, Бергитте и один из Стражей Кареане, высокий и худой, по имени Кайрил Арджуна, друг за другом тотчас же устремились во врата. Как и *Фар Дарайз Май*, Стражи всегда сначала шли в разведку. У Авиенды просто пятки чесались кинуться следом, но что толку? В отличие от Илэйн, стоит ей отойти на пять-шесть шагов, как плетение начнет слабеть, будто она его распустила. Очень огорчительно.

На сей раз особой опасности ожидать не приходилось, поэтому во врата сразу двинулись Айз Седай, с ними – Илэйн и Найнив. В том лесистом районе хватает ферм, и пока какой-нибудь пастух или юная парочка, ищущая уединения, не увидели слишком многого, лучше, чтобы кто-то наставил их на путь истинный. Хотя вряд ли какой Предавшийся Тени или прислужник Темного узнал бы о той поляне – о ней знали лишь Авиенда, Илэйн и Найнив, и выбранное место они не раскрывали, опасаясь предательства. Остановившись во вратах, Илэйн вопросительно глянула на Авиенду, но та махнула рукой – ступай, мол. Планам нужно следовать, если нет причины их менять.

Поляну начали понемногу заполнять Ищущие Ветер: каждая нерешительно останавливалась перед творением, о котором никогда не помышляла, потом, сделав глубокий вдох, делала шаг во врата. И вдруг странное чувство вернулось.

Авиенда подняла глаза на выходящие во двор окна. За этими коваными вычурными решетками, крашенными белой краской, за резными ставнями мог прятаться кто угодно. Тай-

лин приказала слугам держаться от окон подальше, но кто остановит Теслин, или Джолин, или... Что-то потянуло ее взгляд выше, к куполам и башенкам. Тонкие шпили кое-где обегали узкие галереи, и на одной, очень высоко, девушка заметила черную фигурку. Ее окружал яркий, режущий глаз ореол – за нею сияло солнце. Человек.

Авиенда затаила дыхание. Ничто в его позе, в том, как лежат на каменном парапете руки, не говорило об опасности, но она знала – перед нею тот самый, от кого мурашки по спине. Один из Предавшихся Тени не стал бы стоять и смотреть, но этот голам... В груди похолодело. Он мог быть просто дворцовым слугой. Впрочем, Авиенда не верила такому предположению. Осознавать страх – не стыдно.

С беспокойством она посмотрела на женщин, с болезненной медлительностью продолжавших проходить во врата. Из Морского народа прошла половина, позади оставшихся ждала своей очереди Родня, две из них крепко держали прислужницу Тени; их тревога перед вратами боролась с обидой, что Морской народ пропустили раньше. Скажи Авиенда о своих подозрениях вслух, Родня, вероятнее всего, кинется врассыпную – от одного упоминания о Предавшихся Тени у них пересыхало во рту и подгибались колени, – а Ищущие Ветер могут незамедлительно потребовать Чашу. Для них самое главное – Чаша Ветров. Но лишь слепая не заметит, что к стаду, которое ей поручено охранять, подкрадывается лев. Авиенда ухватила одну из Ата'ан Миэйр за красный шелковый рукав:

– Передай Илэйн... – К Авиенде повернулось лицо, напоминавшее гладкий черный камень; полные губы казались тонкими, глаза походили на черные камешки, твердые и бесстрастные. Как бы так сказать, чтобы не возникло переполоха? – Передай Илэйн и Найнив, пусть будут настороже. Скажи им, враги всегда нападают, когда менее всего этого ждешь. Ты должна это передать. Не забудь!

Ищущая Ветер кивнула с едва скрываемым нетерпением, но, как ни удивительно, дождалась, пока Авиенда отпустит ее рукав, и, чуть поколебавшись, шагнула во врата.

Галерея на башне опустела. Но облегчения Авиенда не испытала. Он мог быть где угодно. Спускаться в конюшню, к примеру. Кем бы или чем бы он ни был, он – *опасен*; это не пляшущий в воображении смерчик. Четыре Стража встали у врат – этот караул уйдет последним, и, сколь бы Авиенда ни презирала их мечи, она была благодарна, что здесь, кроме нее, есть еще кто-то, кому известно, как использовать острый металл. Хотя шансов у них против голама или, хуже того, против Предавшегося Тени немногим больше, чем у слуг с лошадьми. Или чем у нее самой.

С мрачной решимостью Авиенда зачерпнула Силы, пока сладость саидар не стала отдавать мукой. На волосок больше, и боль зальет ее слепящей агонией; через считанные мгновения она либо умрет, либо напрочь утратит способность направлять Силу. Нет чтобы этим женщинам поторопиться! Еле ноги волочат! Бояться не стыдно, но Авиенда опасалась, что ее страх читается на лице.



Глава 2

Расплести плетение



Илэйн, едва оказавшись за воротами, отошла в сторону, а Найнив затопала напрямик через поляну, вспугивая в жухлой траве бурых кузнечиков и высматривая Стражей. Точнее, одного-единственного Стража. Яркоперая птица, мелькнув алым брюшком, пролетела через поляну и пропала, где-то в еще оставшейся листве зацокала белка, и наступила тишина. Казалось невозможным, чтобы Стражи прошли, не оставив следов, хотя бы вроде той полосы, что вытоптала Найнив, однако где же они?

Илэйн чувствовала Бергитте – та была где-то слева, приблизительно на юго-западе, – чувствовала ее спокойное удовлетворение тем, что сейчас не угрожает никакая опасность. Каренане, в числе прочих Айз Седай окружившая Сарейту с Чашей Ветров, склонила голову набок, точно прислушиваясь. По-видимому, ее Кайрил направился куда-то на юго-восток. Что означает – Лан на севере. Вот на север-то Найнив и стала смотреть, что-то бормоча себе под нос. Наверное, после свадьбы она обрела способность чувствовать его. Или заметила след, который не увидела Илэйн. В умении распознавать следы с Найнив тягаться было трудновато.

Илэйн через ворота видела Авиенду, та разглядывала дворцовые крыши, словно ожидая засады. Поза была такая, словно у нее в руках копьё и она вот-вот кинется в битву. Илэйн улыбнулась, пряча за улыбкой беспокойство, – Авиенда так волновалась, справится ли с воротами, а ведь смелости ей не занимать, куда там самой Илэйн! С другой стороны, да, Авиенда *храбрая* девушка и способна за себя постоять, но с нее станется решить, что этот *джи'у'тох* требует сражаться, хотя единственный шанс на спасение – бегство. Сияние вокруг Авиенды было столь ярким, что сомнений не оставалось: больше Силы она зачерпнуть не сможет. Если явится Отрекшийся...

«Я должна была бы остаться с ней». От этой мысли Илэйн сразу же отказалась. Какой бы предлог она ни подыскала, Авиенда поймет, в чем причина, поймет и оскорбится – она порой обидчива, как мужчина. Особенно когда дело касается ее чести. Вздохнув, Илэйн отступила от врат, откуда на поляну тесной цепочкой уже выходили Ата'ан Миэйр. Впрочем, держалась она неподалеку, где могла бы услышать любой крик по ту сторону. Чтобы в тот же миг броситься на помощь Авиенде. Была и другая причина...

Ищущие Ветер двигались в строгом порядке, сообразно занимаемому положению. Они старались напустить на себя невозмутимый вид, но даже Ренейле поежилась, когда ее босые ступни коснулись высокой бурой травы. Одних охватывала легкая дрожь, которую они быстро

подавляли, другие с округлившимися глазами оглядывались на переходные врата. Все как одна подозрительно косились на стоявшую у врат Илэйн, и две или три, похоже, собирались что-то сказать, возможно, спросить, что она делает, или, наверное, попросить – или велеть – отойти в сторону. Илэйн только порадовалась, что все они, повинаясь короткой реплике Ренейле, затопились к старшей из Ищущих. Скоро у них еще будет возможность указывать Айз Седай, что тем надо делать; незачем, чтобы они начали с нее.

От этой мысли у Илэйн заныло под ложечкой, а новые мысли заставили покачать головой. Ищущие Ветер знают о погоде, о том, как правильно использовать Чашу, однако даже Ренейле согласилась, пусть и неохотно, что чем больше Силы направить через Чашу, тем больше шансов улучшить погоду. Силу нужно направить с точностью, возможной лишь для одиночки – или для круга. Полного круга из тринадцати женщин. И в это число должны наверняка входить Найнив, Авиенда, сама Илэйн и, вероятно, кто-то из Родни. Однако Ренейле ясно дала понять: по условиям заключенной сделки предполагалось, что Ищущие будут учиться тому, что умеют Айз Седай. Первое – переходные врата, вторым должно стать создание круга. Просто чудо, что она не привела с собой всех Ищущих Ветер. Ума не приложить, как бы Илэйн тогда справилась с тремя-четырьмя сотнями этих женщин! Оставалось лишь вознести благодарственную молитву, что их всего двадцать.

Но стояла она тут вовсе не для того, чтобы их считать. У каждой проходившей всего в шаге от нее Илэйн определяла уровень владения Силой. Раньше немало сил и времени уходило на то, чтобы подойти к ним поближе; удавалось это в считанных случаях, а если еще вспомнить, сколько пришлось убеждать Ренейле вообще согласиться на берег ступить! По-видимому, положение среди Ищущих Ветер не зависело ни от возраста, ни от силы; из первых трех-четырех Ренейле была далеко не самой сильной, а одну из последних, Сенин, отличали морщинистые щеки и щедро посеребренные сединой волосы. Странно, но, судя по отметинам на ушах, Сенин когда-то могла носить больше шести теперешних колец, и были они, без сомнения, толще.

С растущим чувством удовлетворения Илэйн сортировала и откладывала в памяти имена и лица. Ищущие Ветер в каком-то отношении могут много больше, Илэйн с Найнив могут оказаться в большой беде, очень большой, мало того – могут увлечь за собой Эгвейн и Совет Башни, когда станут известны условия заключенной ими сделки, но ни одна из этих женщин не стояла бы высоко среди Айз Седай. Не низко, но и не очень высоко. Илэйн одернула себя, велев не злорадствовать, – в том, что уговорено, ничего не изменится, – но удержаться не могла. В конце концов, это ведь лучшие из Ата'ан Миэйр. Во всяком случае здесь, в Эбу Дар. И будь они Айз Седай, все, начиная с Курин с ее каменно-черным взглядом до самой Ренейле, слушали бы, когда говорила она, Илэйн, и вставали бы, когда она входила в комнату. Если бы они были Айз Седай и вели бы себя соответственно.

И когда показался конец цепочки, Илэйн вздрогнула – мимо нее прошла юная Ищущая Ветер с одного из меньших кораблей, круглощекая женщина по имени Райнин, в простеньком голубом шелке, с полудюжиной висюлек на цепочке. Две ученицы, по-мальчишески худенькая Талаан и большеглазая Метарра, торопливо пробежали в самом хвосте. Они еще не заслужили носового кольца, не говоря уже о цепочке, и в правом ухе у них было по три кольца, а в левом – всего одно тоненькое. Этих трех Илэйн проводила внимательным взглядом. Пожалуй, женщин, владеющих Силой на высоком уровне, среди Морского народа все же не так и мало.

Ата'ан Миэйр сгрудились возле Ренейле, большинство, как и она, алчно поглядывали на Айз Седай и Чашу. Последние три женщины стояли позади всех, у учениц был неуверенный вид, будто они не знали, по праву ли находятся тут. Райнин, хоть и сложила руки на груди по примеру Ренейле, тоже выглядела неуверенной. Ищущие Ветер с бегунков, с самых маленьких корабликов Морского народа, похоже, редко оказываются в обществе Ищущей Ветер при Госпоже Волн своего клана, не говоря уже об Ищущей Ветер при Госпоже Кораблей. Райнин не

уступала в Силе Лилейн или Романде, Метарра – под стать самой Илэйн, а Талаан... Талаан, сама покорность, в своей красной льняной блузе, будто бы все время с потупленным взором, по уровню Силы была близка к Найнив. Очень близка. Более того, Илэйн знала, что она, как и Найнив, еще не полностью раскрыла свой потенциал. Полностью ли овладели Силой Метарра и Талаан? Илэйн уже привыкла к мысли, что ее превосходят только Найнив и Отрекшиеся. Ну, еще Эгвейн, но та была вынуждена его форсировать, а собственный потенциал Илэйн, как и Авиенды, сравним с потенциалом Эгвейн. «Столько самодовольства», – печально подумала она. Лини не преминула бы сказать, чего Илэйн заслуживает за подобную самонадеянность.

Тихо посмеиваясь над собой, Илэйн повернулась посмотреть, что там поделявает Авиенда, но перед воротами, точно вросшие в землю, стояли женщины из Связующего круга и ежились под холодными взорами Кареане и Сарейты. Все, кроме Сумеко, которая, не дрогнув, встречала взгляды сестер. Кирстиан же, казалось, вот-вот расплчется.

Подавив вздох, Илэйн отогнала Родню в сторону, освобождая дорогу конюхам, ожидавшим с той стороны с лошадьми. Те пошли, будто они – овцы, Илэйн – пастух, а Мерилилль и остальные – волки. Причем шагали бы они быстрее, когда бы не Испан.

Фамелле, одна из четырех женщин круга, чьи волосы не были тронуты сединой, и Элдейс с яростно сверкавшими глазами – если только она не смотрела на Айз Седай – вели Испан под руки. Они, видно, не могли решить, то ли крепко держать ее под локоть, чтобы Испан шла прямо, то ли не слишком подталкивать. Так что неудивительно, что Черную сестру мотало, как тряпичную куклу, она то оседала, то выпрямлялась на подкашивающихся ногах.

– Простите меня, Айз Седай, – бормотала Фамелле Испан со слабым тарабонским акцентом. – О, мне так жаль, Айз Седай.

Элдейс морщилась и всякий раз, когда Испан спотыкалась, выпускала стон. Будто бы и не Испан участвовала в убийстве двух женщин из числа Родни, и один Свет знает, сколько жизней еще на ее счету. Расшаркивались перед той, которая должна умереть! Они сами могут вынести приговор Испан – за все смертоубийства в Белой Башне.

– Отведите ее куда-нибудь туда, – велела Илэйн, махнув в сторону от переходных врат.

Фамелле и Элдейс подчинились, присев в реверансе и едва не уронив Испан. Реанне и прочие поспешили следом, тревожно косясь на сестер вокруг Мерилилль.

Почти немедленно война взглядов возобновилась: Айз Седай косились на Родню, те – на Ищущих Ветер, а Ата’ан Миэйр – на всех, на кого падали их взоры. Илэйн стиснула зубы. Нет, она не станет на них кричать. Оставим крики Найнив. Но так хочется вбить в эти головы хоть чуточку здравого смысла, схватить за плечи и трясти, чтоб у них зубы заклацали. В том числе и у Найнив, которая и должна все устраивать и улаживать, а не пялиться в деревья. А вдруг Ранду суждено умереть, если она не отыщет способ его спасти?

Внезапно на глаза навернулись слезы, защипало веки. Ранду *суждено* погибнуть, и она ничем не в силах помочь. «Чисти яблоко, которое у тебя в руке, девочка, а не то, какое на дереве, – будто бы услышала Илэйн голос Лини. – А плачь после, прежде только время поте-ряешь».

– Спасибо, Лини, – пробормотала Илэйн.

Иногда старая няня просто выводила ее из себя, она никогда не признавала, что ее воспитанница уже выросла, но советы Лини всегда оказывались верными. И то, что Найнив манкирует своими обязанностями, вовсе не значит, что Илэйн должна забыть о своих.

Слуги принялись проводить через врата лошадей и начали с выючных. На первых погрузили кое-что поважнее, чем наряды. Останься лошади на той стороне, пришлось бы отправляться в путь пешком в том, что было надето, бросив всю поклажу. Но груз, что везли эти лошади, не должен был попасть к Отрекшимся. Илэйн жестом велела морщинистой женщине-конюху поскорее отвести в сторону первую животину.

В одной из широких плетеных корзин под жесткой парусиновой покрывкой обнаружилась груда того, что на первый взгляд казалось всяким хламом. Некоторые предметы были упакованы в ткань, расплывавшуюся в руках. Большей частью, скорее всего, хлам и есть. Обняв саидар, Илэйн занялась сортировкой. Ржавая кираса быстренько отправилась наземь заодно с отломанной от стола ножкой, треснувшим деревянным блюдом, плохо заделанным оловянным кувшином и рулоном сгнившей до неузнаваемости ткани.

Кладовка, в которой была найдена Чаша Ветров, оказалась битком забита вещами, которым самое место в мусорной куче, они валялись там вперемешку с предметами Силы, некоторые лежали в источенных жучком ларцах или шкатулках, некоторые брошены как попало. Сотни и сотни лет Родня припрятывала найденные ими вещи, что имели отношение к Силе, страшаясь использовать их и опасаясь передать эти предметы Айз Седай. Вплоть до нынешнего утра. Только сейчас Илэйн впервые получила возможность посмотреть, что стоит оставить, а что можно выбросить. Хвала Свету, что приспешники Тьмы сбежали, не успев прихватить что-нибудь важное; они забрали часть, но наверняка меньше четверти из того, что хранилось в кладовке, в том числе и бесполезный мусор. Да ниспошлет Свет свою благодать, чтобы отыскалось что-нибудь полезное. Чтобы вынести этот груз из Рахада, несколько человек заплатили жизнью.

Илэйн, не направляя Силу, а только обнимая саидар, брала в руки каждый предмет. Глиняная чашка, три битые тарелки, потраченное молью детское платье и старый протершийся башмак полетели наземь. Камень чуть больше ладони – на ощупь он казался камнем; он мог быть резным, хотя узоры на нем по какой-то причине вовсе не выглядели вырезанными – полосы глубокого синего цвета на его поверхности изгибались, чем-то напоминая корни. Резной камень как будто нагрелся от ее прикосновения; он словно бы... ответил откликом на саидар. Иного слова подобрать не получилось. Что это означало, она не имела ни малейшего представления, но «камень», вне всяких сомнений, *тер'ангриал*. Илэйн отложила его в другую кучку, подальше от груды мусора.

А груда мусора продолжала расти, и вторая – тоже, хоть и гораздо медленнее, – и эти предметы объединяло лишь то, что они были чуть теплее остальных и эхом отзывались на Силу. Маленькую шкатулочку – на ощупь вроде как ценная поделочная кость, – покрытую волнистыми красно-зелеными полосами, Илэйн, не открывая крышки, аккуратно поставила на землю. Никогда не знаешь наверняка, от чего сработает *тер'ангриал*. Черный стержень, не толще мизинца и длиной в шаг, упругий, но гибкий, способный, пожалуй, согнуться в кольцо. Крошечный закупоренный пузырек, возможно хрустальный, с темно-красной жидкостью внутри. Фигурка весело улыбающегося коренастого бородача, держащего в руке книгу; в высоту имевшая фута два, она была будто из потемневшей от времени бронзы и тяжелая – пришлось взять ее обеими руками, чтобы удержать. И другие вещи. Но в большинстве своем – хлам. И ничего такого, что ей по-настоящему нужно. Пока ничего.

– Другого времени не нашла? – спросила Найнив. Наклонилась над *тер'ангриалами*, поспешно выпрямилась, морщась и вытирая руку о юбку. – Этот стержень... больно от него, – пробормотала она.

Суроволицая женщина, придерживавшая голову выючной лошади, уставилась на стержень, моргнула и попятилась.

Илэйн посмотрела на стержень – случайное впечатление Найнив могло оказаться полезным – и продолжила разбирать корзину. Наверняка вскоре будет еще больше? Да и не всегда то, что подсказывали Найнив ее ощущения, было столь прямолинейно. Вполне возможно, боль вызывает не сам стержень, он мог накапливать чужую боль. Корзина почти опустела, неплохо бы переложить сюда вещи из второй, висевшей по другую сторону седла.

– Если здесь есть *ангриал*, Найнив, то я хочу найти его раньше, чем Могидин похлопает нас по плечу.

Найнив угрюмо хмыкнула, но всмотрелась в плетеное нутро.

Отбросив еще одну ножку от стола – теперь их было *три*, и все разные, – Илэйн окинула взглядом поляну. Выведены все выючные лошади, уже проводили верховых, из-за которых поднялась легкая суматоха. Мерилилль и другие Айз Седай сидели в седлах, с трудом подавляя желание немедленно выступить в путь, Пол возилась в седельных сумках своей хозяйки, но вот Ищущие Ветер...

Грациозные пешими, ловкие на своих кораблях, к лошадям они вовсе не привыкли. Ренейле попыталась влезть на лошадь не с той стороны, и смиренная гнедая кобыла, которую выбрали для нее, медленно закружила вокруг ливрейного слуги – тот одной рукой держал лошадь под уздцы, а другой то хватался за голову, то пытался помочь Ищущей Ветер. Две женщины-конюха старались подсадить в седло Дорайл, бывшую Госпожой Волн клана Сомарин, а третья, придерживая голову серой кобылы, изо всех сил старалась не рассмеяться. Райнин сидела на спине длинноногого гнедого мерина, почему-то без поводьев, не попав ногами в стремена, и никак не могла их нашарить. Кажется, им повезло больше всех. Лошади ржали, танцевали и вращали глазами, Ищущие Ветер выкрикивали проклятия, причем их голоса можно было и в бурю услышать. Одна кулаком сбила с ног слугу, трое конюхов пытались поймать вырвавшихся лошадей.

Илэйн увидела и кое-что еще. Этого можно было ожидать, раз Найнив покинула свой наблюдательный пост. Возле вороного боевого коня Мандарба стоял Лан, деля внимание между опушкой леса, вратами и Найнив. Из леса, покачивая головой, вышла Бергитте, а через миг из-за деревьев трусцой выбежал Кайрил. Вокруг не нашлось ничего, что могло бы представлять опасность.

Найнив, высоко подняв брови, наблюдала за Илэйном.

– Я ничего не говорила, – сказала Илэйн.

Ее рука сомкнулась на чем-то маленьком, завернутом в сгнившую материю, которая когда-то была белой. Или коричневой. Что находится внутри, девушка поняла сразу.

– И то хорошо, – пробурчала Найнив, причем довольно громко. – Не терплю женщин, которые суют нос не в свое дело.

Илэйн пропустила этот пассаж мимо ушей, только слегка поежилась, но с гордостью отметила мысленно: чтобы промолчать, ей вовсе не пришлось заставлять себя прикусить язык.

Сорвав ветхую ткань, она обнаружила маленькую янтарную брошку в виде черепашки. Та, во всяком случае, походила на янтарную, но, когда девушка через эту брошь открыла себя Источнику, саидар хлынула в нее: поток, сравнимый с тем, что она могла бы без опаски зачерпнуть сама. Не очень сильный ангриал, но куда лучше, чем ничего. С его помощью она могла управлять вдвое большим количеством Силы, чем Найнив, однако у самой Найнив поток Силы получился бы еще больше. Отпустив дополнительный поток саидар, Илэйн сунула черепашку в кошель на поясе, довольно улыбнулась и вновь принялась за поиски. Где один, там и другие отыщутся. И раз у нее есть кое-что для изучения, то можно заняться тем, как *изготавливать* ангриалы. Ей очень хотелось этому научиться. Она едва удержалась, чтобы немедленно не достать брошку и тут же не приступить к изучению.

Какое-то время на Илэйн и Найнив смотрела Вандене, а потом она ткнула мерина в поджарые бока и, подъехав, спешила рядом. Женщина-конюх при выючной лошади присела в реверансе, причем ниже, чем перед Илэйном и Найнив.

– Ты осторожна, – сказала Вандене Илэйн, – и это очень хорошо. Но, возможно, лучше оставить эти вещи в покое, пока они не окажутся в Башне.

Илэйн поджала губы. В Башне? Пока их не проверит кто-то другой, вот что имелось в виду. Кто-то постарше и, вероятно, поопытнее.

– Я знаю, что делаю, Вандене. В конце концов, я *сделала* тер'ангриал. Никому из ныне живущих этого не удавалось.

Илэйн обучила основам нескольких сестер, но ко времени, когда она отправилась в Эбу Дар, ни одной не удалось повторить ее достижение.

Старшая Зеленая кивнула, рассеянно похлопывая поводьями по затянутой в перчатку ладони.

– Мартина Джаната тоже, насколько понимаю, знала, что делает, – как ни в чем не бывало заметила Вандене. – Она была последней сестрой, которая занималась изучением тер’ангриалов. Она занималась этим больше сорока лет, едва ли не с того самого дня, как получила шаль. Как мне говорили, она тоже была осторожна. Только однажды служанка Мартины обнаружила ее лежащей без сознания на полу гостиной. Выжженной... – Даже произнесенные обычным тоном, эти слова прозвучали точно пощечина. Но голос Вандене не дрогнул. – Ее Страж погиб от шока. Что в подобных случаях весьма необычно. Когда спустя три дня Мартина очнулась, она не смогла припомнить, с чем работала. Вообще не сумела вспомнить предыдущую неделю. Было это более двадцати пяти лет назад, и с тех пор ни у кого не хватало духу коснуться тер’ангриалов, что находились в апартаментах Мартины. В ее записях они были упомянуты все до единого, и все, что она узнала, было невинно, безобидно, но... – Вандене пожалала плечами. – Она открыла то, чего не ожидала.

Илэйн поискала взглядом Бергитте. Оказалось, та смотрит на нее. Ей незачем видеть обеспокоенно нахмуренные брови Бергитте – чувства той, как в зеркале, отражались в ее сознании: малая его часть *была* Бергитте. Она чувствовала тревогу Бергитте, и Бергитте чувствовала тревогу Илэйн, и иногда было трудно различить, где что. И Илэйн рисковала не только собой. Но она *знала*, что делает! По крайней мере, больше любой другой женщины. Даже если никто из Отрекшихся не появится, им все равно нужны ангриалы – все, которые она сумеет найти.

– А что случилось с Мартиной? – тихо спросила Найнив. – Потом, я имела в виду...

Она редко слышала, чтобы кто-то не желал Исцеления; сама она хотела Исцелить все и всех.

Вандене поморщилась. Пускай она сама завела речь о Мартине, но Айз Седай не слишком-то любят говорить о женщинах усмирённых или выжженных. Не любят о них вспоминать.

– Когда она немного оправилась, то незаметно ушла, исчезла из Башни, – торопливо произнесла Вандене. – Важно помнить, что она была осторожна. Я никогда с ней не встречалась, но мне рассказывали – с каждым тер’ангриалом она обращалась так, словно представления не имела, что он выкинет в следующий миг. Даже с тем, который создавал ткань для плащей Стражей и который никто не сумел заставить делать что-то еще. Она была осторожна, и это ей не помогло.

Найнив накрыла рукой почти опустевшую корзину.

– Может, тебе и в самом деле... – начала она.

– Не-е-е-ет! – закричала Мерилилль.

Илэйн крутанулась, машинально открываясь через ангриал, частью сознания улавливая, как саидар наполняет Найнив и Вандене. Сияние Силы вспыхнуло вокруг всех женщин на поляне, способных обнять Источник. Мерилилль подалась в седле вперед, глаза выпучены, рука вытянута к переходным вратам. Илэйн нахмурилась. Там не было никого, лишь Авиенда и последние четыре Стража. Крик Мерилилль застиг их на полушаге, с наполовину обнаженными мечами. Внезапно Илэйн поняла, что делает Авиенда, и от потрясения едва не выпустила саидар.

Врата дрожали, а Авиенда аккуратно распускала создавшее их плетение. Оно трепетало и изгибалось, края врат шли волнами. Последние потоки высвободились, и вместо того, чтобы разом исчезнуть, проем замерцал, видимый через него конюшенный двор медленно истаял, словно бы туман под солнцем.

– Это невозможно! – не веря своим глазам, сказала Ренейле.

По Ищущим Ветер пробежал удивленный шепоток. Родня глядела на Авиенду, раскрыв рты и беззвучно шевеля губами.

Илэйн медленно покивала. Вот явное доказательство, что это возможно, но всем послушницам перво-наперво вдалбливалось: никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах нельзя делать того, что мгновение назад совершила Авиенда. Нельзя распускать плетение, любое плетение, его можно только сразу уничтожить. Этого нельзя делать ни в коем случае, так ей говорили, не вызвав неизбежного несчастья. Неизбежного.

– Ты, глупая девчонка! – рявкнула Вандене. Она шагнула к Авиенде, таща за собой мерина. – Ты соображаешь, что чуть было не натворила? Один промах – один! – и неизвестно, во что вмиг превратилось бы плетение! Что бы тогда случилось? Ты могла уничтожить все на сотню шагов вокруг! На пять сотен! Вообще все! Ты и себя могла выжечь, и...

– Так было надо, – перебила Авиенда. Возмущенный ропот поднялся среди Айз Седай, окруживших айилку и Вандене, но Авиенда огля их сердитым взглядом и повысила голос: – Я понимаю, в чем опасность, Вандене Намелле, но так было надо. Этого вы, Айз Седай, тоже не умеете делать? Хранительницы Мудрости говорят, что, если учить, можно научить любую женщину. Кого-то большему, кого-то меньшему, но любую, если она разбирается в вышивании. – Хорошо хоть не хмыкает презрительно.

– Это тебе не вышивка, девчонка! – Голос Мерилилль был все равно что лед в трескучий мороз. – Чему бы тебя ни учили у твоего народа, ты, возможно, не понимаешь, с чем вздумала играть! Обещай, нет, поклянись, что никогда так больше не сделаешь!

– Ее имя следует внести в список послушниц, – твердо заявила Сарейта, глядя поверх Чаши, которую по-прежнему прижимала к груди. – Я всегда это говорила. Ее нужно внести в список.

Кареане кивала, ее строгий взгляд уже примерял на Авиенду платье послушницы.

– Возможно, это было не так уж необходимо, – склоняясь в седле, сказала Авиенде Аделис, – но напрасно ты не позволила нам руководить собой.

Тон Коричневой сестры был гораздо мягче, чем у остальных, но сказанное ею менее всего походило на добрый совет.

Месяц назад Авиенда, может статься, и сникла бы от такого неодобрения Айз Седай, но не сейчас. Илэйн поспешно протолкалась к подруге, пока та не решила вытащить нож, который поглаживала. Или еще чего похуже не выкинула.

– Может, кто-нибудь спросит, *почему* она это сделала, – сказала Илэйн, обнимая Авиенду за плечи, успокаивая подругу и заодно придерживая ее руки.

Авиенда сердито косилась на всех Айз Седай, кроме Илэйн.

– Тогда не остается следов плетения, – терпеливо объяснила она. Чересчур терпеливо. – След от плетения такого размера был бы замечен по меньшей мере два дня.

Мерилилль громко фыркнула – довольно громко для такой небольшой женщины.

– Это редкий талант, девочка. Ни у Теслин, ни у Джолин его нет. Или же вас, айильских дичков, учат еще и этому?

– На это не многие способны, – спокойно признала Авиенда. – Но я умею. – Теперь на девушку посмотрели по-иному, в том числе и Илэйн; талант этот и впрямь был *очень* редок. Авиенда же этих взглядов словно и не замечала. – А *вы* возьметесь сказать, что этого не умеют Предавшиеся Тени? – продолжала айилка. Напряженные плечи под рукой Илэйн подсказывали, что Авиенда не так невозмутима, как притворяется. – Неужели вы настолько глупы, чтобы оставлять следы? Любой, кто способен увидеть остатки плетения, сможет создать переходные врата, которые приведут сюда.

Подобное требует недюжинных способностей и громадного мастерства, но, осознав это предположение, даже Мерилилль заморгала. Аделис открыла было рот, затем, так ничего и

не сказав, закрыла его. Вандене задумчиво хмурилась. Сарейта имела озабоченный вид. Кто скажет, какими талантами обладают Отрекшиеся, какими умениями?

Как ни странно, гнев покинул Авиенду. Она опустила взор, плечи ее поникли.

– Наверное, мне не следовало рисковать, – пробормотала она. – Но этот человек наблюдал за мной, и я не могла ясно соображать, а когда он исчез... – К ней отчасти вернулся боевой дух. – Вряд ли тот мужчина мог разобрать мои плетения, но если он – Предавшийся Тени или даже голам... Предавшиеся Тени знают больше любого из нас. Если я ошиблась, то на мне большой тох. Но я так не думаю. Нет, не думаю.

– Что за человек? – спросила Найнив.

Пока она проталкивалась между лошадьми, шляпа съехала набок; Найнив на всех поглядывала с таким видом, точно готова в битву кинуться. Может, так оно и было. Мерин Кареане случайно толкнул Найнив плечом, и она шлепнула его по носу.

– Слуга, – пренебрежительно сказала Мерилилль. – Что бы ни приказывала Тайлин, алтарские слуги – народ своевольный. Или, наверно, ее сын. Этот мальчик слишком уж любопытен.

Сестры закивали, а Кареане добавила:

– Кто-то из Отрекшихся не стал бы просто стоять и смотреть. Ты сама так говорила.

Она похлопала мерина по шее и осуждающе взглянула на Найнив. Кареане была из тех, кто к лошадям испытывает больше нежности, чем люди к младенцам. Она хмуро смотрела на Найнив, и та решила, что слова Айз Седай обращены к ней.

– Может, слуга, а может, и Беслан. Может быть. – Найнив громко фыркнула, ясно давая понять, что этому не верит. Или же она хотела убедить их, что не верит. Найнив могла в лицо назвать тебя слепым дураком, но если так посмеет сказать кто-то другой, то она будет защищать тебя, пока не охрипнет. Конечно, она до сих пор не могла решить, нравится ли ей Авиенда, но уж всяко предпочитала ее старшей Айз Седай. Нахлобучив шляпку поровнее, Найнив обежала всех хмурым взглядом и продолжила: – Был ли то Беслан или сам Темный, что толку стоять тут целый день. Нужно поскорее отправляться на ферму. В путь!

Она хлопнула в ладоши, и даже Вандене слегка вздрогнула.

Особых приготовлений не требовалось. Лан и остальные Стражи немного расслабились, поскольку непосредственной опасности не было. Часть слуг успела вернуться до того, как Авиенда распустила врата, но остальные стояли вместе с тремя десятками выючных лошадей и время от времени поглядывали на Айз Седай, явно гадая, какими еще чудесами те их поразят. Ищущие Ветер сидели в седлах, пусть и неловко, и перебирали поводья, точно ожидали, что лошади вот-вот понесут или того гляди распустят крылья и полетят. Верхом были и главы Родни, эти устроились в седлах с гораздо большей ловкостью, не обращая внимания, что юбки задрались до колен. Испан, по-прежнему в мешке, приторочили к седлу, будто выюк. Вряд ли она вообще удержалась бы в седле, но даже у Сумеко округлялись глаза, когда ее взор падал на Черную сестру.

Сердито сверкая глазами, Найнив готова была подстегнуть суровыми словами любого, но лишь до того мига, когда Лан протянул ей поводья упитанной гнедой кобылы. Тайлин предложила Найнив взять лошадь получше, но та от щедрого подарка самым решительным образом отказалась. Пальцы ее, коснувшись руки Лана, чуть дрогнули, лицо слегка порозовело. Когда Лан подставил руку, Найнив посмотрела на него, будто гадая, к чему бы это, а потом вновь покраснела, когда он посадил ее в седло. Илэйн лишь головой покачала. Она надеялась, что не превратится в идиотку, когда выйдет замуж. Если выйдет замуж.

Бергитте подвела серебристо-серую кобылу Илэйн и соловую для Авиенды, но сразу поняла, что Илэйн не прочь перекинуться словечком с Авиендой. Она кивнула, словно бы Илэйн сказала ей об этом, вскочила на своего мышастого мерина и отъехала к ожидавшим Стражам. Они поприветствовали ее кивками и принялись что-то обсуждать приглушенными

голосами. Судя по взглядам в сторону Айз Седай, это «что-то» имело отношение к обережению Айз Седай, хотя бы те, чтобы о них заботились, или нет. В том числе речь идет и о ней, мрачно отметила про себя Илэйн. Но на это сейчас нет времени. Авиенда, теребя в руке поводья, уставилась на лошадь, как послушница – на уставленную грязными котлами кухню. Весьма вероятно, Авиенда разницы между чисткой котлов и ездой верхом не видела.

Подтягивая зеленые дорожные перчатки, Илэйн мягко отстранила свою Львицу, заслоняясь ею ото всех, и тронула Авиенду за руку.

– Стоит поговорить с Вандене и Аделис, – мягко сказала она. Илэйн сейчас была не менее осторожна, чем с тер’ангриалом. – Они много прожили и знают больше, чем тебе кажется. Есть причина, почему у тебя... трудности... с Перемещением. – Так, пожалуй, будет лучше всего. Вначале у Авиенды совсем с плетением не получалось. Осторожнее. Авиенда куда важнее, чем какой-то тер’ангриал. – Они могут помочь.

– Как? – Авиенда не сводила глаз с седла своего коня. – Они не умеют Перемещаться. Откуда им знать? – Вдруг плечи ее обмякли, и она повернулась к Илэйн. К изумлению той, в зеленых глазах айилки сверкали слезы. – Это неправда, Илэйн. Не вся правда. Они не могут помочь, но... Ты – моя почти сестра. И у тебя есть право знать. Они думают, я из-за слуги запаниковала. Попроси я помощи, тут бы все и открылось. То, что я когда-то Переместилась, убегая от мужчины. От мужчины, который, как я надеялась, догонит меня. Бежала, точно кролик. Бежала, желая, чтобы меня поймали. Разве я могу допустить, чтобы они узнали о подобном позоре? Даже если они и в самом деле могут помочь, как я?..

Илэйн захотелось не слышать исповеди подруги. Хотя бы рассказа о том, что ее поймали. О том, что *Ранд* ее поймал. Подхватив черные зернышки внезапно всплывшей ревности, она запихала их в мешок и затолкала поглубже. Потом еще попрыгала и притоптала хорошенько. «Когда женщина валяет дурочку, ищи мужчину». Это одна из любимых поговорок Лини. А другая: «Котята запутывают пряжу, а мужчины – твой ум, и для тех, и для других нет ничего проще, все равно что дышать». Илэйн глубоко вздохнула:

– От меня этого никто не узнает, Авиенда. Я помогу тебе, как могу. Если придумаю как.

И много ли она напридумывает? Авиенда куда быстрее постигала, как создаются плетения, намного быстрее, чем сама Илэйн.

Авиенда просто кивнула и неуклюже полезла в седло, выказывая немногим больше ловкости, чем Морской народ.

– Илэйн, за нами наблюдал мужчина, и это был не слуга. – Глядя прямо в глаза Илэйн, Авиенда добавила: – Он напугал меня.

Подобного признания от нее в целом мире не дождался бы никакой другой человек.

– Кем бы он ни был, он нам пока не грозит, – сказала Илэйн, поворачивая Львицу следом за Найнив и Ланом. По правде сказать, это наверняка был кто-то из слуг, но она никогда этого не скажет вслух, тем более не Авиенде. – Мы в безопасности. Через несколько часов доберемся до фермы Родни, используем Чашу, и в мире все вновь станет хорошо.

Хотя бы отчасти. Солнце, казалось, стояло ниже, чем тогда, когда они были на конюшне, но Илэйн понимала, что это всего лишь воображение. Наконец они хоть в чем-то возьмут верх над Тенью!

* * *

Скрытый белой кованой решеткой, Моридин наблюдал, как в переходных воротах исчезают последние лошади, а затем и высокая молодая женщина и четыре Стража. Наверное, они уносят кое-какие предметы, которыми он мог бы воспользоваться, – возможно, настроенные на мужчин ангриалы, – но вероятность этого мала. Что же до остального, до тер’ангриала, то весьма велика вероятность, что они убьют себя, пытаясь разгадать, как им пользоваться.

Саммаэль был глупцом, раз рисковал столь многим, надеясь захватить собрание предметов, о предназначении которых никто не ведает. Но в конце концов, Саммаэль никогда не отличался большим умом, хотя и был о себе очень высокого мнения. Сам Моридин не стал бы ломать свои планы просто так, чтобы проверить, какие осколки цивилизации сумеет собрать. Сюда его привело праздное любопытство. Ему нравилось знать, чему другие придают значение. Суета сует и всяческая суета.

Он уже отворачивался, когда контур переходных врат внезапно задрожал и начал изгибаться. Остолбев, Моридин смотрел, пока проем попросту не... растворился. Склонностью к непристойным ругательствам он никогда не отличался, но сейчас несколько выражений сами собой всплыли в памяти. Что же сделала та женщина? Эти неотесанные варвары, и вдруг столько неожиданностей! Способ, пусть и несовершенный, Исцелять отрезанных! Это невозможно! Если не считать того, что они это сделали. Принудительные кольца. Эти Стражи и узы, связующие их с Айз Седай. Он знал об этом уже давно, очень давно, но всякий раз, когда он полагал, будто ему известно все, у этих примитивных самоучек обнаруживалось какое-то новое умение, они совершали нечто такое, о чем в его эпоху никто и не помышлял. Нечто такое, чего не знала вершина цивилизации! Что же сделала эта девчонка?

– Великий господин?

Моридин едва отвернул голову от окна:

– Да, Мадик?

Будь проклята его душа, что же сделала эта девчонка?

Лысеющий мужчина в зелено-белой одежде проскользнул в маленькую комнатку, низко поклонился, потом опустился на колени. Один из старших слуг при дворе, напыщенный донельзя Мадик в любых обстоятельствах старался сохранить спокойствие. Моридину доводилось видеть куда более высокопоставленных особ, которые держались намного хуже.

– Великий господин, я узнал, что принесли во дворец Айз Седай. Говорят, они обнаружили громадные сокровища, спрятанные в древние времена. Золото, драгоценности, камень мужества, предметы, созданные в Шиоте и в Эхароне и даже в Эпоху легенд. Говорят, среди них есть предметы, использующие Единую Силу. Якобы один из этих предметов способен управлять погодой. Никто не знает, куда они отправились, Великий господин. Дворец полнится слухами, но десять человек называют десяток мест.

Моридин, пока Мадик говорил, вновь принялся разглядывать конюшенный двор. Смехотворные байки о золоте и *квейндияре* не представляют интереса. Ничто не заставит врата вести себя подобным образом. Если только... Неужели она и в самом деле *расплела* паутину? Смерти Моридин не боялся. Холодно и отстраненно он размышлял: возможно ли, что он оказался в прямой видимости от расплетаемой паутины? Той самой, что была успешно распутана. Если возможно это, тогда возможно и другое...

Что-то из сказанного Мадиком зацепило слух.

– Погода, Мадик?

Тени от дворцовых шпилей чуть удлинились, но защитить изнывающий под безжалостным солнцем город не могли.

– Да, Великий господин. Этот предмет зовется Чашей Ветров.

Для него это название не значило ничего. Но... тер'ангриал, способный управлять погодой... В его эпоху погоду осторожно регулировали, используя тер'ангриал. А одна из неожиданностей этой эпохи, как представлялось, одна из меньших, – нашлись люди, способные манипулировать погодой в степени, достаточной для работы с тем тер'ангриалом. Однако такого устройства вряд ли хватит, чтобы воздействие на погоду распространилось на значительную часть единственного континента. Но что эти женщины могут с нею сделать? Что? Если они используют кольцо?

Не думая, Моридин схватился за Истинную Силу, саа черной волной прокатилась перед глазами. Пальцы стиснули кованую решетку на окне; металл застонал, изгибаясь, – не от хватки, а от жгутов Истинной Силы, идущих от самого Великого повелителя, – они обвилились вокруг решетки, когда Моридин в гневе сжал кулаки. Великий повелитель вряд ли будет доволен. Он сумел достать до мира из своего узилища, дотянулся до него настолько, чтобы обновить смену времен года. Ему хотелось еще больше коснуться мира, не терпелось разбить пустоту, в которую он заключен, поэтому он будет недоволен. Ярость затопила Моридина, кровь глухо застучала в ушах. Мгновением раньше ему было все равно, куда отправились эти женщины, но теперь... Куда-то далеко отсюда. Люди бежали как можно дальше и как можно быстрее. Куда-то туда, где они будут чувствовать себя в безопасности. Бессмысленно посылать Мадика с расспросами, бессмысленно пытать у кого-то другого. Не настолько же они глупы, чтобы оставить нечто, способное навести на след... Не в Тар Валон. К ал'Тору? К той группе мятежных Айз Седай? Во всех трех местах у него были свои глаза, причем некоторые и не знали, что служат ему. Все будут служить ему, еще до того как наступит конец. Он не может допустить, чтобы какая-то мелочь испортила его план.

Внезапно Моридин услышал сквозь грохочущие в ушах барабаны собственной ярости еще что-то. Какое-то бульканье. Он с любопытством посмотрел на Мадика – и отступил от быстро растекающейся на полу лужи. Кажется, в своем гневе он сжал Истинной Силой не только кованую решетку на окне. Примечательно, как много крови можно выжать из человеческого тела.

Без всякого сожаления Моридин позволил мертвому телу упасть на пол; у него мелькнула мысль, что, найдя Мадика, во всем наверняка обвинят Айз Седай. Маленький дополнительный штришок к нарастающему в мире хаосу. Прорвав дыру в ткани Узора, он Переместился посредством Истинной Силы. Ему нужно найти этих женщин прежде, чем они используют Чашу Ветров. А если не получится... Он не любил людей, путающих тщательно разработанные планы. Те, кто вмешивался в его планы и оставался в живых, расплачивались всю жизнь.

* * *

В комнату осторожно ступил голам, от запаха еще теплой крови у него нервно подрагивали ноздри. Незаживающий ожог на щеке горел, точно уголек. С виду голам выглядел обыкновенным мужчиной, стройным, чуть выше среднего – для этого времени – роста. И никогда голаму не приходилось сталкиваться с чем-то, что могло повредить ему. Пока случай не свел его с тем человеком с медальоном. Голам обнажил зубы то ли в улыбке, то ли в злобном оскале. С интересом он осмотрел комнату – ничего, кроме смятого трупа на плиточном полу. И еще... ощущение... чего-то. Не Единой Силы, а чего-то, что вызывало у голама нечто вроде... зуда. Любопытство привело его сюда. Часть решетки на окне была смята, раскачан крепеж по бокам. В памяти голама всплыло смутное воспоминание, вызывавшее похожий зуд, однако столь многое в памяти было подернуто туманной дымкой... Казалось, весь мир переменялся в мгновение ока. Тогда был мир войны и смерти, в огромных масштабах, когда оружие поражало за много миль, через сотни, тысячи, а теперь... вот это. Но голам не изменился. Он по-прежнему оставался самым опасным оружием.

Его ноздри вновь затрепетали, хотя и не по запаху голам выслеживал тех, кто мог направлять. Где-то здесь внизу применяли Единую Силу и еще в нескольких милях к северу. Последовать туда или нет? Человек, который его ранил, не с ними – в этом он убедился, прежде чем покинул свой наблюдательный пункт на Башне. Тот, кто приказывал ему, хотел смерти этого человека, наверное, не меньше, чем смерти женщин, но женщины – цель полегче. Женщины тоже были перечислены и поименованы, и его принудили их выслеживать. Весь срок существования голама принуждали подчиняться тому или другому, но в памяти его сохрани-

лось воспоминание о свободе. Он должен следовать за женщинами. Он хочет этого. В миг их смерти, ощущая, как вместе с жизнью исчезает способность направлять Силу, он испытывал экстаз. Восторг. Вдобавок он был голоден, а время еще есть. Куда бы они ни убежали, он сумеет последовать за ними. Растекшись возле измятого трупа, голам принялся за трапезу. Свежая кровь, теплая кровь была необходимостью, к тому же человеческая кровь всегда на вкус самая сладкая.



Глава 3

Приятная прогулка



Вокруг Эбу Дар лежали главным образом фермы, пастбища, оливковые рощи, перемежаясь перелесками шириной в несколько миль. И хотя местность здесь была ровнее, не в пример Раннонским холмам, что тянулись на юге, но косогоров хватало: подчас возвышавшиеся уступами в сотню футов высотой, они отбрасывали глубокие тени от послеполуденного солнца. И вообще, тут было где укрыться от чужих глаз отряду, чем-то смахивавшему на необычный купеческий караван – около пятидесяти человек верхом и столько же пеших. Тем более что Стражи нарочно выискивали малохоженные тропы. Не попадалось никаких признаков человеческого жилья, не считая нескольких коз, что паслись кое-где на склонах холмов.

Даже растения и деревья, привычные к жаре, начали вянуть и сохнуть, но в другое время Илэйн наслаждалась бы зрелищем полей и лесов. Этот край отстоял, наверное, на тысячу лиг от того берега реки Элдар, по которому она когда-то проезжала. Вид холмы имели странный, бугристый, словно их давила и мяла громадная рука. Стайки ярко расцвеченных птиц с шорохом взлетали из подлеска, а колибри – с дюжину всевозможных видов, – походившие на горсти самоцветов в ореоле из стремительных крылышек, шарахались от лошадей. Толстые плющи свисали будто веревки, попадались деревья, ветви которых оканчивались пучками стеблей с разлапистыми листьями, или похожие на зеленые метелки высотой в рост человека. Обманутые жарой растения распустили цветы, ярко-красные и ядовито-желтые, в две ладони в поперечнике. Они источали аромат густой и – на ум Илэйн пришло слово – «сладострастный». Валуны, которые некогда были пальцами ног статуи, – она готова была об заклад биться, хотя кому взбрело в голову поставить такую громадную статую? А потом тропа углубилась в целый лес толстых резных колонн, похожих на выветренные пни, многие из них были опрокинуты и давным-давно растащены на камни местными крестьянами. Приятная прогулка, несмотря на тучу пыли, которую подняли с пересохшей земли лошадиные копыта. Хорошо хоть мух не так много. Все опасности остались позади, они опередили Отрекшихся, и маловероятно, что кто-то из них или их прислужников теперь нагонит отряд. Прогулка и в самом деле могла бы оказаться приятной, если бы не...

Во-первых, Авиенда узнала, что сообщение о врагах, которые нападают в самый неожиданный момент, так и не было передано. Поначалу Илэйн почувствовала облегчение, что разговор сменил тему, а не вернулся к Ранду. Не то чтобы вновь всколыхнулась ревность; она все больше и больше ловила себя на желании, чтобы и с нею произошло то же, что и с Авиендой.

Нет, не ревность. Зависть. Илэйн бы предпочла первое. Потом она вслушалась в низкий монотонный голос подруги, и волосы у нее на затылке зашевелились.

– Ты не можешь этого сделать, – возразила Илэйн, направляя лошадь к Авиенде. Вообще-то, она не сомневалась, что Авиенде не составит большого труда поколотить Курин, или связать ее, или что-нибудь еще. Во всяком случае, если остальные женщины Морского народа станут спокойно на это смотреть. – Мы не можем начать с ними войну, по крайней мере пока не используем Чашу. И потом тоже, – поспешно добавила она. – Вообще никогда. – Они вовсе не собирались начинать войну. Только не из-за того, что Ищущие Ветер с каждым часом ведут себя все своевольнее... Не из-за того... Вдохнув, девушка продолжила: – Да и *сказала бы* она мне? Я бы все равно не поняла, что ты имела в виду. Мне ясно, почему ты не хотела говорить менее туманно, но сама ведь понимаешь, да?

Авиенда отсутствующим взглядом смотрела перед собой, рассеянно отгоняя от лица мух.

– Я же говорила ей, обязательно передай! – проворчала она. – Обязательно. А если бы то был кто-либо из Предавшихся Тени? А если бы он прорвался через ворота и застал вас врасплох? Что, если?.. – Она вдруг обратила несчастный взор на Илэйн. – Я прикушу нож, – печально сказала она, – но это останется у меня в сердце.

Илэйн собиралась сказать, что самое верное – сдерживать свой гнев и что она сама не прочь кое-что объяснить, что бы ни значили слова айилки о ножах и прочем. Однако не успела она рта раскрыть, как к ней подъехала Аделис, восседавшая на длинноногой серой лошади. Беловолосая сестра обзавелась в Эбу Дар новым седлом с украшенными серебром луками. Мухи, казалось, почему-то сторонились Аделис, хотя благоухало от нее, как от цветущей лужайки.

– Прошу прощения, но я услышала ваши последние слова. – Тон Аделис при всем желании нельзя было назвать виноватым, и Илэйн терялась в догадках, сколь много та услышала.

Девушка почувствовала, что краснеет. Авиенда говорила без обиняков, и кое-что из сказанного ею о Ранде было слишком откровенно. Да и слова самой Илэйн тоже. Одно дело разговаривать со своей ближайшей подругой, а совсем другое – если подобный разговор кто-то может услышать. Видимо, Авиенда испытывала схожие чувства: она не вспыхнула, но брошенному ею на Коричневую сестру мрачному взору позавидовала бы и Найнив.

Аделис улыбнулась, легко и бесцветно, как водянистый супчик.

– Может, будет лучше, если ты дашь своей подруге волю по отношению к Ата'ан Миэйр. – Моргнув, она посмотрела мимо Илэйн на Авиенду. – Во всяком случае, не слишком ее осаживай. Достаточно внушить им страх перед Светом. Они больше сторожатся «дикой» айилки – прости, меня, Авиенда, – чем Айз Седай. Мерилилль сама бы это предложила, но у нее до сих пор уши горят.

По лицу Авиенды редко можно было угадать ее чувства, но сейчас она выглядела озадаченной не меньше, чем Илэйн. Илэйн повернулась в седле, оглянулась. Мерилилль ехала вместе с Вандене; Кареане с Сарейтой чуть от них отстали, и все старательно не глядели на Илэйн. Позади них, все так же цепочкой, двигался Морской народ, следом, стараясь держаться в отдалении, – Связующий круг. Женщины из Родни сейчас ехали впереди выючных лошадей и как раз пересекали поляну с опрокинутыми колоннами. Над головами, наполняя воздух щебетанием, кружило множество длиннохвостых ало-зеленых птиц.

– Почему? – спросила Илэйн коротко.

Казалось глупым подбрасывать дров, когда в котле и без того явственно побулькивало, но Аделис глупой никак не назовешь. В явном удивлении брови Коричневой сестры приподнялись. Обычно Аделис считала: что понятно ей, уж другим тоже должно быть ясно. Может быть.

– Почему? Чтобы восстановить равновесие, вот почему. Если Ата'ан Миэйр почувствуют, что мы нужны им для защиты от Айил, это пойдет на пользу и уравновесит... – Аделис чуть помолчала, вдруг принявшись поправлять светло-серые юбки, – кое-что другое.

Илэйн насторожилась. Другое. Сделку с Морским народом – вот что имела в виду Аделис.

– Можешь ехать с остальными, – холодно заметила она.

Аделис возражать не стала, спорить или настаивать – тоже. Она просто склонила голову и придержала лошадь. Улыбка ее ничуть не изменилась. Старшие по возрасту Айз Седай приняли то, что Илэйн и Найнив стоят выше их и говорят от имени Эгвейн, но правда состояла в том, что так все выглядело лишь на поверхности. В остальном мало что изменилось. Возможно, ничего вообще. Внешне они были почтительны, подчинялись, но...

В конце-то концов, Илэйн называли Айз Седай в возрасте, когда большинство женщин в Башне по-прежнему носят белое платье послушницы, и принятыми становятся лишь считающиеся. И они с Найнив едва ли проявили мудрость и проницательность, пойдя на такую сделку. Морской народ не просто получит Чашу Ветров: двадцать сестер отправятся к Ата'ан Миэйр и будут подчиняться их законам, будут учить всему, чему захотят учиться Ищущие Ветер, и уйти смогут, лишь когда им на смену явятся другие. Ищущие Ветер вступят в Башню как гости, им будет позволено учиться всему, чему они пожелают, и уйти они могут в любое время. От одного этого Совет Башни взвывает... Сестры постарше, все до единой, считают, что Илэйн отыщет способ выйти сухой из воды – и соблюсти условия сделки, и как-то обойти их. Может, им это все же удастся. Илэйн на это не надеялась, но до конца уверена не была.

Авиенде она ничего говорить не стала, но чуть погодя та заговорила сама:

– Если я могу заслужить честь и одновременно помочь тебе, мне безразлично, пойдет ли это на пользу целям Айз Седай.

Кажется, она так и не причисляет Илэйн к Айз Седай.

Илэйн помешкала, потом кивнула. Что-то нужно предпринять, уж больно заносчив нрав Морского народа. До сих пор Мерилилль и прочие проявляли завидную выдержку, но долго ли они станут терпеть? Может взорваться Найнив, стоит ей обратить внимание на Ищущих Ветер. Шероховатости нужно сглаживать, но, если Ата'ан Миэйр решат, что могут свысока глядеть на Айз Седай, хлопот не оберешься. Жизнь оказалась более сложной, чем представлялось в Кэймлине, и не важно, сколько ее, дочь-наследницу, учили ведению государственных дел. И куда сложнее стала жизнь с тех пор, как Илэйн ступила под своды Башни.

– Просто не будь слишком... категоричной, – тихо сказала Илэйн. – И пожалуйста, поосторожнее. Их-то двадцать, а ты одна. Я, конечно, тебе помогу, но мало ли что... Не хочу, чтобы что-то случилось.

Авиенда ухмыльнулась, чем-то напомнив ухмылкой волка, и придержала свою соловую лошадь у кромки камней, поджидая Ата'ан Миэйр.

Время от времени Илэйн оглядывалась, но в просвете деревьев видела лишь, как Авиенда едет рядом с Курином, спокойно с ней разговаривая и не глядя на женщин Морского народа. И не хмурится, хотя Курин, казалось, посматривает на нее с немалым изумлением. Когда Авиенда поскакала вперед, к Илэйн, – нет, никогда ей не быть наездницей, – Курин подъехала к Ренейле. И в скором времени сердитая Ренейле отправила в голову колонны Райнин.

Самая младшая из Ищущих Ветер сидела на лошади хуже Авиенды, которую пыталась не замечать, как и жужжащих возле ее лица мелких зеленых мушек.

– Ренейле дин Калон Голубая Звезда, – заявила темнокожая Райнин, – требует, чтобы ты, Илэйн Айз Седай, приструнила айильскую женщину.

Авиенда оскалилась. Верно, Райнин все же следила за айилкой, потому что ее смуглые щеки покраснели.

– Передай Ренейле, что Авиенда – не Айз Седай, – ответила Илэйн. – Я попрошу ее быть сдержанной, – (это же не ложь; она уже просила и попросит снова), – но *заставить* ее я не могу. – И, повинуясь внезапному побуждению, добавила: – Ты же знаешь, каковы эти Айил.

У Морского народа весьма необычные представления об Айил. Райнин круглыми глазами глянула на Авиенду; лицо девушки посерело, потом она резко развернула лошадь и поскакала обратно к Ренейле, неуклюже подпрыгивая в седле.

Авиенда довольно захихикала, но Илэйн подумала, не было ли ошибкой последнее замечание. Даже с добрых тридцати шагов было хорошо видно, как вытянулось лицо Ренейле при словах Райнин, как зашущукались остальные. Испуганными они не выглядели, скорее рассерженными, и взоры, которые они бросали на Айз Седай, были мрачнее некуда. Но свои взгляды Морской народ адресовал сестрам, а не Авиенде. Аделис задумчиво кивала, а Мерилилль едва скрывала улыбку. Ладно хоть эти довольны.

Приятной прогулке пришел конец. Какое тут наслаждение цветами и птицами! Останься это происшествие единичным... Так ведь нет! Вскоре после того, как отряд миновал поляну с каменными колоннами, к Илэйн одна за другой потянулась Родня. Все, кроме Кирстиан, и она бы тоже к ним присоединилась, но ей поручили присматривать за Испан. Они подъезжали по очереди, неуверенно, робко улыбаясь; Илэйн захотелось приказать им вести себя сообразно возрасту. Они ничего не требовали и были слишком умны, чтобы напрямую спрашивать о том, в чем им отказали, но нашли свой, обходной путь.

– Мне тут пришло в голову, – с живостью заметила Реанне, – что вам, должно быть, вскоре захочется допросить Испан Седай. Кто, кроме нее, скажет, что еще она собиралась делать? Ведь не только отыскать кладовую? – Реанне притворялась, будто ведет беседу, но то и дело поглядывала на Илэйн, проверяя, как та относится к ее словам. – Уверена, что через час, самое большее через два, мы приедем на ферму. А вам вряд ли захочется терять два часа. Травы Найнив Седай сделали ее разговорчивее. И я уверена, она вполне способна отвечать на расспросы.

Улыбка Реанне потускнела, когда Илэйн заявила, что с расспросами Испан можно погодить. О Свет, неужели они в самом деле думают, что кого-то можно допрашивать во время конного перехода через лес, да еще по тропе, которая едва ли заслуживает подобного названия? Реанне, что-то бормоча под нос, вернулась к своей Родне.

– Прошу прощения, Илэйн Седай, – бормотала вскоре Чиларес, в ее голосе отчетливо звучал мурандийский выговор. Зеленая соломенная шляпка соответствовала по цвету оборкам нижних юбок. – Прошу прощения, если помешала.

Она не носила красного пояса Мудрой Женщины, как и большинство из Связующего круга. Ивара была золотых дел мастером; Элдейс продавала лакированные безделушки, которые хорошо уходили за рубеж; Чиларес торговала коврами; а Реанне доставляла товары мелким торговцам. Кирстиан держала небольшую ткацкую мастерскую, Димана была белошвейкой; за свою жизнь они перепробовали многие ремесла и жили под многими именами.

– Кажется, Испан Седай не слишком хорошо себя чувствует, – сказала Чиларес, беспечно ерзая в седле. – Возможно, травяной настой сказался на ней больше, чем полагает Найнив Седай. Будет очень плохо, если с ней что-нибудь случится. До допроса, я хотела сказать... Может, сестры осмотрят ее? Исцеление, знаете ли... – Она умолкла.

А ведь эта кареглазая и сама бы могла Исцелить, тем более вместе с Сумеко.

Обернувшись, Илэйн увидела, что коренастая женщина поднялась в стременах и глядит вперед. Перехватив взор Илэйн, она торопливо села. Сумеко, которая знает об Исцелении больше любой сестры, кроме Найнив. Может, даже *больше* Найнив. Илэйн попросту, без затей, указала пальцем назад, и Чиларес, покраснев, поворотила коня.

Едва успела отъехать Реанне, как к Илэйн приблизилась Мерилилль. Серой сестре гораздо лучше удавалось создавать иллюзию беспечной болтовни, чем кому-то из Родни. По крайней мере, по манере говорить. Совсем другое дело – то, что она говорила.

– Не знаю, Илэйн, насколько можно доверять этим женщинам. – Она недовольно скривила губы, смахивая пыль с платья. – По их утверждениям, дичков они не принимают. Но Реанне сама может быть дичком, сколько бы она ни говорила, что провалила испытание на

принятую. Да и Сумеко тоже, и наверняка Кирстиан. – Косой взгляд в сторону Кирстиан, легкое покачивание головой. – Ты, должно быть, заметила, как она вздрагивает при упоминании Башни. Знает не больше, чем нахваталась в разговорах с теми, кому что-то известно. – Мерилилль вздохнула, как бы сожалея о сказанном. – Не думала ли ты, что они могут лгать и о другом? Вдруг они – приспешницы Тьмы или их подручные? Мы же ничего не знаем! Слишком доверять им нельзя. Я верю, что есть какая-то ферма. Но не удивлюсь, если мы обнаружим несколько развалюх и с дюжину дичков. Хотя развалюхи – вряд ли, ведь деньги у них водятся, но в остальном... Нет-нет, полагаться на них мы не можем.

Илэйн понемногу начала закипать, понимая, куда гнет Мерилилль. Все эти «может» и «возможно», все эти обиняки и намеки, которыми щедро сыпала Айз Седай... Приспешницы Тьмы? Связующий круг *сражался* с приспешниками Тьмы. Две погибли. И если бы не Сумеко и не Айне, Найнив погибла бы, а не захватила Испан в плен. Но причина, почему им нельзя доверять, не в опасениях Мерилилль, будто они на стороне Тени. Им нельзя доверять, а значит, им нельзя доверять и Испан.

Илэйн прихлопнула большую зеленую муху, усевшуюся на шею Львице, и от резкого шлепка Серая сестра вздрогнула.

– Как ты смеешь? – процедила Илэйн. – В Рахаде они сражались с Испан и Фалион и еще с голамом, не говоря уже о двух дюжинах головорезов с мечами. *Тебя-то* там не было. – Это не совсем честно. Мерилилль и остальных оставили потому, что появившиеся в Рахаде Айз Седай привлекли бы к себе внимание почище труб и барабанов. Впрочем, Илэйн было все равно. Гнев ее с каждой секундой становился сильнее, а голос – выше с каждым словом. – Больше никогда не приближайся ко мне со своими намеками. *Никогда!* Без твердых доказательств! Ясно? Иначе я назначу наказание, от которого у тебя глаза на лоб полезут! – Как бы высоко она ни стояла над Мерилилль, у нее вообще не было права назначать наказание, но ей и это было все равно. – Ты у меня пешком пойдешь до Тар Валона! И всю дорогу – только хлеб и вода! Я тебя отдам под их надзор! И велю еще отшлепать, если хоть курице кыш скажешь!

Тут только до Илэйн дошло, что она кричит. Какие-то серо-белые птицы большой стаей пролетали над головой, и их крики заглушали голос девушки. Глубоко вздохнув, она постаралась успокоиться. Для крика голос ее вовсе не подходил, всегда получался какой-то визг. Все глядели на нее, в большинстве своем с изумлением. Авиенда одобрительно кивала. Разумеется, она точно так же кивала бы, вонзи Илэйн нож в сердце Мерилилль. Авиенда, что бы ни происходило, всегда вставала на сторону подруги. По-кайриэнски светлокожая Мерилилль побледнела как смерть.

– Я сказала, что хотела, – добавила Илэйн спокойнее.

Кажется, от такого тона Мерилилль побледнела еще больше: кровь точно отхлынула у нее от лица. Нельзя допустить, чтоб даже слушок пошел. Так или иначе, она это уладит, пусть хоть весь круг в обморок попадает.

Илэйн надеялась, что на этом все кончится. Как бы не так! Как только отъехала Чиларес, ей на смену явилась Сарейта, и у нее тоже имелись причины не доверять Родне. Их возраст. Даже Кирстиан утверждала, будто она старше любой живущей ныне Айз Седай, а рядом с Реанне Кирстиан – сопливая девчонка, между тем Реанне на сто с лишним лет больше, а она даже не самая старая из Родни. Звание Старшей переходило к той из находившихся в Эбу Дар женщин из Родни, кто по годам превосходила остальных, а судя по строгому расписанию, которому они следовали, чтобы оставаться незамеченными, в других местах жили женщины еще постарше. Это же совершенно невозможно, настаивала Сарейта.

Илэйн не стала кричать – очень постаралась.

– Со временем мы узнаем правду, – сказала она Сарейте. В словах Родни Илэйн не сомневалась, но ей и самой было любопытно, как это Родне удастся скрывать возраст. Если удастся,

она разгадает и эту загадку. Что-то подсказывало, что ответ прост, но вот в чем он... – Со временем, – твердо добавила она, когда Коричневая сестра снова открыла рот. – Хватит, Сарейта.

Та неуверенно кивнула и отстала. Не прошло и десяти минут, как появилась Сибелла.

Вся Родня, начиная издалека, с околичностей, просила освободить их от опеки над Испан, а потом с той же просьбой являлся кто-то из сестер. Все, кроме Мерилилль, та сразу принималась моргать, стоило Илэйн на нее взглянуть. Похоже, крики подействовали. По крайней мере, больше никто впрямую на Родню не нападал.

Вандене, например, начала с обсуждения Морского народа и с того, как противодействовать заключенной с ними сделке, почему это необходимо и возможно. Она говорила отвлеченно, ни в едином слове, ни в едином жесте нельзя было усмотреть предвзятости. Вообще-то, Илэйн хватило и самого предмета разговора. Белая Башня, говорила Вандене, сохраняет свое влияние в мире не силой оружия, не силой убеждения и даже не заговорами и интригами. Скорее, Белая Башня воздействует на события, пока есть хоть какая-то возможность, именно тем, что Башня, по всеобщему мнению, стоит от них в стороне, над событиями, и не ищет явных выгод, в отличие от королей и королев. Это, в свою очередь, зависит от умения каждой Айз Седай казаться загадочной и непохожей на прочих. Будто они слеплены из другого теста. Исторически так сложилось, что Айз Седай, которым подобное не удавалось – а таких было мало, – Башня держала подальше от посторонних глаз.

Очень скоро Илэйн сообразила, что разговор идет уже не о Морском народе, и догадалась, на какую тему он скатывается. Из иного теста, загадочные и непохожие – на таких нельзя надевать мешок и привязывать к седлу. Во всяком случае, когда это могут увидеть не Айз Седай. По правде говоря, сестры обращались бы с Испан куда суровее женщин из Связующего круга – но только не на виду у всех. Спор мог бы привести к более весомым последствиям, чем представлялось поначалу, поэтому Илэйн отослала Вандене так же быстро, как и прочих. И ее без промедления сменила Аделис – сразу после Сибеллы, которой было сказано, что если никто из Родни не может разобрать, что там мямлит Испан, то и сестры не разберут ее бормотания. Мямлит! О Свет! Айз Седай продолжали сменять друг друга, и, даже зная, что у них на уме, уловить связь было нелегко. И вот уже Кареане начала рассказывать, что те булыжники и впрямь некогда были пальцами ног. Как считают, статую воздвигли в честь некой королевы-воительницы, и была эта статуя почти две сотни футов высотой...

– Испан останется там, где она сейчас, – холодно, не терпящим возражений тоном сказала Илэйн Кареане. – А теперь, если ты и в самом деле желаешь поведать мне, зачем жителям Шиоты вздумалось воздвигнуть эту статую... – Зеленая сестра говорила, что, по утверждениям древних летописей, древняя королева на себя мало что надевала, кроме доспехов, да и те одно название. Королева! – Нет? Тогда, если ты не против, я бы хотела побеседовать с Авиендой. Большое спасибо.

Впрочем, просто оборвать еще не значило остановить. Удивительно, как они еще служанку Мерилилль к ней не подослали!

Ничего подобного не случилось бы, займись Найнив своим делом. Ведь с ней обо всем было уговорено! По крайней мере, она сумела бы и с Родней разобраться, и сестер удержать. Закавыка была в том, что Найнив, еще в путь не успели тронуться с той поляны, прилипла к Лану. Стражи то отправлялись вперед, то скакали обок отряда, то отставали и, ненадолго возвращаясь, коротко сообщали об увиденном или объясняли, как лучше обойти ферму или пастуха. Бергитте уезжала довольно далеко, и ее встречи с Илэйн занимали всего несколько минут. Еще дальше уезжал Лан. И куда бы он ни скакал, с ним отправлялась Найнив.

В первый раз, вернувшись с Ланом, Найнив окинула Морской народ мрачным взглядом.

– Никто ничего не учудил? – спросила она. Потом, не дав Илэйн и рта открыть, заключила: – Значит, все в порядке.

И тут же, развернув круглобокую кобылку, точно какого скакуна, Найнив стегнула ее поводьями и галопом унеслась за Ланом. Придерживая рукой шляпу, она нагнала Лана у холма, и вместе они скрылись за косогором. Ну конечно, жаловаться было не на что. Реанне уже нанесла свой визит, и Мерилилль тоже, и все вроде бы уладилось.

Когда Найнив появилась вновь, Илэйн терпеливо отразила несколько замаскированных попыток передать Испан сестрам, Авиенда поговорила с Курин, Ищущие Ветер томились на медленном огне. Однако, когда Илэйн объяснила ситуацию, Найнив лишь нахмурилась и огляделась. Разумеется, в тот момент все находились там, где им и следовало быть. Правда, Ата'ан Миэйр иногда косились на Айз Седай, но главы Родни держались позади, а что касается сестер, то даже послушницы не могли бы лучше прикинуться пай-девочками. Илэйн взвыть захотелось!

– Уверена, ты со всем справишься, – заявила Найнив. – Тебя же учили быть королевой. А они и в подметки не годятся твоим... Чтоб его! Опять уходит! Ты справишься!

С этими словами Найнив погнала бедную кобылу галопом, будто та была боевым конем.

Тогда-то Авиенде и вздумалось рассказать, как Ранду нравится целовать ее в шею. И как это невзначай понравилось ей самой. Илэйн тоже нравилось, когда он ее так целовал, но, хоть она и привыкла разговаривать на такие темы, в тот миг ей было совсем не до того. Она сердилась на Ранда. Это было несправедливо, зато – хоть какое-то занятие; иначе она могла многое наговорить Найнив: мол, хватит вести себя с Ланом точно с ребенком, за которым нужен глаз да глаз. Она что, боится, что он споткнется на ровном месте? И не пора ли к своим обязанностям вернуться? Илэйн уже не терпелось возложить на Ранда вину и за раболепие Родни, и за упрямство Айз Седай, и за поведение Ищущих Ветер в придачу. «Вот для того и созданы мужчины, чтобы во всем их винить, – припомнила девушка присловье Лини. – Обычно есть за что, даже если не знаешь точно». Нечестно, но ей хотелось, чтобы Ранд оказался тут, вот бы она надрала ему уши, всего разок. И чтоб он был здесь подольше, а она бы его поцеловала, а он бы целовал ее в шейку нежно и ласково. И чтобы...

– Он слушает советы, даже когда ему не нравится то, что он слышит, – вдруг сказала Илэйн, краснея. О Свет, сколько Авиенда говорит о чести и позоре, а иногда кажется, будто у нее стыда и в помине нет. Да и у самой Илэйн он куда-то запропастился! – Но если я стану подталкивать его, он упрется, даже если ясно, что права я. С тобой он такой же?

Авиенда глянула на подругу и как будто поняла. Илэйн не была уверена, нравится ли ей это или нет. Ладно хоть больше не говорили о Ранде и поцелуях. Какое-то время. Кое-что о мужчинах Авиенда знала – ходила с ними в боевые походы, когда была Девой Копья, сражалась вместе с ними, – но она никогда не хотела иной судьбы, чем быть Фар Дарайз Май, и вот... И в ее познаниях были пробелы. Даже с куклами в детстве она играла в сражения. Она ничего не знала о кокетстве и не понимала этого, как не понимала, что с ней творится, когда на нее падает взор Ранда. Да и сотню других вещей, которым Илэйн начала учиться, когда заметила, что впервые мальчик смотрит на нее не так, как на других детей. Авиенда хотела, чтоб Илэйн научила ее всему этому, и Илэйн пыталась. Она и в самом деле могла говорить с Авиендой обо всем. Если б только в качестве примера не возникал то и дело Ранд. Вот попадись он ей, она ему непременно уши надерет! И поцелует. А потом еще разок уши надерет.

Нет, совсем не приятная прогулка. Жалкая.

Найнив соблаговолила появиться еще несколько раз и в конце концов вернулась с известием, что ферма Родни – впереди, вон за тем округлым холмом, будто готовым завалиться набок. В своих оценках Реанне оказалась пессимисткой: судя по солнцу, еще и двух часов не прошло.

– Очень скоро мы там будем, – сказала Найнив, обращаясь к Илэйн, будто и не замечая хмурого взора подруги. – Лан, пожалуйста, приведи сюда Реанне. Лучше, если они с самого начала увидят знакомое лицо. – Лан развернул коня, и Найнив, повернувшись в седле, коротко

глянула на Айз Седай. – Я не хочу, чтобы вы их напугали. Придержите языки, пока мы не объясним, что к чему. И лица спрячьте. Капюшоны надвиньте. – Она выпрямилась, не дожидаясь ответа, и довольно кивнула. – Ну вот. Все улажено, и все хорошо. Клянусь, Илэйн, не пойму и чего ты так стенала? Все идет как должно.

Илэйн скрипнула зубами. Ей хотелось, чтобы они уже были в Кэймлине. Именно туда они и собирались сразу после того, как закончат с Чашей. В Кэймлин ее призывает долг, о котором нельзя забывать. И все, что ей нужно сделать, – это убедить сильные Дома: вопреки долгому отсутствию, Львиный трон принадлежит ей. А еще – справиться с парочкой конкурентов. Их могло и не быть, будь она в родной стране, когда ее мать исчезла, но история Андора подсказывает, что претенденты не замедлят появиться. И после всего случившегося эта задача представлялась Илэйн куда более простой.



Глава 4

Тихое место



Ферма Родни – дюжина больших беленых домов под плоскими, блестящими под солнцем крышами – располагалась в широкой долине, окруженной тремя приземистыми холмами. На склоне самого высокого холма виднелись четыре внушительных амбара, плоская вершина позади круто переходила в скалистый обрыв. Хилую тень во дворе фермы давала горстка высоких деревьев, на которых еще уцелела листва. К северу и востоку тянулись оливковые рощи, местами заползая на холмы. На ферме царила суматоха, около сотни людей, несмотря на полуденную жару, занимались повседневными делами.

Ферма могла бы даже сойти за маленькую деревушку, если бы не отсутствие на виду мужчин и детей. Увидеть их Илэйн и не ожидала. Здесь жили женщины из Родни, приходили сюда из Эбу Дар, а после отправлялись дальше, куда им было надо; в самом же городе их оставалось не очень много, но существование этой фермы, как и самой Родни, держалось в тайне. Миль на двести окрест все считали эту ферму убежищем для женщин, пристанищем для тех, кто желает ненадолго остаться наедине со своими мыслями, укрыться от мирских забот – на несколько дней, неделю, может, и подольше. Илэйн почти ощущала разлитое в воздухе спокойствие. В душе у нее шевельнулось сожаление, что в это тихое местечко она принесла тревоги мира, но девушка напомнила себе, что принесла и новую надежду.

Появление лошадей, вывернувших из-за уступа холма, вызвало куда меньше суеты, чем предполагала Илэйн. Несколько женщин остановились, посмотрели в их сторону, и не более того. Одеты они были по-разному – Илэйн даже уловила блеск шелка, – кто нес корзины, а кто ведра, другие тащили большие белые кипы, явно белье в стирку. Одна женщина несла уток, держа за веревочки, которыми они были связаны – за лапки попарно. Благородные дамы и ремесленницы, фермерши и нищенки – все были равны, здесь привечали всех и всем находили занятие. Авиенда коснулась локтя Илэйн и указала на верхушку холма, похожего на перевернутую перекошенную воронку. Илэйн прикрыла глаза, приложив ладонь к полям шляпы, и через миг заметила некое движение. Теперь понятно, почему никто не удивился появлению отряда. Дозорным оттуда видно издалека.

Из-за дома навстречу процессии вышла женщина, невзрачная, в платье эбударского покроя, с глубоким узким вырезом, но ее темные верхние и разноцветные нижние юбки оказались достаточно коротки, чтобы не приподнимать их над пыльной землей. Брачного кинжала у нее не было – правилами Родни не дозволялось замужество. У Родни было слишком много секретов, которые нужно строго хранить.

– Это Алис, – пробормотала Реанне, подъехав поближе к Найнив и Илэйн и натягивая повод. – Сейчас ее черед управляться на ферме. Она очень умна. – И, словно бы что-то припомнив, добавила, еще тише: – И глупцов не терпит.

Пока Алис шла к ним, Реанне выпрямилась в седле и расправила плечи, словно готовясь к какому-то испытанию.

Илэйн Алис показалась средней во всех отношениях. Глядя на нее, не скажешь, что она способна заставить Реанне замолчать, даже не будь та Старшей из Связующего круга. С прямой, точно палка, спиной, Алис выглядела женщиной средних лет, ни стройной, ни коренастой, ни высокой, ни низкой, а темно-каштановые волосы, слегка тронутые сединой, были стянуты на затылке лентой, но явно не в качестве украшения, а из практических соображений. Лицо у Алис было незапоминающимся, хотя и приятным, слегка округлым, его лишь чуточку подпортила несколько длинноватая челюсть. Заметив Реанне, Алис окинула ее мимолетным удивленным взглядом, а потом улыбнулась. Улыбка изменила все. Она не превратила женщину в красавицу, не прибавила очарования, но Илэйн почувствовала теплоту и умиротворение.

– Никак не ожидала увидеть тебя... Реанне, – сказала Алис, едва заметно запнувшись на имени. Она явно не знала, как ей обращаться к Старшей в присутствии Найнив и Илэйн с Авиендой. На них Алис то и дело бросала короткие изучающие взгляды. В говоре ее проскальзывали тарабонские нотки. – Конечно, Беровин поведала о происшедшем в городе, но я не думала, что все так плохо и тебе пришлось уехать. А кто эти...

Она умолкла, ее глаза расширились, уставились на что-то позади Реанне.

Илэйн оглянулась, и с языка у нее едва не сорвались кое-какие словечки, которых она по случаю понахваталась там и сям, в том числе и совсем недавно – у Мэта Коутона. Всех словечек она не понимала – а большинства и вовсе не уразумела, – никто не хотел растолковывать ей, что именно эти фразы значат, – но душу облегчить они позволяли. Стражи поснимали свои меняющие цвета плащи, и сестры, как велено было, надвинули поглубже капюшоны своих пыльников, даже Сарейта, которой ни к чему было скрывать свое юное лицо. Но Кареане не удосужилась надеть капюшон как следует, и он просто обрамлял ее лицо без возраста. Не всякий бы понял, что предстало его глазам, но любому, бывавшему в Белой Башне, достаточно одного взгляда. Поймав сердитый взгляд Илэйн, Кареане потянула капюшон вниз, но было уже поздно.

Кроме Алис, и у прочих на ферме глаза оказались зоркими.

– Айз Седай! – завопила какая-то женщина; пронзительный голос будто возвещал о конце мира.

Возможно, ее миру и впрямь пришел конец. Крики множились, летели, точно пыль на ветру, и в мгновение ока ферма обратилась в развороченный муравейник. Одни женщины попросту падали без чувств, другие забежали – очумело, роняя все из рук, с воплями, наталкиваясь друг на друга, падая, поднимаясь на ноги и вновь обращаясь в паническое бегство. Хлопающие крыльями утки и квохчущие куры, блеющие черные козы – все носились по двору, шарахаясь от людей, мешаясь у них под ногами. В центре круговерти застыли изваяниями две-три женщины; это наверняка были те, кто ничего не знал о Родне и явился на ферму, разыскивая убежища. Впрочем, кое-кто из них, заразившись паникой, тоже кинулся бежать куда глаза глядят.

– О Свет! – вырвалось у Найнив. Она дернула себя за косу. – В оливковые рощи бегут! Остановите их! Только паники нам не хватало! Посылайте Стражей! Быстрее же! – Лан вопросительно приподнял бровь, но она решительно взмахнула рукой. – Быстрее! Пока они *все* не разбежались!

Кивнув, Лан послал Мандарба в галоп. Стражи двинулись к роще, по широкой дуге объезжая воцарившееся среди домов безумие.

Илэйн взглянула на Бергитте, пожала плечами, потом жестом дала знак присоединиться к остальным Стражам. Она была согласна с Ланом. Панику остановить уже не получится, с этим опоздали, а отправлять верховых Стражей собирать перепуганных женщин – не лучший выход из положения. Илэйн не знала, как теперь уладить дело, а потому незачем, чтобы женщины бестолково бегали окрест. Наверняка они захотят услышать новости, привезенные ею и Найнив.

Алис, впрочем, и не думала ударяться в бегство. Она лишь слегка побледнела, но стояла на месте и в упор глядела на Реанне.

– Почему? – прошептала она. – Почему, Реанне? Я и представить себе не могла, что ты способна на такое! Они тебя подкупили? Чем? Предложили прощение? Отпустят тебя, а расплачиваться будем мы? Наверное, они этого не позволяют, но, клянусь, я попрошу их разрешить мне задать тебе взбучку. Да, тебе! Правила и тебя касаются, *Старшая*! Если я сумею этого добиться, клянусь, ты не станешь разгуливать с этакой-то улыбочкой!

Очень твердый взгляд. Совсем как сталь.

– Все совсем не так, как ты думаешь, – торопливо заговорила Реанне, спешиваясь и выпуская поводья. Она схватила Алис за руки и крепко держала, хотя та и пыталась высвободиться. – О, я не хотела, чтобы так получилось. Они знают, Алис. Знают о Родне. Башня *всегда* о ней знала. Все. Почти все. Но важно не это. – Брови Алис поползли вверх, но Реанне, сверкая глазами из-под полей большой соломенной шляпы, сбивчиво продолжала: – Мы можем вернуться, Алис. Мы можем попытаться вновь! Они *сказали*, что можем.

Постройки фермы, кажется, тоже опустели: женщины, выскочившие и узнавшие о причинах суматохи, тотчас же кинулись наутек, задержавшись лишь на миг, чтобы подобрать юбки. Крики из оливковых рощ свидетельствовали, что Стражи занялись делом, но удачно ли? Похоже, они не слишком-то преуспели. Илэйн ощущала нарастающее недовольство Бергитте и ее раздражение.

Реанне окинула взглядом беспорядок и вздохнула:

– Мы должны их собрать, Алис. Мы можем вернуться.

– Да, ты-то можешь. Ну и еще кое-кто, – с сомнением заметила Алис. – Если это правда. А как же остальные? Башня не станет со мной возиться, выставит за порог, и все. – Она кинула взгляд исподлобья на сестер в капюшонах; когда она вновь посмотрела на Реанне, в ее взоре больше не было гнева. – И *зачем* нам возвращаться? Чтобы вновь услышать, что мы недостаточно сильны? И чтобы потом нас отправили восвояси? Или чтобы продержали в послушницах до конца жизни? Кому-то это, может, и по душе, кто-то и согласится, но не я. Зачем, Реанне? Зачем?

Найнив слезла со своей кобылы, взяла ее под уздцы и шагнула вперед. Илэйн последовала ее примеру.

– Чтобы стать частью Башни, если того пожелаете, – нетерпеливо заявила Найнив обеим женщинам Родни. – Может, чтобы стать Айз Седай. Лично я не понимаю, почему ты недостаточно сильна, коли пройдешь дурацкие испытания. Не хочешь – не возвращайся, беги, мне плевать. Но только потом, когда я тут разберусь. – Широко расставив ноги, она сняла шляпу и подбоченилась. – Реанне, мы лишь время теряем, а у нас дел по горло. Ты уверена, что тут есть кто-нибудь, кто нам нужен? Давай выкладывай! Если не уверена, оно и ладно. Спешить, конечно, ни к чему, но то, что надо, у нас есть, и лучше поскорее со всем закончить.

Когда ее и Илэйн представили как Айз Седай, тех самых Айз Седай, что дали обещание, Алис сдавленно ахнула и принялась разглаживать шерстяные юбки, хотя явно хотела вцепиться в горло Реанне. Она сердито открыла рот – и тут же захлопнула его, когда к ним подошла Мерилилль. Суровость не исчезла из ее взора, но к нему добавилась толика изумления. И значительная доля настороженности.

– Найнив Седай, – церемонно обратилась Мерилилль, – Ата’ан Миэйр... не терпится... с лошадей слезть. По-моему, кое-кому не помешало бы попросить об Исцелении. – По ее губам скользнула мимолетная улыбка.

Вопрос быстро уладили, хотя Найнив, не переставая, ворчала, что сделает со следующей, кто осмелится сомневаться в ее звании. Илэйн и сама не прочь была присовокупить несколько сильных словечек, но, по правде говоря, Найнив выглядела глуповато, ведя себя подобным образом с Мерилилль и Реанне. Те почтительно ожидали, пока она закончит, а Алис во все глаза пялилась на эту троицу. То ли это решило дело, то ли появление Ищущих Ветер; они спешили и лошадей вели в поводу. Все изящество движений стерлось жесткими седлами, ноги, как и лица, одеревенели, однако невозможно было ошибиться в том, кто они такие.

– Если так далеко от моря объявилось двадцать человек из Морского народа, – пробормотала Алис, – я поверю во что угодно.

Найнив фыркнула, но ничего не сказала, за что Илэйн была ей благодарна. Похоже, до конца убедить упрямую женщину не удалось, хоть Мерилилль и величала их с Найнив Айз Седай. Тут не помогут ни вспышки ярости, ни пространные тирады.

– Тогда Исцели их, – сказала Найнив, обращаясь к Мерилилль. Они повернулись к сбившимся в кучку женщинам, и Найнив добавила: – Если вежливо попросят.

Мерилилль вновь улыбнулась, но Найнив уже хмуро взирала на почти опустевшую ферму. По двору еще расхаживали козы – среди оброненного белья, граблей и метел, среди корзин в лужах воды, выплеснувшейся из упавших ведер, не говоря уже о рухнувших без чувств женщинах из Родни. Разве что куры с прежней деловитостью вновь копались в земле и что-то клевали. Женщины, оставшиеся на ферме и в сознании, явно к Родне не принадлежали. Некоторые были одеты в вышитые шелковые и льняные платья, другие – в домотканые шерстяные, но о многом говорил тот факт, что они не бросились бежать. Реанне упоминала, что из числа живущих на ферме приблизительно половина ни о чем таком не ведала.

Найнив хоть и ворчала, но не стала терять время и отдала какие-то распоряжения Алис. Или же Алис сама решила действовать. Трудно было определить, поскольку к Айз Седай она выказывала куда меньше почтения, чем женщины из Связующего круга. Вероятно, она не пришла в себя после столь ошеломляющего поворота событий. Во всяком случае, вперед они двинулись вместе: Найнив вела свою кобылку в поводу и, размахивая другой рукой с зажатой в ней шляпой, наставляла Алис, как собрать разбежавшихся женщин и что надо будет сделать, когда их всех соберут. Реанне была уверена, что здесь есть по меньшей мере одна женщина, которой по силам войти в круг, – Гарения Розойнде. И возможно, отыщутся еще две-три. По правде сказать, Илэйн надеялась, что их тут нет. Алис же то кивала, то бросала на Найнив взгляды, которых та будто и не замечала.

В ожидании, пока соберут разбежавшихся женщин, вроде бы нашлось немного времени порыться в корзинах. Однако, когда Илэйн повернулась к выючным лошадям, которых уже вели на двор фермы, она заметила Связующий круг. Реанне и ее товарки отдельной группкой вошли на ферму, одни поспешили к лежащим на земле женщинам, другие – к тем, кто стоял разинув рты. Где же тогда Испан? Ах вот она – между Аделис и Вандене, они держали ее под руки и тащили едва ли не волоком; пыльники развевались за спинами Айз Седай.

Седовласые сестры были связаны между собой, и сияние саидар каким-то образом охватывало обеих, но не затрагивало Испан. Нельзя было определить, кто из сестер главный в маленьком кругу и кто удерживает щит, отсекающий приспешницу Темного, но даже Отрекшимся не пробить его. Айз Седай остановились возле коренастой женщины в простом коричневом платье из шерсти, о чем-то переговаривали с ней, причем ту несказанно изумил кожаный мешок на голове у Испан, но она, присев в реверансе, указала на один из беленых домов.

Илэйн сердито переглянулась с Авиендой. Ну, во всяком случае Илэйн точно была рассержена. Авиенда же порой проявляла чувств не больше, чем камень. Поспешно сунув пово-

дья двум дворцовым конюхам, они заторопились вслед за троицей. Кое-кто из женщин – кто не знал о Родне – пытался их расспрашивать, что, собственно, стряслось; Илэйн отделивалась короткими ответами, перемежая их презрительными хмыканьями и пренебрежительным фырканьем. О, сколь многое она бы отдала за то, чтобы лицо ее утратило возраст! Эта мысль затронула какую-то струнку у нее в голове, но та пропала, едва только Илэйн попыталась как следует об этом задуматься.

Когда девушка распахнула простую деревянную дверь, за которой скрылась троица, Аделис и Вандене уже усадили Испан на стул со спинкой из натянутых веревок. Мешок, снятый с головы Испан, лежал на узком столе-козлах, рядом с пыльниками Айз Седай. В комнате было всего одно окно, прорезанное в потолке, и стоявшее высоко солнце освещало комнату. Вдоль стен тянулись полки, уставленные большими медными котлами и белыми глубокими мисками. Судя по хлебному запаху, вторая – и последняя – дверь вела в кухню.

На стук открывшейся двери Вандене резко обернулась, но, когда разглядела вошедших, лицо ее разгладилось, приняв безразличное выражение.

– Сумеко сказала, что действие трав слабеет, – заметила Вандене. – Поэтому, наверное, лучше допросить ее, пока она что-то соображает. Кажется, у нас все равно есть время. Нужно бы разузнать, что... Черная Айя, – губы ее скривились от отвращения, – задумала в Эбу Дар. И что им ведомо.

– Раз уж нам об этой ферме неизвестно, сомневаюсь, что они о ней знают, – заметила Аделис, задумчиво постукивая пальцем по губам и разглядывая женщину на стуле. – Но лучше сразу удостовериться, чтоб потом не плакать, как обычно говаривал наш отец.

Она будто рассматривала невиданное животное, создание, существование которого выходило за рамки ее понимания.

Испан кривила губы. Пот градом катился по лицу, темные, с вплетенными бусинками косы растрепаны, одежда – в беспорядке, но, несмотря на затуманенные глаза, она не была настолько уж одурманена.

– Черная Айя... Это гнусная выдумка, – усмехнулась она. В кожаном мешке наверняка было жарко, а пить ей в последний раз давали перед выступлением из Таразинского дворца. – Да как вы вообще посмели заговорить об этом? И обвинять меня! Все, что я делала, было сделано по приказам Престола Амерлин.

– От *Элайды*? – недоверчиво бросила Илэйн. – У тебя хватает наглости заявлять, что *Элайда* приказывала убивать сестер и обкрадывать Башню? *Элайда* приказала устроить то, что ты натворила в Тире и Танчико? Или ты имеешь в виду Суан? Жалкая ложь! Ты преступила Три Клятвы, уж не знаю как, а значит, ты – из Черной Айя!

– На твои вопросы я не должна отвечать, – угрюмо заявила Испан, передернув плечами. – Вы взбунтовались против истинной Амерлин. Вы будете наказаны, а возможно, и усмирены. Тем более, если поднимете руку на меня. Я служу истинной Амерлин, и вас накажут, если со мной что-либо случится.

– Ты ответишь на все вопросы, которые тебе задаст моя почти сестра. – Пристально глядя на Испан, Авиенда большим пальцем опробовала остроту своего ножа. – Мокроземцы боятся боли. Им неведомо, как отдаваться ей, как принимать ее. Когда тебя спросят, ты ответишь.

Она не кричала и не рычала от ярости, не вращала глазами, она говорила обыкновенным тоном, но Испан вжалась в спинку стула.

– Боюсь, это запрещено, даже не будь она посвящена Башне, – сокрушенно заметила Аделис. – Нам не разрешено проливать кровь при допросе или позволять это делать от нашего имени другим.

Чем она опечалена – то ли упомянутым запретом, то ли тем, что Испан связана с Башней, – Илэйн не сумела понять. Сама она, вообще-то, считала, что для Башни Испан – отрезанный ломоть. Хотя и бытовала поговорка, что от уз, связавших женщину с Башней, может

освободить лишь сама Башня, но, говоря откровенно, коли Белая Башня коснулась тебя, это, считай, навсегда.

Нахмутив лоб, девушка разглядывала Черную сестру – такую растрепанную и оборванную, но по-прежнему самоуверенную. Испан слегка выпрямилась и кидала на Авиенду взгляды, полные презрения. И на Илэйн тоже. Раньше – когда она думала, что ее захватили только Найнив и Илэйн, – она держалась иначе; самообладание вернулось к ней после того, как она узнала, что здесь есть и сестры постарше. Сестры, которые относятся к закону Белой Башни как к частице самих себя. Этот закон запрещал не только проливать кровь, но и прибегать к тем методам, которыми не побрезговал бы Вопрошающий белоплащников. До допроса необходимо провести Исцеление, и если допрос начался после восхода солнца, то окончить его должно до заката; а если после захода, то – до утренней зари. Еще более строг и требователен был закон, когда допросу подвергались те, кто имел отношение к Башне, – сестры, принятые и послушницы. Закон запрещал применять саидар как для допроса, так и для наказания. О, сестра могла в сердцах подергать нерасторопную послушницу за ухо с помощью Силы, а то и хорошенько шлепнуть пониже спины, но вряд ли посмела бы позволить себе большее. Испан улыбнулась Илэйн. Улыбнулась! Илэйн глубоко вздохнула:

– Аделис, Вандене, я бы хотела, чтобы вы оставили Авиенду и меня наедине с Испан.

Внутри у нее все будто в тугой узел скрутилось. Как же заставить эту женщину заговорить и узнать, что нужно, не нарушая закона Башни? Должен быть способ! Обычно, когда людей допрашивает Башня, они начинают говорить, хотя их и пальцем не коснулись, – всем известно, что от Башни *ничего и никому* не утаить! – но женщины из Башни крайне редко оказывались в подобном положении. Илэйн будто наяву услышала голос, но на сей раз не Лини, а матери. «Будь готова сделать то, что велишь другим, собственными руками. Как королева, ты *обязана* добиться исполнения». Если она нарушит закон... Девушке вновь послышался голос матери. «Даже королева не может встать над законом, иначе не будет закона». И еще – Лини. «Ты можешь делать что хочешь, девочка моя. Пока готова за это платить».

Илэйн, не развязывая ленту, стащила с головы шляпу, с трудом заставила себя говорить спокойным тоном:

– Когда мы... Когда мы закончим с ней беседовать, можете отвести ее к Связующему кругу.

А потом она сама отдаст себя в распоряжение Мерилилль. Для установления вины и определения наказания достаточно будет любых пяти сестер.

Испан резко повернула голову, переводя взгляд с Авиенды на Илэйн; мало-помалу ее зрачки становились все шире. Теперь-то самоуверенности у нее поубавилось.

Вандене и Аделис молча переглянулись – так обычно ведут себя те, кто очень много времени провел вместе и понимает друг друга без слов. Потом Вандене взяла Илэйн и Авиенду под руки.

– Если вы не против, я хотела бы переговорить с вами, – тихо произнесла Вандене.

Слова ее звучали как предложение, но она уже увлекла девушек к двери.

На дворе фермы два десятка женщин из Родни сбились в кучку, будто овцы. Не на всех были эбударские одежды, но две носили красные пояса Мудрых, и Илэйн узнала Беровин – коренастую невысокую женщину, которая обычно выказывала куда больше гордости, чем позволяли ее способности в Силе. Но сейчас на лице Беровин отражался испуг, глаза бегали; Связующий круг, едва ли не в полном составе, настойчиво в чем-то убеждал собравшихся. Чуть подальше Найнив с Алис пытались загнать другую ватагу внутрь какой-то постройки. Именно пытались – ничего иного пока не получалось.

– ...не волнует, *сколько* там у тебя поместий! – орала Найнив на женщину с гордой осанкой, в светло-зеленых шелках. – Заходи и сиди там! И посмей только высунуться, я тебя живо пинками обратно загоню!

Алис же попросту ухватила женщину в зеленом за шкурку и втокнула в дверь. Раздался громкий крик, будто наступили на огромного гуся, и Алис появилась вновь, отряхивая ладони. С остальными особых хлопот не было.

Вандене отпустила девушек и пристально их оглядела. Ее по-прежнему окружало свечение, но, должно быть, общие потоки фокусировала Аделис. Вандене могла бы удерживать щит, даже не видя его, раз он уже сплетен, но будь так, за дверь девушек вывела бы, скорее всего, уже Аделис. Вандене без опаски могла отойти на несколько сотен шагов, прежде чем сказало бы расстояние. И то бы их связь всего лишь ослабла, она не оборвется, даже окажись Вандене с Аделис на противоположных концах света.

Казалось, Вандене мысленно подбирает слова.

– Я всегда полагала, что лучше подобными делами заниматься женщинам опытным, – наконец заметила она. – Молодым легко ударяет в голову кровь. Они могут хватить через край. Или же иногда понимают, что не в силах сделать большего. Потому что они еще мало видели в жизни. Хуже всего, они ощущают... вкус к этому. Нет, я не считаю, что кому-то из вас присущ такой недостаток. – Она кинула на Авиенду оценивающий взгляд; та поспешно спрятала нож обратно в ножны. – Мы с Аделис видели достаточно и знаем, почему должны сделать то, что нужно, а от вспыльчивости мы давным-давно избавились. Пожалуй, вам лучше поручить Испан нашим заботам.

Кивнув, Вандене повернулась к двери. Кажется, она полагала, что ее рекомендация уже принята.

Едва она скрылась за дверью, как Илэйн ощутила действие Силы: плетение должно было закрыть комнату изнутри. Несомненно, малый страж, ограждающий от подслушивания. Ничье случайное ухо не должно уловить ни единого слова Испан. Затем девушке в голову пришло и другое соображение, и тишина внутри стала куда более зловещей, чем любые крики, которые мог заглушить малый страж.

Илэйн нахлобучила шляпу на голову. Жары она не ощущала, но от солнечного света ей вдруг стало дурно.

– Может, поможешь мне? Надо разобраться с теми корзинами, на выючных лошадях, – с придыханием сказала Илэйн.

Она не отдавала никаких приказов, но, судя по всему, это ничего не меняло. Авиенда кивнула с удивительной торопливостью, – кажется, ей тоже хотелось оказаться подальше от жуткой тишины.

Неподалеку от того места, где слуги оставили выючных лошадей, в ожидании стояли Ищущие Ветер, они нетерпеливо поглядывали вокруг, надменно сложив руки на груди, во всем подражая Ренейле. К ним подошла Алис. С первого взгляда она признала в Ренейле старшую. Илэйн и Авиенду Алис словно не заметила.

– Идемте со мной, – сказала она не терпящим возражений тоном. – Айз Седай сказали, что вы не прочь укрыться от солнца. – В словах «Айз Седай» не было ни трепета, ни благоговения, только горечь. Ренейле замерла, ее смуглое лицо потемнело, но Алис продолжала: – По мне, вы, дички, можете, если хотите, сидеть на солнцепеке. Если, конечно, вы еще *способны* сидеть. – (Никого из Ата'ан Миэйр еще не Исцеляли от натертых седлом ссадин; они стояли с таким видом, будто хотели забыть, что ниже пояса у них что-то есть.) – Только ждать меня не заставляйте.

– Да ты знаешь, кто я? – сдерживая гнев, спросила Ренейле, но Алис, не оглянувшись, уже двинулась прочь.

На лице Ренейле отразилась внутренняя борьба, потом она смахнула тыльной стороной ладони пот со лба и раздраженно велела остальным Ищущим Ветер оставить «сушей проклятых» лошадей и следовать за ней. Прихрамывающая цепочка потянулась к дому, причем все, кроме двух учениц, что-то бурчали себе под нос – включая и саму Алис.

Невольно Илэйн начала прикидывать, как Исцелить болячки Ата'ан Миэйр так, чтоб им не пришлось о том просить. И чтобы помощь не пришлось слишком усердно навязывать. К своему удивлению, Илэйн вдруг поймала себя на мысли, что впервые в жизни ей не хочется ничего улаживать. Глядя на то, как Ишущие Ветер ковыляют к одному из домов, девушка решила, что дела и так идут прекрасно. Авиенда же, провожая взглядом Ата'ан Миэйр, не скрывала широкой ухмылки. Илэйн стерла улыбку со своего лица и повернулась к лошадям. Так или иначе, Ата'ан Миэйр это заслужили. Но от улыбки было трудно удержаться.

С помощью Авиенды разбор трофеев пошел куда быстрее, хотя Авиенда и не сразу наловчилась определять, что же они ищут. Да и неудивительно. Немногие сестры выказали в этом деле умения больше, чем сама Илэйн, большинство же ей и в подметки не годились. Но две пары рук сноровистее одной, а дел-то неспорно.

Ливрейные конюхи и служанки уносили прочь всякий хлам, а на большом камне, служившем крышкой для прямоугольного бака для воды, понемногу росла кучка тер'ангриалов.

Очень быстро четыре лошади избавились от своего груза, а девушки собрали такую коллекцию, которая в Башне – пусть даже там некому изучать тер'ангриалы – вызвала бы всеобщую радость. Всех мыслимых форм – чаши, кубки, вазы; любых размеров и любого материала. В плоской, источенной червями и едва не разваливающейся шкатулке, обивка которой давным-давно рассыпалась в прах, хранились украшения – ожерелье и браслеты, усаженные камнями, тонкий, усыпанный самоцветами пояс, несколько колец. И еще оставались отделения для других. Каждое украшение было тер'ангриалом, и они явно составляли комплект. Однако Илэйн не могла представить, чтобы какой-нибудь женщине вздумалось надеть на себя столько драгоценностей разом. Авиенда отыскала кинжал, рукоять из грубо обработанного оленьего рога плотно обвивала золотая проволока; клинок был тусклый, – по всей видимости, его таким и выковали. Айилка вертела кинжал в руках – пальцы ее и в самом деле начали подрагивать, – пока Илэйн не отобрала у нее клинок и не сунула в кучу добычи на каменной крышке. И все равно Авиенда несколько минут стояла, глядя на кинжал и облизывая губы. Отыскались также кольца, перстни, серьги, ожерелья, браслеты и пряжки, многие очень необычного вида, с причудливыми узорами. Статуэтки и фигурки птиц, животных и людей, несколько ножей с по-прежнему острыми лезвиями, полдюжины крупных медальонов из бронзы и стали, на многих – диковинный узор; пара необычных шляп, по всей видимости сработанных из металла, слишком хилых и вычурных для боевых шлемов; и еще уйма всего, чему и названий было не подобрать. Жезл, вроде как из твердого камня, толщиной в запястье, ярко-красный, гладкий и закругленный с концов; он не просто слегка потеплел в руке, он будто стал горячим! Не по-настоящему горячим, но словно нагрелся! Уму непостижимо! А что сказать о наборе металлических шариков, вставленных один в другой? При каждом движении раздавался слабый перезвон, каждый раз звук был иной, и в каждом шарике, казалось, таился другой, меньший, и так до бесконечности. А стеклянная штучка наподобие головоломки, какие куют кузнецы? Она оказалась неожиданно тяжелой, Илэйн выронила ее, и эта стекляшка отбила уголок каменной крышки. Любая Айз Седай забудет покой и сон при виде таких сокровищ!

Что важнее – помимо тер'ангриалов, девушки обнаружили еще два ангриала. Эти Илэйн осторожно отложила в сторонку.

Один представлял собой странное украшение: золотой браслет, соединенный четырьмя плоскими цепочками с кольцами, все сплошь покрыты причудливым, замысловатым узором. Этот ангриал превосходил по своим возможностям черепашку, лежавшую в кошеле Илэйн. Предназначался он для руки поменьше, чем у Илэйн или у Авиенды. Как ни странно, но браслет имел крохотный замочек, а с тоненькой цепочки свисал миниатюрный ключик. При чем цепочка явно сделана так, чтобы ее можно было снять. Вместе с ключиком! Второй ангриал – фигурка сидящей женщины из потемневшей от возраста поделочной кости. Женщина сидела, подтянув согнутые ноги, колени обнажены, на плечи и спину ниспадают длин-

ные густые волосы, обнимающие фигуру, точно плащ. По своим возможностям этот ангриал уступал черепашке, но Илэйн фигурка очень понравилась. Одна рука женщины лежала на колене ладонью вверх, большой палец касался кончиков среднего и безымянного, а вторая рука была поднята, указательный и средний палец вытянуты, другие – согнуты. От фигурки исходило ощущение торжества, искусно вырезанное лицо выражало радость и удовольствие. Может, фигурку создавали для какой-то определенной женщины? Эта вещь казалась очень личной. Возможно, в Эпоху легенд и не такое творили... Чтобы сдвинуть с места некоторые тер'ангриалы, требовались лошади – или Сила, – но большинство ангриалов были маленькими – из тех, что носятся при себе.

Девушки снимали парусиновые покрывала с очередной партии плетеных корзин, когда появилась широко шагавшая Найнив. Из дома, одна за другой, начали выходить Ата'ан Миэйр, ни одна больше не хромала. Мерилилль разговаривала с Ренейле, или, вернее, Ищущая Ветер говорила, а Мерилилль слушала. Илэйн терялась в догадках, что же там случилось. Серая сестра утратила свой прежний самодовольный вид. Группка Родни стала больше, но Илэйн, подняв голову, заметила к тому же, что еще три женщины нерешительно заглядывают во двор фермы, а две неуверенно посматривают из-под оливковых деревьев. Девушка чувствовала, что где-то там – Бергитте, по-прежнему недовольная всем происходящим.

Найнив окинула взглядом разложенные тер'ангриалы и дернула себя за косу. Шляпу она где-то потеряла.

– С этим можно обождать, – раздраженно сказала она. – Пора.



Глава 5

Разразившаяся гроза



Ко времени, когда они взобрались по истоптанной, вьющейся змейкой тропке на вершину холма, солнце уже перевалило за полдень. Место выбирала Ренейле, и не просто так, а преследуя определенную цель, судя по тому, что Илэйн знала об управлении погодой, а узнала она обо всем у Ищущих Ветер. Чтобы работать с Силой на больших расстояниях, необходим широкий обзор, иными словами, нужно далеко *видеть*, а в океане это намного проще, чем на суше. На земле требуется встать на гору или взобраться на вершину холма. Кроме того, необходимо немалое умение во владении Силой, чтобы ненароком не вызвать проливной дождь, смерч или один Свет знает что еще. Эффект от любого воздействия будет походить на круги по воде, расходящиеся от брошенного в пруд камня. И Илэйн не имела ни малейшего желания возглавить круг, который пустит в ход Чашу Ветров.

На вершине холма, возвышавшегося над фермой по меньшей мере шагов на пятьдесят, не росли кусты, она представляла собой плоское, пускай и весьма неровное, каменистое плато. Здесь хватало места для всех – и для тех, кто нужен, и, строго говоря, для некоторых, кто и вовсе тут не надобен. Отсюда открывался обзор на мили и мили вокруг – фермы, пастбища, леса и оливковые рощицы, похожие на зеленые заплатки. Но среди зеленого лоскутного одеяла виднелось слишком много бурых и желтых пятен, вызывавших о необходимости того, что собирались совершить женщины на холме. Но красота пейзажа все равно ошеломила Илэйн. Несмотря на пыль, туманной дымкой висевшую в воздухе, перед ней раскинулся такой вид!.. Среди довольно ровной местности кое-где возвышались холмы. Эбу Дар лежал за горизонтом, к югу отсюда, невидимый для Илэйн, даже если она и обнимет Источник; однако казалось – зачерпни еще чуть-чуть, и она сумеет его разглядеть. И, приложив небольшое усилие, почти наверняка можно увидеть реку Элдар. Да, вид чудесный – но никого не заинтересовавший.

– Целый час потеряли, – пробурчала Найнив, сердито косясь на Ренейле и на всех остальных. Похоже, если рядом нет Лана, она не держит свой нрав в строгой узде. – Почти час! А то и больше. Потеряли без толку. По-моему, Алис способна со всем справиться, но, можно подумать, Реанне *знала*, кто тут был! О Свет! Если эта глупая женщина вздумает опять упасть в обморок!..

Илэйн надеялась, что Найнив вытерпит. Иначе не миновать бури.

Реанне старалась придать лицу радостное, приветливое выражение, но пальцы ее нервно теребили юбки, ни на миг не замирая. Кирстиан просто сцепила руки и обливалась потом, а

вид у нее был такой, будто ее вот-вот стошнит; всякий раз, когда кто-нибудь бросал на нее взор, она вздрагивала. Третья из Родни, Гарения, была купчихой из Салдэи – невысокая женщина, статная, с длинным носом и широким ртом, с виду не намного старше Найнив; она была сильнее двух других. На ее бледном лице блестели жирные пятна, темные глаза, когда она посматривала на Айз Седай, испуганно расширялись. Илэйн подумала, что скоро узнает, могут ли глаза у кого-нибудь и в самом деле вылезти из орбит. Хорошо хоть стонать Гарения перестала, а то стенания длились всю дорогу до вершины холма.

Вообще-то, были еще две, обладавшие, вероятно, достаточным уровнем способностей – Родня не придавала этому обстоятельству особого внимания, – однако последняя из них ушла с фермы три дня назад. Больше не нашлось никого с нужным уровнем Силы. Потому-то Найнив и злилась. Имелась и другая причина. Одной из первых нашли именно Гарению – она лежала без сознания во дворе фермы. Потом, когда ее привели в чувство, она еще дважды валилась в обморок, едва ее взгляд падал на кого-то из сестер. Разумеется, Найнив оставалась Найнив, она не желала признавать, что есть очень простой выход – взять и расспросить Алис, которая осталась на ферме. Найнив не допускала мысли, что кто-либо, за исключением ее самой, знает всю подноготную происходящего...

– Мы бы уже давно всё закончили! – ворчала Найнив. – Мы бы уже!..

Она изо всех сил сдерживалась, чтобы не бросать хмурых взглядов на женщин Морского народа, собравшихся на восточном краю плато. Похоже, Ренейле, выразительно жестикулируя, отдавала какие-то распоряжения. Илэйн многое бы дала, чтобы их услышать.

Найнив не забывала сердито коситься и на Мерилилль с Кареане и Сарейтой, по-прежнему бдительно оберегавших завернутую в белый шелк Чашу. Аделис и Вандене, занятые Испан, остались внизу. Три сестры болтали между собой, не обращая внимания на Найнив, если только она не обращалась к ним, но Мерилилль порой поворачивалась к Ищущим Ветер – чтобы резко отвернуться; маска безмятежности на миг таяла, Мерилилль кончиком языка проводила по губам.

Неужели, проводя Исцеление, она допустила какую-то ошибку? Мерилилль заключала договоры между государствами, посредничала в спорах – в искусстве переговоров мало кто из Башни мог превзойти ее. Но Илэйн помнила, что слышала однажды историю, из разряда шуточных, о доманийской купчихе, Господине Трюмов из Морского народа и об Айз Седай. Очень немногие осмеливались шутить об Айз Седай; за такой рассказ можно было получить по шее. Купчиха и Господин Трюмов нашли на берегу заурядный камень и принялись перепродавать его друг другу, и всякий раз – с прибытком. Мимо шла Айз Седай. Доманийка уговорила Айз Седай купить простой камешек вдвое дороже, чем заплатила сама. После этого Ата'ан Миэйр убедил Айз Седай купить *тот же самый* камень вдвое дороже. Всего лишь шутка, эта история ясно показывала, во что верят люди. Кто знает, может, и сестры постарше не сумели бы выторговать у Морского народа сделку повыгоднее.

Взойдя на вершину, Авиенда широким шагом подошла к краю обрыва и застыла, будто статуя, устремив взор на север. Через мгновение Илэйн сообразила, что айилка вовсе не любуетесь видом; Авиенда просто смотрит. Подобрав юбки, что было не слишком-то удобно с тремя ангриалами в руке, она присоединилась к подруге.

Скала отвесным обрывом в пятьдесят футов нависала над оливковыми рощами – уходил вниз иззубренный серый камень, лишь кое-где за голые уступы цеплялись чахлые кустики. Представший глазам пейзаж не внушал тревоги, но это все-таки не то же самое, что смотреть с дерева на землю. Как ни странно, глядя вниз, Илэйн ощутила легкое головокружение. Авиенду же, по-видимому, ничуть не беспокоило, что она стоит на самой кромке обрыва.

– Тебя что-то тревожит? – тихонько спросила Илэйн.

Авиенда по-прежнему смотрела вдаль.

– Я подвела тебя, – в конце концов ответила она безжизненным, опустошенным голосом. – Я не сумела должным образом сформировать переходные врата, и все видели, как я опозорила тебя. Я решила, что слуга – один из тварей Тени, и вела себя глупо, даже еще хуже. На меня Ата’ан Миэйр не обратили внимания, они смотрели на Айз Седай, будто я – собака у ноги Айз Седай, твякающая по приказу. Я заявила, что заставлю прислужницу Тени отвечать на твои вопросы, но Фар Дарайз Май не дозволено допрашивать пленников, пока она не будет повенчана с копьём по меньшей мере лет двадцать. Да и смотреть на допрос ей разрешают лишь тогда, когда она носит копьё десять лет. Я слаба и мягка, Илэйн. Я не вынесу, если снова опозорю тебя. Если я подведу тебя, я умру.

У Илэйн враз пересохло во рту. Слова подруги слишком смахивали на обещание. Крепко взяв Авиенду за руку, она оттащила ее от обрыва. Айильцы порой и вправду такие странные, как о них думают в Морском народе. Не то чтобы Илэйн полагала, будто Авиенда спрыгнет – это, конечно, вряд ли, – но решила и возможности такой не допускать. Хорошо хоть Авиенда не сопротивлялась.

Остальные, по всей видимости, были заняты либо друг другом, либо сами собой. Найнив начала разговор с Ата’ан Миэйр, обеими руками вцепившись в косу, лицо ее потемнело от сдерживаемых эмоций, а слушали ее с презрительной надменностью. Мерилилль и Сарейта по-прежнему оберегали Чашу, но Кареане пыталась без особого успеха разговорить Родню. Реанне отвечала, пусть и неуверенно, моргая и облизывая губы, Кирстиан молча дрожала, а Гарения плотно зажмурила глаза. Илэйн все равно понизила голос – то, что она хотела сказать, других нисколько не касалось.

– Авиенда, ты никого не подводила, и меньше всего меня. Что бы ты ни сделала, ты *никогда* не опозоришь меня. – (Авиенда недоверчиво заморгала.) – И ты слаба и мягка, как слаб и мягок камень. – Комплимента необычной она никому никогда не говорила, но вид у Авиенды и в самом деле был польщенный. – Готова поспорить, ты до полусмерти запугала Морской народ. – Еще одна престранная похвала; Авиенда улыбнулась, пусть и снисходительно. Илэйн сделала глубокий вдох. – А что до Испан... – Об этом даже думать не хотелось. – Я тоже считала, что смогу сделать все необходимое, но при одной мысли о допросе у меня взмокли ладони и в желудке все перевернулось. Мне бы прямо там худо стало. Так что нам обеим есть о чем подумать.

Авиенда сделала жест, который на языке жестов Дев Копья означал «ты напугала меня», – кое-чему она начала учить Илэйн, хотя и говорила, что это запрещено. По-видимому, здесь сыграло роль то, что они были почти сестрами. Хотя, в общем-то, это почти ничего не изменило. Кажется, Авиенда считала свои объяснения совершенно ясными.

– Я не имела в виду, что не смогу, – вслух сказала она, – а только, что не знаю как. Вероятно, я бы только напрасно убила ее. – Внезапно она улыбнулась, куда шире и теплее, чем прежде, и легко коснулась щеки Илэйн. – У нас обеих есть слабые стороны, – прошептала она, – но пока об этом знаем лишь мы двое, стыдиться нечего.

– Да, – слабым голосом произнесла Илэйн. Она просто не знала *как!* – Конечно. – В этой женщине таится столько сюрпризов, куда там менестрелю. – Вот, – сказала она, вкладывая в руку Авиенды фигурку женщины с распущенными волосами. – Воспользуйся этим в кругу. – Ей нелегко далось расставание с ангриалом. Она намеревалась сама им воспользоваться, но нужно как-то подбодрить подругу – почти сестру. Авиенда повертела в руках маленькую костяную фигурку – Илэйн словно воочию увидела, как в голове подруги шевелится мысль, как бы половчее отказаться от подарка. – Авиенда, тебе известно, что это означает – зачерпнуть столько саидар, сколько тебе под силу? Подумай, каково будет, если ты сумеешь ухватить вдвое больше? Только *представь*. Воспользуйся им, пожалуйста. Хорошо?

Возможно, по лицам айильцев трудно понять, о чем они думают, но зеленые глаза Авиенды расширились. Они с Илэйн не раз говорили об ангриалах, обсуждали ход поисков, но она, видимо, никогда по-настоящему не задумывалась, что значит воспользоваться одним из них.

– Вдвое больше, – пробормотала она. – И зачерпнуть сразу все, разом. С трудом себе это представляю. Илэйн, это очень ценный дар.

Она вновь коснулась щеки Илэйн, слегка прижав к ней кончики пальцев, – это по-айильски означало поцелуй или крепкое объятие.

Что бы Найнив ни говорила Морскому народу, много времени это не отняло. Она отошла от Ищущих Ветер, яростно теребя юбки. Приблизившись к Илэйн, она хмуро воззрилась и на Авиенду, и на край обрыва. Обычно она заявляла, что высоты не боится, но от обрыва держалась подальше.

– Мне нужно поговорить с тобой, – тихо пробормотала Найнив, отводя Илэйн в сторонку – подальше от обрыва и так, чтобы никто не мог их услышать.

Найнив несколько раз глубоко вздохнула, прежде чем начать, и, не глядя на Илэйн, приглушенным голосом заговорила:

– Я... вела себя как дура последняя. Это он во всем виноват! Проклятие! Когда его нет рядом, я больше ни о чем думать не могу, а когда рядом, вообще ни о чем не думаю! Ты... ты обязательно скажи мне, когда я... когда я буду поступать по-дурацки, Илэйн. – Голос ее по-прежнему был тихим, но она все равно что вопила. – Мне нельзя терять головы из-за мужчины! Только не теперь!

Илэйн была настолько потрясена, что на миг лишилась дара речи. Чтобы Найнив да признала себя душой? Илэйн посмотрела на солнце – уж не стало ли оно зеленым?

– Лан тут ни при чем, Найнив, и ты это знаешь не хуже моего, – наконец вымолвила она. И загнала подальше собственные недавние мысли о Ранде. Ну, это не одно и то же. Представившаяся возможность была подарком Света. Завтра того и гляди Найнив попытается надрать ей уши, заикнись она, что Найнив поступила глупо. – Держи себя в руках, Найнив. Хватит вести себя точно ветреная девчонка. – Нет, никаких мыслей о Ранде! *Она-то* не станет *так* сохнуть по нему! – Ты же Айз Седай и вроде как старшая среди нас. Старшая! Так что думай сперва!

Сложив руки на поясе, Найнив и вправду повесила голову.

– Я постараюсь, – промямлила она. – Честно, я буду стараться. Но ты ведь не знаешь, как мне приходится. И... извини меня.

Илэйн чуть язык не проглотила. Найнив, в довершение всего, еще и *извиняется*? Найнив *смищена*? Наверное, она заболела.

Впрочем, все продлилось недолго. Вдруг, хмуро посмотрев на ангриал, Найнив откашлялась.

– Ты дала один Авиенде? – оживленно спросила она. – Ну, думаю, с ней все хорошо. Жаль, что другой мы дадим Морскому народу. Готова поспорить, они уж постараются его зажать. Ладно, пусть хоть попробуют! Который мой?

Вздохнув, Илэйн протянула ей браслет с колечками, и Найнив отошла, неловко надевая украшение на левую руку и громко приглашая всех занять свои места. Иногда трудно было понять, когда Найнив ведет за собой, а когда тычками гонит вперед. По крайней мере, пока именно она *ведет*.

В центре холма на развернутые белые покровы установили Чашу Ветров – тяжелый, неглубокий, похожий на блюдо диск из прозрачного хрусталя двух футов в поперечнике; на диске виднелись изображения плотных кучевых облаков. Красивая и в то же время простая вещь, а если задуматься, что она способна сделать? Чего они надеялись добиться с ее помощью? Найнив встала рядом с Чашей, со щелчком застегнув ангриал на запястье. Она пошевелила пальцами, удивленно глядя на руку, – цепочки вроде ничуть не мешали; украшение будто было сделано по мерке. Три женщины из Родни уже стояли поблизости, Кирстиан и Гарения

держались за спиной Реанне и казались напуганными пуще прежнего, хотя и до того чуть ли не дрожали от испуга. Ищущие Ветер по-прежнему стояли рядом позади Ренейле, шагах в двадцати в стороне.

Подхватив свои юбки, Илэйн вместе с Авиендой подошла к Чаше и с подозрением покосилась на Морской народ. Они-то что затеяли? Именно этого она и опасалась, с того самого момента, когда впервые услышала о женщинах на ферме, которые якобы достаточно сильны, чтобы войти в соединение. Ата'ан Миэйр, непреклонные поборники всяких рангов, в этом отношении могли бы затмить Белую Башню, и присутствие Гарении могло привести к тому, что Ренейле дин Калон Голубая Звезда, Ищущая Ветер для Госпожи Кораблей Ата'ан Миэйр, не пожелает войти в круг. Может отказаться.

Ренейле нахмурилась, пристально оглядела женщин у Чаши. Казалось, она оценивает их, взвешивает их возможности.

– Талаан дин Гелин, – вдруг отрывисто бросила она, – займи свое место!

Чуть ли не кнутом шелкнула! Даже Найнив вздрогнула.

Талаан низко поклонилась, коснувшись сердца, потом подбежала к Чаше. Как только она сорвалась с места, Ренейле вновь приказала, как топором рубанула:

– Метарра дин Джуналле, встань на место!

Метарра, пухленькая, но крепкая девушка, поспешила следом за Талаан. Обе ученицы были слишком молоды и еще не заслужили «просоленное морем имя» – как это называли у Морского народа.

Начав, Ренейле споро сыпала именами, отослала Райнин и еще двух Ищущих Ветер, все двигались быстро, но не так торопливо, как ученицы. Судя по числу медальонов, Найме и Рисаль по положению стояли выше Райнин – уверенные в себе женщины, но заметно слабее. Потом Ренейле помедлила; впрочем, лишь на миг, затем опять продолжила быстрое перечисление:

– Тебрейлле дин Гелин Южный Ветер, займи место! Кайре дин Гелин Бегущая Волна, будешь старшей!

Оттого что Ренейле не назвала себя, Илэйн испытала облегчение, но всего лишь на миг. Тебрейлле и Кайре переглянулись, Тебрейлле – мрачно, а Кайре – самодовольно, а потом двинулись к Чаше. Восемь сережек и множество медальончиков указывали на их ранг – Ищущие Ветер при Госпожах Волн кланов, выше их по положению – только Ренейле; а из женщин Морского народа на холме ровней им была лишь Дорайл. Даже без имен было ясно, что они родные сестры, из них Кайре, облаченная в желтый, шитый золотом шелк, была немного выше ростом, а Тебрейлле, в расшитых зеленых шелках, отличала какая-то строгость в лице. Обе были красивы, с большими, почти черными глазами, с одинаковыми прямыми носами и твердыми подбородками. Кайре молча указала на место справа от себя; Тебрейлле, не проронив ни слова, не мешкая встала, куда указала сестра, лицо ее будто окаменело. Вместе с нею Чашу Ветров чуть ли не плечом к плечу окружило тринадцать женщин. Глаза Кайре сверкали. У Тебрейлле взгляд был тяжелее свинца. Илэйн припомнила одну из поговорок Лини: «Нет ножа острее, чем ненависть сестры».

Кайре обвела взглядом круг женщин – еще не подлинный круг – возле Чаши, словно бы пыталась запечатлеть в памяти лицо каждой. Или, быть может, запечатлеть в их памяти свое серьезное лицо. Выбросив из головы посторонние мысли, Илэйн торопливо протянула Талаан последний ангриал – маленькую черепашку – и начала объяснять, как им пользоваться. Объяснения были просты, но любой, кто попытался бы воспользоваться ангриалом, не зная, блуждал бы в потемках несколько часов. Ей же едва дали полдесятка слов сказать.

– Тихо! – вскричала Кайре. Она была сама власть, от татуированных кулаков, упертых в бедра, до голых, уверенно расставленных ног, она будто бы стояла на мостике корабля, идущего в битву. – Без моего разрешения никто рта не раскрывает. Талаан, по возвращении на

корабль сообщишь о своем проступке. – По тону Кайре и не догадаешься, что обращается она к собственной дочери. Талаан низко поклонилась, коснувшись сердца, и что-то неслышно пробормотала. Кайре надменно хмыкнула и окинула Илэйн таким взглядом, будто жалела, что той некому сообщить о своем проступке. Потом она продолжила голосом, который, верно, был слышен и у подножия холма: – Сегодня мы совершим то, чего не делали со времен Разлома Мира, когда наши предки противостояли ветрам и волнам, впавшим в безумие. С помощью Чаши Ветров и благодаря милости Света они выжили. Сегодня мы воспользуемся Чашей Ветров, утраченной свыше двух тысяч лет назад и обретенной вновь. Я изучала древние сказания, изучала летописи тех дней, когда наши прапращуны впервые познали море и Плетение Ветров, а соль впиталась в нашу кровь. И о Чаше Ветров я знаю больше кого бы то ни было. – Она коротко глянула на сестру – та как будто не пожелала заметить ее довольного взгляда, что вроде бы доставило Кайре еще большее удовольствие. – То, что не могут сделать Айз Седай, я, если это будет угодно Свету, свершу сегодня. От вас, здесь стоящих, я ожидаю, что вы будете со мной до конца. Неудачи я не приму.

Все прочие Ата'ан Миэйр, казалось, восприняли ее речь как должное, чего не скажешь о Родне – те взирали на Кайре с раскрытыми от изумления ртами. По мнению Илэйн, амбиции тут били через край; очевидно, что Кайре всецело полагала, что так будет угодно Свету и что *она* окажется очень огорчена, коли это будет не так! Найнив возвела очи горе и открыла было рот. Кайре опередила ее.

– Найнив, – громко объявила Ищущая Ветер, – покажи нам свое умение в соединении. Давай, женщина, да побыстрее!

Вместо ответа Найнив крепко зажмурилась. Губы ее... кривились. Со стороны казалось, будто она сейчас лопнет от гнева.

– Будем считать, что мне *разрешили* говорить! – проворчала она.

К счастью, слишком тихо; Кайре, стоявшая напротив, не услышала. Открыв глаза, Найнив натянула на лицо улыбку, которая на разъяренном лице выглядела ужасно. Ее будто схватило несварение желудка – и еще с полдюжины всяких хворей в придачу.

– Самое первое, Кайре, надо обнять Истинный Источник. – Вокруг Найнив вдруг вспыхнуло сияние саидар. Насколько Илэйн могла судить, Найнив воспользовалась ангриалом у себя на руке. – Полагаю, вам, конечно, известно, как это делается. – Игнорируя поджатые губы Кайре, она продолжила: – Теперь Илэйн поможет мне в *показе*. Будет ли нам позволено?

Илэйн, пока не взорвалась Кайре, быстро вклинилась:

– Я приготовилась обнять Источник, но еще не обняла его. – Она открылась Источнику, и Ищущие Ветер подались вперед, всматриваясь, хотя пока еще мало что могли увидеть. Даже Кирстиан и Гарения заинтересовались, позабыв о своих страхах. – Пока я на этой ступени, остальное зависит от Найнив.

– Теперь я буду тянуться к ней... – Найнив помолчала, глядя на Талаан. У Илэйн и возможности не было, вообще-то, хоть что-то ей объяснить. – Во многом похоже на работу с ангриалом. – (Кайре заворчала, и Талаан попыталась посмотреть за Найнив, опустив в то же время голову.) – Ты открываешься Источнику *через* ангриал, а я буду тянуться через Илэйн. Как будто вы хотите обнять разом и ангриал, и Источник. Вообще-то, это не очень сложно. Смотрите, и все будет понятно. Когда пора будет соединяться в круг, просто потянитесь изо всех сил. Таким образом, когда я обнимаю Источник через вас, то обнимаю его и через ангриал.

От напряжения на лбу у Илэйн выступили капельки пота. Истинный Источник манил к себе; он дрожал, и она дрожала с ним вместе. Чем дольше она оставалась на грани прикосновения к Силе, тем сильнее желание, тем больше эта жажда. Илэйн крепилась, ее била мелкая дрожь. Вандене говорила, что чем дольше направляешь Силу, тем острее чувство предвкушения...

– Следи за Авиендой, – говорила Найнив Талаан. – Она знает, как... – Она заметила выражение лица Илэйн и быстро договорила: – Вот, смотрите!

Это не очень-то напоминало использование ангриала, но по сути было верно. Да и особой спешки не требовало, а Найнив и без того нежностью не отличалась. Илэйн почувствовала, как ее будто встряхнули; физически ничего не произошло, но в голове у нее все запрыгало. Хуже того, ее подтолкнуло к объятию саидар с мучительной медлительностью. Все заняло меньше мгновения, а словно растянулось на часы, если не на дни. Ей хотелось взвыть, но она даже шептать не могла. И вдруг будто плотину прорвало, и Единая Сила хлынула через нее благим потоком жизни и радости. Из груди Илэйн вырвался долгий вздох облегчения, столь всепобеждающего, что у нее подогнулись колени. Она едва удержалась, чтобы не всхлипнуть. Дрожа, она выпрямилась и строго посмотрела на Найнив, та виновато пожала плечами. Дважды в день! Нет, должно быть, солнце и впрямь позеленело.

– Теперь я контролирую поток саидар Илэйн, так же как и свой, – продолжала Найнив, стараясь не встречаться взглядом с подругой, – и буду контролировать, пока не отпущу ее. Не бойтесь, кто бы ни возглавлял круг, – она кинула хмурый взор на Кайре и фыркнула, – она не зачерпнет слишком много. Это и вправду похоже на ангриал. Он оберегает вас от излишней Силы, и круг тоже убережет. На самом деле в круге вы попросту не сумеете зачерпнуть столько, чтобы...

– Это опасно! – перебила Ренейле, протиснувшись между Кайре и Тебрейлле. Она угрюмо взидала на Найнив, Илэйн, а заодно и на прочих сестер, стоявших в стороне от круга. – Ты говоришь, одна женщина может захватить другую, удерживать ее, использовать? Давно ли это известно Айз Седай? Предостерегаю тебя, если ты попытаешься так поступить с одной из нас...

На сей раз перебили ее.

– Все иначе, Ренейле. – Сарейта коснулась Гарении, и та вместе с Кирстиан отскочили в сторону. Молодая Коричневая сестра неуверенно глянула на Найнив, потом, сложив руки, заговорила наставительным тоном, будто читала лекцию ученицам. И вместе с менторским тоном пришла и уверенность в себе; наверное, она и впрямь полагала Ренейле своей ученицей. – Много лет Башня изучала это явление, еще задолго до Троллоковых войн. Я перечитала каждую страницу записей о тех исследованиях, все, что уцелело в библиотеке Башни. Было убедительно доказано, что ни одна из женщин не может вовлечь другую в соединение против воли. Этого просто нельзя сделать – ничего не произойдет. Готовность поддаться необходима, как и при обращении к саидар.

Говорила она убежденно, но Ренейле продолжала хмуриться – слишком многим было ведомо, как ловко Айз Седай обходят клятву, не позволяющую лгать.

– А зачем сестры изучали все это? – спросила Ренейле. – С какой стати Белой Башне интересоваться подобными вещами? И наверное, Айз Седай до сих пор такое изучают?

– Что за нелепости! – В голосе Сарейты проскользнуло раздражение. – Если хочешь знать, дело в мужчинах, способных направлять. Тогда еще жива была память о Разломе Мира. Думаю, об этом немногие сестры помнят – задолго до Троллоковых войн эта часть истории уже не считалась обязательной для изучения. В круг вводили и мужчин, и он не рвался, даже если кто-то засыпал... Ну, плюсы и так понятны. К несчастью, кончилось все весьма печально. Повторяю – невозможно силой заставить женщину войти в круг. Если сомневаешься, попробуй сама – и увидишь.

Ренейле кивнула, наконец-то соглашаясь с доводами; трудно поступить иначе, когда Айз Седай просто утверждает какой-то факт. Тем не менее Илэйн удивилась. Что же было записано на тех страницах, которые *не* уцелели? Должно быть, недаром Сарейта слегка замялась. Но с вопросами – попозже, когда вокруг будет поменьше ушей.

Когда Ренейле и Сарейта отошли, Найнив резким движением расправила юбки, явно недовольная, что ее перебили, и вновь открыла рот.

– Продолжай показ, Найнив, – хриплым голосом распорядилась Кайре. Ее темное лицо напоминало замерзший пруд.

Найнив подвигала челюстью и только потом заговорила. Речь свою она продолжала торопливо, словно боялась, что ее опять перебьют.

Следующая часть урока была посвящена передаче контроля над кругом. Тут снова требовалась добрая воля участниц, поэтому Илэйн, потянувшись к Найнив, затаила дыхание, пока не ощутила малый сдвиг, означавший, что теперь она управляет своим потоком Силы. И разумеется, тем потоком, что шел через Найнив. Сама Илэйн не была уверена, что получится: Найнив могла сформировать круг с легкостью, если не с изяществом, но передача главной роли требовала некой уступки. А Найнив испытывала значительные трудности, отказываясь от контроля при вовлечении в круг, – точно так же ей некогда было трудно открыть для себя саидар. Вот потому-то с этого мгновения руководство кругом перешло к Илэйн. Ведь нужно передать круг Кайре, а у Найнив это дважды может и не получиться. Ей легче дважды извиниться.

Илэйн соединилась с Авиендой, тем самым показав Талаан, как использовать ангриал: насколько тут можно что-то увидеть. И все прошло замечательно; Авиенда указания схватывала на лету, и слияние протекало легко. Как выяснилось, Талаан тоже учится быстро; она без заминки влила свой усиленный ангриалом поток в общий. Одну за другой Илэйн включала в круг всех и сама едва ли не дрожала от устремившейся в нее полноводной реки Силы. Еще никто не зачерпнул столько, сколько сейчас могла зачерпнуть она, а если еще прибавить ангриал... С каждым мигмом чувства Илэйн становились острее и острее. Она ощущала густой аромат, доносящийся из золотых резных коробочек на шее у Ищущих Ветер, с легкостью отличала один запах от другого, видела каждую складку и морщинку на одеждах так ясно, словно уткнулась носом в ткань, чувствовала слабые токи воздуха у своей кожи, касания которых не уловила бы без Силы.

Разумеется, ее восприятию открылось не только это. Соединение в круг отчасти напоминало установление уз со Стражем, только более глубокое и в какой-то мере даже более интимное. Илэйн знала, что после подъема на холм Найнив натерла на правой ноге болезненную мозоль. Найнив вечно расхваливала хорошие крепкие туфли, а сама питала слабость к мягкой, без задников обуви, богато украшенной вышивкой. Найнив не отрывала хмурого взгляда от Кайре, ее руки были скрещены, а пальцы, окольцованные ангриалом, теребили переброшенную через правое плечо косу. Вся ее поза выражала уверенность, но внутри бушевал шквал эмоций. Страх, тревога, нетерпение, настороженность, раздражение, предчувствие наталкивались друг на друга, захлестывали, иногда исчезая под наплывом остальных; рябь тепла и жаркие волны угрожали взорваться пламенем. Найнив пока обуздывала эти эмоции, особенно жар, но они возвращались. Илэйн подумала было, что постигла их значение, но нет – то был некий проблеск, исчезнувший прежде, чем она успела его разглядеть.

Как ни странно, и Авиенда испытывала страх – малый, обузданный, не идущий ни в какое сравнение со страхом настоящим. Гарению и Кирстиан охватил едва ли не откровенный ужас; удивительно, как они вообще сумели обнять Источник. Реанне просто-таки переполняло желание познать, и не важно, что она нервно разглаживала юбки. А что до Ата'ан Миэйр... Даже Тебрейлле излучала тревожную настороженность, и без переглядки Метарры и Райнин было понятно – их фокусом была Кайре, которая властно и нетерпеливо наблюдала за всеми.

Ее-то Илэйн оставила напоследок. И для нее не стало неожиданностью, что понадобилось четыре попытки – четыре! – чтобы ввести женщину в круг. Кайре подчиняться любила не больше Найнив. Оставалось лишь надеяться, что Ренейле выбрала Кайре за ее способности, а не из-за высокого ранга.

– Теперь я передаю круг тебе, – сказала Илэйн Ищущей Ветер, когда наконец завершила начатое. – Если ты вспомнишь, что я делала с Най...

Слова будто застряли в горле, когда руководство кругом мгновенно отобрали. Ощущение было такое, точно внезапный порыв ветра махом содрал с нее всю одежду или же вырвал кости из тела. Илэйн разъяренно выдохнула; коли со стороны это смахивало на плевков, значит так оно и было.

– Хорошо, – заметила Кайре, потирая руки. – Хорошо.

Ее внимание сосредоточилось на Чаше, она рассматривала Чашу, склоняла голову то на один бок, то на другой. Впрочем, она не оставляла без внимания и происходящее вокруг. Реанне собралась было присесть, и Кайре, не поднимая головы, рявкнула:

– Стой на месте, женщина! Это тебе не рыбка на палочке! Стой, пока тебе не разрешат пошевелиться!

Вздрыгнув, Реанне вскочила, но для Кайре она словно перестала существовать. Ищущая Ветер впиалась глазами в приплюснутую хрустальную Чашу. Илэйн ощущала решимость, способную сдвинуть горы. И что-то еще, крошечное и быстро подавленное. Неуверенность. Неуверенность? Если после всех трудов вдруг окажется, что Кайре не знает, что делать...

В этот миг Кайре сделала глубокий вдох. Саидар хлынула сквозь Илэйн, и она едва сумела ее удержать; нерушимое кольцо слепяще-яркого света вспыхнуло перед глазами, соединив женщин в круг. Там, где использовали ангриал, сияние было ярче. Илэйн внимательно наблюдала, как направляет Силу Кайре: она формировала сложное плетение из всех Пяти Сил – четырехконечную звезду, которую потом наложила на Чашу с необыкновенной точностью, – в последнем Илэйн была почему-то уверена. Звезда коснулась Чаши, и Илэйн затаила дыхание. Некогда ей довелось направить чуточку Силы в Чашу – в *Tel'aran'riode*, и та Чаша была лишь отражением настоящей Чаши, но от этого поступок не стал менее опасным, – и тогда прозрачный кристалл подернулся светлой голубизной, и резные облака пришли в движение. Теперь же Чаша Ветров стала голубой, каким бывает чистое голубое летнее небо, и по ней побежали кудрявые белые облака.

Четырехконечная звезда стала пятиконечной, композиция плетения слегка изменилась, и Чаша превратилась в зеленоватое море с огромными вздымающимися валами. Пять лучей перешли в шесть, и небо сделалось иным, темнее, похожим на зимнее, с фиолетовыми облаками, набухшими дождями или снегопадами. Семь лучей, и серо-зеленое море забушевало штормом. Восемь – и небо. Девять – и море, и внезапно Илэйн ощутила, как сама Чаша потянула саидар неким бешеным водоворотом, куда более мощным потоком, с каким вряд ли сумел бы совладать весь круг.

Внутри Чаши море перетекало в небо, волны превращались в облака; тут из приплюснутого хрустального диска выстрелила вверх перекрученная, переплетенная колонна саидар. Огонь и Воздух, Вода и Земля, и Дух, колонна затейливого кружева шириной в Чашу взбиралась вверх и все выше, и вот ее верхушка исчезла из вида. Кайре продолжала сосредоточенно трудиться над своим плетением, пот струился по ее лицу. Она помедлила, как казалось, единый миг, только для того, чтобы сморгнуть с ресниц соленые капельки, одновременно пристально рассматривая возникшие в Чаше изображения. Затем наложила новое плетение. С каждым переплетением узор в толстой колонне изменялся, явно откликаясь на действия Кайре.

Как поняла Илэйн, очень хорошо, что не ей нужно сосредоточивать потоки в этом круге; то, что сейчас вершила Кайре, требовало многих лет обучения. Очень многих лет занятий. Внезапно Илэйн поняла еще кое-что. Этот вечно меняющийся кружевной узор саидар обвивался вокруг чего-то невидимого, благодаря чему колонна и обрела плотность. Потрясенная, она сглотнула вставший в горле ком. Кроме саидар, Чаша притягивала и *саидин*.

Надежда, что никто больше этого не заметил, исчезла, стоило Илэйн бросить взгляд на других женщин. Половина уставилась на перекрученную колонну с отвращением, с каким,

должно быть, они взирали бы на Темного. Среди эмоций, которые она улавливала, преобладал страх. Кое у кого испуг грозил превратиться в ужас, как у Гарении и Кирстиан. Чудо еще, что эти две не рухнули без чувств. Еще чуть-чуть, и Найнив начнет тошнить – судя по ее враз помертвевшему лицу. Авиенда внешне казалась по-прежнему спокойной, но внутри у нее дрожало и пульсировало крошечное ядрышко страха.

От Кайре исходила решимость, столь же непоколебимая, как и выражение ее лица. Ничто не заставит Кайре свернуть с пути, тем более простое присутствие оскверненной Тенью саидин. Ничто не остановит ее. Она работала с потоками, и внезапно на незримой вершине колонны расцвела паутина, похожая на причудливое колесо с необычно вставленными спицами, – густое кружево на юге редело к северу и северо-западу, одинокие спицы уходили в другие стороны. Они разрастались, с каждым мигом меняя облик, разбегались по небосклону. И там была не только саидар; местами эта паутина обхватывала что-то еще, изгибалась вокруг чего-то, невидимого Илэйн. Кайре по-прежнему плела, и колонна отзывалась на ее действия, отвечали и саидар, и саидин, а паутина менялась, и ее узоры плавно перетекали один в другой, точно в небесах безостановочно все вращался и вращался кривобокий калейдоскоп, конец которого исчезал где-то вдали.

Без всякого предупреждения Кайре выпрямилась, потирая спину кулаками, и отпустила Источник. Колонна и паутина исчезли, точно испарились, а сама Кайре, тяжело дыша, скорее осела, чем опустилась наземь. Чаша вновь очистилась, но маленькие обрывки саидар еще мелькали и посверкивали по ободу.

– Готово, если то угодно Свету, – устало вымолвила Кайре.

Илэйн едва ее слышала. Нельзя *так* заканчивать работу в круге! Когда Кайре отпустила Источник, Сила одновременно покинула всех женщин. Глаза Илэйн широко раскрылись. Все случилось мгновенно: ты будто бы стоишь на самой высокой в мире башне, а потом раз – и никакой башни в помине нет! Длилось это один миг – но ощущение не из приятных. Она чувствовала усталость, точно сама все проделала, а вовсе не служила проводником, но острее всего ощущала потерю. Разрыв связи с саидар и без того не доставляет радости, а когда связь исчезла в мгновение ока... Просто невыносимо!

Другие чувствовали себя много хуже. Едва объединявшее круг свечение погасло, Найнив села, где стояла, словно ноги у нее подломились. Она сидела, шумно дыша, смотрела на браслет с кольцами и поглаживала его пальцами. Пот заливал ее лицо.

– Я как кухонное сито, через которое просеяли всю муку на мельнице, – пробурчала она. Пропустить через себя такую уйму Силы – испытание не из легких, даже с ангриалом.

Талаан шатало, точно тростинку на ветру, она исподтишка кидала на мать неуверенные взгляды, явно опасаясь сесть без позволения. Авиенда стояла выпрямившись, на лице ее застыло выражение, говорившее, что сохранять позу ей удастся лишь силой воли. Она даже едва заметно улыбалась, а на языке жестов Дев показала – «стоит своей цены». А потом еще сразу добавила – «более чем». У всех был очень усталый вид; правда, те, кто воспользовался ангриалом, выглядели получше. Чаша Ветров наконец успокоилась, разве что рисунок изменился – теперь ее украшали вздымающиеся валы. Казалось, саидар по-прежнему рядом, она проявлялась какими-то приглушенными вспышками, которые танцевали над Чашей.

Найнив подняла голову и сердито воззрилась на безоблачное небо, потом опустила взгляд на Кайре:

– И ради чего? Мы вообще хоть что-то сделали?

Дуновение воздуха, жаркого, как в натопленной кухне, пробежало по вершине холма.

Ищущая Ветер с трудом держалась на ногах.

– По-твоему, творить Плетение Ветров – все равно что рулевым веслом махать? – презрительно поинтересовалась она. – Я только что ворочала корабельным рулем с лопастью шириной в целый мир! Нужно время, чтобы повернуть пенорез. Чтобы он *обязательно* повернулся. И

он *должен* повернуться. Но когда он повернется, даже сам Отец Штормов не сумеет заступить ему путь. Я сделала это, Айз Седай, и Чаша Ветров – наша!

Ренейле вошла в круг, опустилась на колени возле Чаши, осторожно принялась заворачивать ее в белый шелк.

– Я отнесу это Госпоже Кораблей, – заявила она Найнив. – Мы выполнили свою часть сделки. Теперь ты, Айз Седай, должна выполнить свою.

Мерилилль издала нечленораздельный звук, но, когда Илэйн взглянула на нее, Серая сестра казалась образчиком спокойствия.

– Может, вы обещанное и исполнили, – произнесла Найнив, с трудом поднимаясь на ноги. – Может быть. Увидим, когда этот... этот ваш *пенорез* повернет. Если повернет!

Ренейле в упор взглянула на нее поверх Чаши, но Найнив и бровью не повела.

– Странно, – заметила она, потирая висок. Браслет с кольцами зацепился за волосы, и она недовольно поморщилась. – Я чувствую нечто вроде эха саидар. Должно быть, дело в этой штуке!

– Нет, – возразила Илэйн. – Я тоже чувствую.

Не просто смутное ощущение, похожее на еле слышное потрескивание в воздухе, и не совсем эхо. Тень эха, слабый отзвук, – будто бы кто-то использует саидар на... Илэйн обернулась. На юге вспыхивали молнии, дюжины серебристо-голубых стрел сверкали на послеполуденном небе. Очень близко к Эбу Дар.

– Гроза? – с живостью поинтересовалась Сарейта. – Наверное, погода налаживается.

Но там, где полыхали молнии, не было туч! Сарейте не доставало сил почувствовать на таком расстоянии, что применяют саидар.

Илэйн вздрогнула. *У нее-то* сил хватало. Что же это может быть? Пятьдесят, а то и сто Айз Седай, одновременно направляющих Силу? Или...

– Только бы не кто-то из Отрекшихся, – пробормотала она.

Кто-то у нее за спиной застонал.

– Такое одному не под силу, – тихо согласилась Найнив. – Может, они и не почувствовали нас, как мы их. Но если не слепые, непременно увидят. Проклятие! Да испепелит Свет нашу удачу! – Найнив говорила тихо, но эмоции ее переполняли, и потому она не стеснялась в выражениях. – Илэйн, всех, кто захочет, забирай с собой в Андор. А я... встретимся там. Мэт остался в городе. Мне нужно за ним вернуться. Чтоб ему сгореть, этому мальчишке! Он пошел со мной, и я должна вернуться за ними!

Илэйн тяжело вздохнула. Королеву Тайлин оставили на милость Света – и если Свет соблаговолит, Тайлин останется в живых. Но Мэт Коутон... Самый необычный, самый любопытный из ее подданных – и самый нежеланный спаситель. Он и за нею тоже пришел, и предложил куда больше. И еще Том Меррилин, дорогой Том... Она порой сожалела, что не Том ее настоящий отец; Том, который – чтоб его Свет поразил – сделал такое с ее матерью. И мальчик Олвер, и Чел Ванин, и... Она должна думать как королева. «Розовый венец тяжелее горы, – говаривала ей мать, – и долг заставит тебя плакать, но ты должна нести бремя и делать, что должно».

– Нет, – сказала Илэйн, затем добавила тверже: – Нет. Найнив, взгляни на себя – ты на ногах едва стоишь. Даже если отправимся все вместе, что мы можем сделать? Сколько там Отрекшихся? Мы погибнем, если не случится худшего, – и что толку? Отрекшиеся вряд ли будут искать Мэта или кого другого. Они нас ищут.

Найнив с открытым ртом глядела на подругу – упрямая Найнив, по лицу ее катится пот, ноги подгибаются. Поразительная, отважная, глупая Найнив.

– Ты что, хочешь бросить их, Илэйн? Авиенда, хоть ты ей скажи! Как же честь, о которой ты вечно печешься?!

Авиенда помедлила, потом покачала головой. Она вспотела не меньше и, судя по замедленным движениям, не меньше устала.

– Бывают, Найнив, сражения без надежды, но Илэйн права. Предавшиеся Тени не станут искать Мэта Коутона, им нужны мы и Чаша. А он уже мог покинуть город. Если мы вернемся, то сами отдадим им наше оружие. Где бы мы ни спрятали Чашу, они заставят нас признаться.

Лицо Найнив исказилось как от боли. Илэйн обняла подругу.

– Исчадие Тени! – завопил кто-то, и все женщины на холме разом обняли саидар.

Шары огня сорвались с рук Мерилилль, с ладоней Кареане и Сарейты. С неба, волоча за собой жирный хвост черного дыма, рухнула объятая пламенем громадная крылатая фигура.

– Еще одно! – указывая пальцем, вскричала Кирстиан.

Вторая крылатая тварь летела прочь от холма – тело величиной с лошадь, перепончатые крылья размахом шагов в тридцать, если не больше, с вытянутой вперед длинной шеей, длинный хвост. На спине чудовищного создания сидели, скорчившись, двое. Огненный вихрь устремился им вслед, быстрее всех оказались Авиенда и Морской народ, которые не сопровождали свои плетения движениями рук. Град огня был столь плотен, что казалось, будто сам Огонь сгустился в воздухе; тварь юркнула за холм по другую сторону от фермы и словно бы исчезла.

– Мы убили ее? – спросила Сарейта. Ее глаза сверкали, грудь бурно вздымалась.

– Разве мы в нее попали? – прорычал кто-то из Морского народа.

– Исчадия Тени, – с изумлением пробормотала Мерилилль. – Здесь! По меньшей мере это доказательство, что в Эбу Дар – Отрекшийся.

– Это не исчадия Тени, – опустошенно поправила ее Илэйн. Лицо Найнив отражало душевную муку – она тоже поняла. – Их называют *ракенами*. Это – шончан. Мы должны идти, Найнив, забрать с фермы всех женщин, всех до единой. Убили мы ту тварь или нет, но появятся новые. Любая, кого мы оставим, к завтрашнему утру окажется на привязи дамани.

Найнив медленно кивнула. Илэйн показалось, что она прошептала: «Ох, Мэт!»

Ренейле шагнула вперед, в руках – Чаша, вновь запакованная в белое покрывало.

– С этими шончан столкнулись несколько наших кораблей. Если они в Эбу Дар, тогда наши корабли уходят в море. Мой корабль бьется насмерть, а я не стою на его палубе! Мы должны возвращаться!

И она, не сходя с места, сплела плетение для врат.

Разумеется, у нее ничего не вышло: плетение ярко вспыхнуло и распалось, но Илэйн, сама не зная почему, вскрикнула.

– Никуда ты отсюда не уйдешь! – напустилась она на Ренейле. – Не сумеешь! Чтобы как следует все изучить, нужно немало времени.

Илэйн надеялась, что никто из стоявших в круге женщин не попытается создать плетение: самый быстрый способ узнать место получше – обнять саидар. Сама-то Илэйн могла сплести переходные врата; весьма вероятно, что это доступно и другим.

– Ты хочешь шагнуть на плывущий корабль? Да еще не зная *откуда*? Думаю, это вообще невозможно!

Мерилилль кивнула, хотя и не слишком заметно. Морской народ тоже счел доводы Илэйн достаточно убедительными. Найнив была не в состоянии взять на себя главенство, так что Илэйн пришлось отдуваться самой. «Надеюсь, матушка бы одобрила», – подумала она мельком.

– Прежде всего, без нас вы никуда не уйдете, потому что обещание исполнено не до конца. Пока погода не наладится, Чаша Ветров – не ваша. – Ну, не совсем так, если только не переиначить чуть-чуть слова сделки. Ренейле открыла было рот, но Илэйн не дала ей и слова сказать: – И еще потому, что вы заключили сделку с Мэтом Коутоном, моим подданным. Вы по доброй воле идете туда, куда угодно мне, или же вас привяжут к седлам. Выбирайте, что вам

угодно. Так что, Ренейле дин Калон Голубая Звезда, спускайся-ка немедля с холма, пока на голову нам не свалилась шончанская армия и несколько сотен женщин, способных направлять Силу и жаждущих увидеть нас в ошейниках. Ну же! Бегом!

К великому изумлению Илэйн, прочие подчинились и побежали.



Глава 6

Нити



Сама Илэйн, разумеется, тоже побежала, подхватив юбки, и очень скоро оказалась первой на утоптанной тропинке. Рядом бежала только Авиенда; она была в платье, а иначе, хоть и уставшая, давно бы обогнала Илэйн. Остальные поспешали за ними, вытянувшись цепочкой на узкой, петляющей тропке. Из Ата'ан Миэйр ни одна не вырвалась вперед Ренейле, а та, хоть и в шароварах, бежала не очень быстро – ведь к груди она крепко прижимала Чашу Ветров. Найнив не испытывала угрызений совести – кого локтями отталкивала, кого сгоняла с дороги криком, невзирая на то, кто перед ней – Ищущая Ветер, Родня или Айз Седай.

Илэйн прыжками неслась вниз по склону, спотыкаясь, но не падая, и ей хотелось смеяться, хоть смех был и не к месту. Вопреки грозящей опасности! Когда Илэйн стукнуло двенадцать, Лини и мать уже рукой махнули на несносного ребенка, который любит бегать сломя голову и лазает по деревьям, но сейчас удовольствие девушке доставил не просто бег. Она вела себя по-королевски, и все получилось в точности так, как и должно! Она взяла решение на себя, повела других, и все ей подчинились! Всю жизнь ее учили этому. И от радости ей хотелось смеяться, ее распирало от гордости, она сияла, еще чуть-чуть – и засверкает ярче саидар.

На последнем повороте Илэйн свернула возле высокого беленого амбара. И тут носком ноги зацепилась за присыпанный землей камень. Ее швырнуло вперед, она отчаянно замахала руками и вдруг полетела вверх тормашками. Крикнуть не успела. Перевернувшись через голову, девушка тяжело шлепнулась оземь – от удара клацнули зубы и перехватило дыхание. И очутилась она перед Бергитте, которая стояла у начала тропинки. Мгновение девушка ничего не соображала, а потом испытала легкое удовлетворение. Вот оно, королевское достоинство. Убирая волосы с лица, Илэйн пыталась восстановить дыхание и ждала какого-нибудь язвительного замечания от Бергитте. Той только дай сыграть роль старшей и мудрой сестры, а сейчас момент – лучше не придумаешь, и Бергитте редко упускала такие возможности.

К удивлению Илэйн, Бергитте поставила ее на ноги раньше, чем успела протянуть руку Авиенда. И ощутила Илэйн в своем Страже лишь чувство... сосредоточенности – так могла бы чувствовать себя стрела, наложенная на тетиву.

– Мы бежим или сражаемся? – спросила Бергитте. – Я узнала этих шончанских летунов, по Фалме их помню, и, честно говоря, предлагаю бежать. Сегодня-то у меня обыкновенный лук.

Авиенда покосилась на нее, а Илэйн вздохнула. Когда же Бергитте наконец-то научится держать язык за зубами? Сама ведь хочет и дальше скрывать, кто она такая на самом деле.

– Конечно бежим, – пыхтя, заявила подбегавшая Найнив. – Сражаться или бежать? Что за глупый вопрос? Ты что, думаешь, что нам... О Свет! Что они делают? Алис! Алис, где ты? Алис! Алис!

Вздвигнув, Илэйн сообразила, что на ферме царит суматоха почище той, что случилась при появлении компании Айз Седай. Всего тут жили сто сорок семь женщин из Родни, в том числе и пятьдесят четыре с красными поясами Мудрых. Некоторые покинули ферму несколько дней назад. И вот теперь казалось, будто все куда-то бегут, заодно с множеством других женщин. Среди всеобщей суматохи сновали слуги с выюками из Таразинского дворца, заметные по своим зелено-белым ливреям. В общее столпотворение посильный вклад добавляли куры и утки – кудахтаньем и кряканьем, хлопаньем крыльев и заполошной беготней. Илэйн даже заметила *Стража* – Джаэма, Стража Вандене, который рысцой пробежал мимо, жилистыми руками обхватив большой джутовый мешок!

Словно из ниоткуда появилась Алис, уверенная и собранная, несмотря на обильный пот на лице. Каждая прядка волос аккуратно уложена, а платье будто только что с вешалки.

– Незачем орать, – спокойно заявила она, подбоченясь. – Бергитте сказала мне, что это за большие птицы, и, по-моему, лучше нам уйти. К тому же вы таким галопом сбежали с холма, точно за вами гнался сам Темный. Я велела всем собраться – одно чистое платье, три сорочки, чулки, мыло, иголки-нитки и все деньги, какие есть. Только это, и больше ничего. Последние десять, кто припозднится со сборами, будут всю дорогу стирать и мыть. Так что пускай пошевеливаются. Слуги соберут съестное. Ваши Стражи помогут. Разумные парни, для мужчин так на удивление здравомыслящие. Неужели все Стражи такие?

Найнив стояла как вкопанная с отвисшей челюстью; она готовилась отдавать приказы, а ее бессовестно опередили! Выражение лица у нее менялось так часто, что понять его было невозможно.

– Очень хорошо, – промямлила она наконец. Внезапно лицо у нее прояснилось. – Те женщины, что не из Родни! Да! Их нужно...

– Спокойно, – перебила Алис, сопроводив это слово движением руки. – Уже все сделано, почти все. У большинства есть мужья и семьи. Даже захоти я их удержать, и то не смогла бы. Но человек тридцать приняли тех птиц за отродий Тени, а потому хотят быть поближе к Айз Седай. – Громким хмыканьем она выразила свое отношение к этому факту. – А теперь сами собирайтесь. Выпейте немного холодной воды, в лицо плесните. Мне тут еще присмотреть надо. – Окинув взглядом ферму, Алис покачала головой. – Если вдруг из-за холма высыплют троллоки, кое-кто обо всем позабудет, а большинство благородных по-настоящему не привыкли к нашим правилам. Так что придется напомнить, пока в путь не тронулись.

И она с решительным видом двинулась в центр суеты, охватившей двор фермы. Найнив так и осталась с открытым ртом.

– Ну что ж, – заметила Илэйн, отряхивая юбки, – ты сама говорила, что она очень способная женщина.

– Не было такого, – огрызнулась Найнив. – Никогда не говорила «очень»! Хм-м! Куда моя шляпа подевалась? Возомнила, что все знает. А вот *этого-то* она не знает, готова поспорить!

И Найнив устремилась в сторону, противоположную той, куда ушла Алис.

Илэйн глядела ей вслед. Ее *шляпа*? Она и сама не прочь узнать, куда подевалась ее собственная шляпа – кстати, очень красивая... Может, у Найнив на время в голове помутилось – ведь в круге пришлось работать с таким мощным потоком Силы, да еще и ангриалом пользоваться. Илэйн и сама чувствовала себя чуточку странно, как будто могла частички саидар выхватить из окружающего воздуха. Так или иначе, сейчас ей есть о чем волноваться. Например, надо быть готовым в дорогу, прежде чем нападут шончан. Из того, чему девушка была

свидетелем в Фалме, и судя по рассказу Эгвейн, шончан и в самом деле могли привести сотню, а то и больше дамани, а большинство из них все силы приложат к тому, чтобы ошейник замкнулся на шее других женщин. У Илэйн в душе все переворачивалось, когда Эгвейн рассказывала, как шончанские дамани ластятся к своим *сул'дам*, играют, точно хорошо обученные псы со своими псарями. Эгвейн говорила, что так вели себя и некоторые женщины из тех, на кого ошейники надели уже в Фалме. От этих рассказов у Илэйн кровь в жилах стыла. Она скорее умрет, чем позволит посадить себя на привязь! И уж наверняка она умрет, если допустит, чтобы найденное ею попало в руки Отрекшимся или шончан. Илэйн бросилась к баку с водой, Авиенда не отставала от подруги.

Алис, похоже, и в самом деле подумала обо всем. Тер'ангриалы были уложены в корзины, корзины навьючены на лошадей. Неразобранные корзины оставались битком набиты всякой всячиной и свет знает чем еще, но те, что опустошили Илэйн с Авиендой, уже загрузили мешками с солью, мукой, бобами и чечевицей. Конюхи снаряжали вьючных лошадей, а не бегали с мешками в руках. Вне всяких сомнений, по поручению Алис. Даже Бергитте исполняла указания Алис!

Илэйн приподняла парусину и проверила тер'ангриалы. Все вроде на месте, свалено в беспорядке в две неполные корзины, но ничего не поломано. Разумеется, большинству тер'ангриалов сломаться не грозит, их, кроме как Единой Силой, ничем не повредишь, но даже так...

Авиенда, скрестив ноги, уселась на землю, промокнула лицо большим льняным платком, который очень странно смотрелся в сочетании с шелковым дорожным платьем. Даже айилка начала выказывать признаки усталости.

– Что ты бормочешь, Илэйн? Совсем как Найнив. Эта Алис избавила нас от хлопот. Не понадобилось самим упаковываться.

Илэйн слегка порозовела. Она не собиралась говорить вслух.

– Просто не хочу, чтобы их трогал тот, кто не знает, что это такое, Авиенда.

Некоторые тер'ангриалы при неправильном обращении с ними могли сработать и в руках людей, не способных направлять Силу. Правда, однако, состояла в том, что Илэйн не хотела, чтобы к этим «безделушкам» вообще *кто-либо* прикасался. Они принадлежали ей! Совет Башни *не сможет* передать их какой-то другой сестре, сославшись на то, что та старше или опытнее. Она не даст их под замок упрятать – под предлогом, что, мол, изучать тер'ангриалы опасно. Получив для исследования столько образцов, Илэйн в конце концов узнает, как создавать тер'ангриалы, которые будут срабатывать каждый раз. А то уж очень много неудач и половинчатых успехов.

– Ими должна заниматься та, кто знает, что делает, – заявила она, зашнуровывая жесткую парусину.

В суматохе начал проявляться порядок – быстрее, чем ожидала Илэйн, хотя не так быстро, как бы ей хотелось. Разумеется, с неохотой признала она, мгновенного порядка ожидать глупо. Чтобы не оставлять небо без присмотра, Илэйн отправила Кареане обратно на холм – наблюдать, не надвигается ли опасность со стороны Эбу Дар. Коренастая Зеленая чуть побурчала, но потом послушно присела, хотя перед тем стрельнула взглядом на Родню, словно собиралась предложить послать вместо нее кого-то из них. Но Илэйн нужен был кто-то, кто не хлопнется в обморок при виде исчадий Тени, а среди сестер ниже всех по положению стояла Кареане. Аделис и Вандене привели Испан, надежно огражденную от Источника, с кожаным мешком на голове. Она шагала без напряжения, и с виду ничто не указывало, что с ней творили, разве что... Руки Испан крепко прижимала к бокам, а когда ее усадили в седло, безропотно дала привязать запястья к луке седла. Коли она так покорна, то ее, верно, немного вразумили. А как этого добились, Илэйн даже думать не хотела.

Но оставались и некоторые... шероховатости. Если бы не надвигающаяся угроза появления шончан, еще неизвестно, во что бы вылился эпизод со шляпой. Да, Найнив получила свою

шляпу с синим пером – Алис отыскала ее и вручила Найнив со словами, что такую гладкую и хорошую кожу нужно беречь от солнца. Когда же седовласая хозяйка поспешила прочь, Найнив проводила ее долгим взглядом, а потом демонстративно сунула шляпу под лямку седельных сум.

С самого начала Найнив вознамерилась улаживать шероховатости, но всякий раз ее опережала Алис, а там, где появлялась Алис, шероховатости исчезали будто сами собой. Несколько благородных дам потребовали помочь уложить свои вещи; им сообщили, что если они не поторопятся и не сделают того, что им велено, то останутся в том, что на них сейчас надето. Они поторопились. Кое-кто из женщин – и не только из благородных, – узнав, что отряд собирается в Андор, тут же передумал; их отправили пешими, с наказом бежать без оглядки, пока хватит сил. Лошади были нужны остальным, а до появления шончан они должны уйти как можно дальше; самое меньшее – всех, кого найдут в окрестностях фермы, обязательно допросят. Как и предполагалось, Найнив с Ренейле пытались переорать друг друга, споря о Чаше и о черепашке, которой воспользовалась Талаан, – судя по всему, резную фигурку Ренейле сунула себе за пояс. Едва они принялись размахивать руками, как возле них появилась Алис, и Чаша была поручена заботам Сарейты, а черепашка отдана Мерилилль. Вслед за этим Илэйн испытала немалое удовольствие, увидев, как Алис грозит пальцем перед носом остолбеневшей Ищущей Ветер при Госпоже Кораблей Ата'ан Миэйр и строго отчитывает ту за мелкое воровство. Ренейле сбивчиво лопотала оправдания. Найнив, уйдя с пустыми руками, тоже что-то бубнила под нос, однако Илэйн показалось, что более несчастной женщины она не видела.

Как ни странно, сборы заняли немного времени. Женщины с фермы собрались под бдительным приглядом Объединяющего Круга и Алис, которая зорким глазом отметила десять припозднившихся; две женщины из этих десяти были в шелковых платьях, мало чем отличавшихся от наряда Илэйн. Явно не из Родни. Что ж, стирки им не избежать; Алис вряд ли смутит такая мелочь, как высокое происхождение. Ищущие Ветер, на удивление молчаливые, выстроились рядом со своими лошадьми, лишь Ренейле, завидев Алис, пробурчала что-то себе под нос. Кареане отозвали с холма. Стражи привели сестрам лошадей. Чуть ли не все поглядывали на небо, вокруг нескольких Айз Седай и многих Ищущих Ветер сияла саидар. Даже кое-кто из Родни отважился обнять Источник.

Ведя свою кобылку в голову колонны, Найнив поигрывала ангриалом на руке, словно бы собиралась открыть переходные ворота – как ни нелепа была идея. Найнив умылась – и шляпу надела, – однако она пошатывалась всякий раз, стоило ей потерять самообладание. Лан с каменным лицом держался у ее плеча, в любой момент готовый поддержать жену. Наверное, Найнив, даже со всеми своими кольцами-браслетами, не сумела бы сейчас сплести ворота. Естественно – она все время носилась по ферме, а Илэйн, обняв саидар, большую часть времени провела у бака с водой. Она знала это место. Найнив исподлобья покосилась на Илэйн, а та обняла Источник и благоразумно промолчала.

Илэйн сразу пожалела, что не попросила у Авиенды статуэтку-ангриал, – сама она тоже устала и зачерпнула саидар лишь столько, чтобы хватило для плетения. Потoki дрожали, будто норовя вырваться, затем неожиданно стянулись как надо – Илэйн даже вздрогнула. Направлять уставшей – нелегкая задача, а на сей раз было куда тяжелее прежнего. Появилась знакомая вертикальная щелочка серебристого сияния, раскрывшаяся в проем. Ворота получились не больше, чем у Авиенды, и Илэйн была рада, что хоть лошадь в них пройдет. Она вообще не была уверена, что у нее получится. Среди Родни слышались вздохи и охи, когда между ними и серым камнем возникла дверь на какой-то луг.

– Лучше бы мне дала попробовать, – тихо, но с укоризной промолвила Найнив. – У тебя едва не расплзлось.

Авиенда бросила на Найнив такой взгляд, что Илэйн захотелось схватить подругу за руку. Чем дольше они оставались почти сестрами, тем больше айилке казалось, что необходимо обе-

регать честь Илэйн. Если они станут первыми сестрами, того и гляди Илэйн придется не подпускать Авиенду близко к Найнив, да и к Бергитте, пожалуй!

– Все сделано, Найнив, – быстро сказала Илэйн. – Только это и считается.

Найнив устремила на нее мрачный взор и пробурчала, что денек нынче какой-то неудачный. Спрашивается, это кто, Илэйн, сегодня весь день брюзжит?

Первой во врата, нахально ухмыляясь Лану, шагнула Бергитте – лошадь в поводу, лук наготове. Илэйн чувствовала напряжение своего Стража – напряжение и удовлетворение, наверное, оттого, что сейчас она идет впереди, а не Лан; вечно между Стражами какое-то соперничество. И еще настороженность. Совсем немного. Этот луг на склоне холма Илэйн знала очень хорошо: неподалеку ее учил верховой езде Гарет Брин. В пяти милях, за теми поросшими редкими деревьями холмами, находилось одно из имений ее матери. Одно из *ее*, Илэйн, поместий – пора привыкать к этому. На полдня пути окрест жили только те семь семей, кто присматривал за домом и усадьбой.

Это место Илэйн выбрала потому, что отсюда за две недели можно добраться до Кэймлина. И поскольку поместье находится на отшибе, Илэйн может въехать в Кэймлин прежде, чем кто-то узнает о ее появлении в Андоре. Подобную предосторожность излишней не назовешь – были в истории Андора времена, когда претендентов на Розовый венец держали как «гостей», пока они не отказывались от своих притязаний. У ее матери тоже «гостили» двое, пока она не заняла трон. Если повезет, к прибытию Эгвейн и остальных Илэйн сумеет заложить прочный фундамент своей власти.

Сразу за гнедым мерином Бергитте своего Мандарба повел во врата Лан, и Найнив качнулась, будто готовая кинуться за вороным конем, потом выпрямилась, бросив на Илэйн взгляд, в котором ясно читалось: «Только скажи что-нибудь». Яростно теребя поводья, она прилагала заметные усилия, чтобы не смотреть через врата вслед Лану. Губы ее шевелились. Через миг до Илэйн дошло, что она *считает*.

– Найнив, – тихо произнесла девушка, – у нас нет времени на...

– Двигайтесь, – крикнула сзади Алис, громко хлопнув в ладоши. – Не толкайтесь, но и не копайтесь. Вперед!

Найнив резко обернулась, явно не зная, как быть. Почему-то она коснулась своей шляпы, пары сломанных и обвисших голубых перьев, а потом отдернула руку.

– Ах ты, старая, козлом целованная!.. – прорычала она.

Остальное Илэйн не расслышала – Найнив повела свою кобылу во врата. Илэйн хмыкнула. И у Найнив еще хватает наглости напускаться на кого-то за несдержанный язык! Впрочем, сама она была бы не прочь дослушать фразу до конца; начало Илэйн уже знала.

Алис продолжала распоряжаться, но большой нужды в том не было. Даже Ищущие Ветер – и Ренейле в том числе – поторапливались, с тревогой косясь на небо. Что не помешало Ренейле пробурчать что-то об Алис – к ее ворчанию Илэйн особо не прислушивалась, но кое-какие мысленные зарубки для себя сделала. Хотя вряд ли настолько страшным оскорблением будет назвать кого-то «любящим рыбу падальщиком». По ее представлениям, Морской народ только рыбу-то и ест.

Сама Алис держалась в конце колонны, за нею были только Стражи, словно она собиралась и выючных лошадей подгонять. Ненадолго задержавшись, она сунула Илэйн шляпу с зелеными перьями.

– Пригодится – у тебя такое нежное личико, – сказала Алис с улыбкой. – Какая хорошенькая девушка! Ни к чему, чтобы морщинки раньше времени появились.

Авиенда, сидевшая на земле, захохотала и, завалившись на спину, задрывала ногами.

– Кажется, придется мне попросить, чтобы она и *тебе* шляпу нашла. И чтоб перьев было побольше. И бантов, – пристраиваясь за Родней, сладким голосом заметила Илэйн.

Смех Авиенды будто отрезало.

Широкий луг, в милю длинной, окружали холмы повыше тех, что остались за воротами, а лес был знаком Илэйн – дубы и сосны, болотный мирт и ели, кислокамедники и черноталы, – густой высокий лес с юга, востока и запада, однако в этом году порубок в нем может и не быть. На дрова лучше подходили разбросанные там и сям купы деревьев на севере, ближе к поместью. Горбы серых валунов торчали из густой бурой травы, в которой не было видно даже иссохших стеблей полевых цветов. Эта картина не столь уж отличалась от виденного на юге.

Чуть ли не впервые за долгое время Найнив не высматривала окрест Лана. В любом случае он и Бергитте не стали бы тут далеко отъезжать. Она энергично расхаживала среди лошадей, приказывая садиться верхом. Голос у нее был громкий; она не оставляла своим вниманием и слуг с выючными лошадьми, резко выговорила кому-то из Родни, что пять миль пешком и ребенок одолеть сумеет, прикрикнула на стройную алтарку из благородных, со шрамом на щеке и со свертком величиной с нее саму, – дескать, если та по глупости взяла все свои платья, то сама их пусть и несет. Алис собрала Ата'ан Миэйр и объясняла, как ездить верхом на лошади. Как ни удивительно, ее внимательно слушали. Найнив кинула на Алис острый взгляд и вроде осталась довольна увиденным. Алис в ответ улыбнулась и помахала рукой – мол, продолжай в том же духе.

На миг Найнив замерла, точно громом пораженная. Потом решительно зашагала к Илэйн. Подняв руки, она сердито сверкнула глазами и рывком поправила шляпу.

– На сей раз я решила, пусть она обо всем позаботится, – заявила Найнив. – Посмотрим, как выйдет с этим... Морским народом. Да, посмотрим. – Вдруг Найнив нахмурилась, глядя на открытые до сих пор переходные ворота. – Почему ты их все еще удерживаешь? Отпусти.

Авиенда тоже нахмурилась.

Илэйн глубоко вздохнула. Иного выхода не было, но Найнив принялась бы спорить, а на споры нет времени. Через ворота виднелся опустевший двор фермы, даже куры разбежались, напуганные суматохой, но долго ли он будет пуст? Илэйн изучала плетение, настолько плотное, что различить было можно лишь отдельные нити. Конечно, она видела каждый поток, но, за исключением немногих, остальные казались сплетенными неразделимо.

– Уводи всех в поместье, Найнив, – сказала Илэйн. Солнце уже скатилось к закату; светлого времени оставалось часа два. – Мастер Хорнуэлл удивится такому количеству гостей на ночь глядя. Но скажите ему, что вы все – гости девочки, которая рыдала над красноперкой с перебитым крылом. Вряд ли он забыл тот случай. Я приеду, как только смогу.

– Илэйн, – начала Авиенда обеспокоенным голосом, а Найнив резко накинута:

– Да ты что о себе думаешь, ты...

Прекратить все это можно было одним-единственным способом. Илэйн выщипнула из плетения одно волокно; нить затрепыхалась, будто щупальце, размочалилась на конце, искорки саидар исчезали на глазах. Илэйн не заметила, как Авиенда распустила свое плетение, но видела оставшийся от него след.

– Ступай, – сказала она Найнив. – Я подожду, пока вы подальше отойдете. – (Найнив смотрела на нее с отвисшей челюстью.) – Так нужно, – вздохнула Илэйн. – Через несколько часов на ферме окажутся шончан. Даже если они подождут до завтра, вдруг среди дамани найдется та, что обладает талантом читать следы? Найнив, я не хочу, чтобы шончан узнали о Перемещении. И не допущу такого!

Найнив пробурчала под нос что-то нелестное о шончан – судя по всему, костерила их по-всякому. Потом громко заявила:

– Ладно, а я не допущу, чтобы ты себя выжгла! Верни нить на место! Пока все не взорвалось, как говорила Вандене. Ты же всех нас уберешь!

– Ее нельзя вернуть на место, – сказала Авиенда, положив ладонь на руку Найнив. – Она начала и должна закончить. А ты, Найнив, должна сделать, как она сказала.

Брови Найнив поползли вниз. Она очень не любила, когда ей говорили «должна». Впрочем, душой она не была, а потому, сердито поглядев на Илэйн, на переходные врата, на Авиенду, на мир вокруг, крепко обняла подругу – у той аж ребра затрещали.

– Будь осторожна, ладно? – прошептала Найнив. – Если ты себя убьешь, я с тебя шкуру заживо спущу! – Несмотря ни на что, Илэйн рассмеялась. Найнив фыркнула, отстранив ее от себя и держа за плечи. – Ты поняла, что я хотела сказать, – проворчала она. – И не думай, именно так и будет! Будет, – добавила она приглушенно. – Береги себя.

С десяток секунд Найнив собиралась с мыслями, моргала, натягивала голубые перчатки. Вроде бы в глазах ее блеснула влага, хотя того быть не могло; других Найнив доводила до слез, но сама никогда не плакала.

– Ну ладно, – громко сказала она наконец. – Алис, если еще не все готовы... – Повернувшись, она умолкла.

Все, кто должен был ехать верхом, даже Морской народ, сидели в седлах. Стражи собрались возле сестер; Лан и Бергитте вернулись, Бергитте с тревогой поглядывала на Илэйн. Слуги выстроили выючных лошадей в колонну, а Родня терпеливо ждала, большинство – пешие, только старшие верхом. Часть лошадей, годившихся под седло, навьючили мешками с провизией и узлами с вещами. Те, кто взял вещей больше разрешенного – ни одна не принадлежала к Родне, – несли свои узлы за спиной. Стройная алтарка, та, что со шрамом, согнулась в три погибели под своей поклажей и зло косилась на окружающих, но не на Алис. Все, способные направлять Силу, устались на переходные врата. Многие слышали слова Вандене о возможных опасностях и потому взирали на серебристую жилку, будто на гадюку.

Сама Алис подвела Найнив лошадь и придержала стремя. Найнив развернула кобылку на север, Лан на Мандарбе ехал рядом с выражением крайнего смирения на лице. Почему Найнив не осадил Алис, Илэйн не понимала. Послушать Найнив, едва перестав считаться девчонкой, она уже отчитывала женщин старше себя и ставила их на место по десять раз на дню. И в конце концов, она ведь Айз Седай – рядом с бугорком Родни это как гора.

Колонна двинулась в путь. Илэйн посмотрела на Авиенду и Бергитте. Авиенда просто стояла, сложив руки на груди; в руке она сжимала ангриал – фигурку женщины с распущенными волосами. Бергитте приняла поводья Львицы у Илэйн, намотала на руку вместе с другими – лошади Авиенды и своей собственной. Потом отошла к небольшому валуну, торчавшему из земли шагах в двадцати, и уселась на него.

– Вы двое должны... – заговорила было Илэйн, потом закашлялась, заметив удивленно вскинутые брови Авиенды. Невозможно отослать Авиенду подальше от опасности и не навлечь тем самым на нее позора. Наверное, их обеих отослать невозможно. – Я хочу, чтобы ты пошла с ними, – сказала она Бергитте. – И захвати Львицу. Мы с Авиендой по очереди поедem на ее мерине. Перед сном совсем неплохо пройтись.

– Если ты станешь обращаться с мужчиной и вполтину так же хорошо, как с лошадью, – с кривой ухмылкой заметила Бергитте, – он будет твой навеки. Лучше я посижу немного. И так уже сегодня верхом покатаюсь. Я у тебя не на побегушках. Мы можем ломать комедию на виду у сестер и перед другими Стражами, но нам-то с тобой лучше знать.

Несмотря на насмешливые слова, Илэйн чувствовала в них теплоту и симпатию. Нет, больше чем симпатию. У Илэйн вдруг защипало глаза. Ее смерть поразит Бергитте в самое сердце – таковы узы Стража, – но осталась та не по обязанности, а по зову дружбы.

– Я очень рада, что у меня две такие подруги, – просто сказала Илэйн.

Бергитте ухмыльнулась, будто девушка сморозила какую-то глупость.

Но Авиенда, гневно вспыхнув, вперила взгляд в Бергитте, а потом поспешно перевела взор на колонну. Та еще не достигла первого холма, находившегося где-то в полумиле впереди.

– Лучше подождать, пока с глаз не скроются, – произнесла айилка, – но долго тянуть нельзя. Как только начинаешь расплетать, потоки как бы... скользкими становятся... И торо-

питья нельзя. Выпустишь одну – все равно что плетение отпустить; оно сложится, как ему угодно. Каждую нить нужно ослаблять до тех пор, пока она поддается. Чем больше распускается одна, тем легче увидеть другие, но всегда нужно браться за ту, которую лучше видно. – Тепло улыбнувшись, Авиенда прижала пальцы к щеке Илэйн. – У тебя все получится, если ты будешь осторожна.

Просто нужно быть осторожной. Это запросто! Куда труднее дожидаться, пока за холмом исчезнет последняя из женщин – та стройная алтарка со своим узлом. Солнце лишь чуть-чуть спустилось к горизонту, но казалось, будто минули часы. Что Авиенда имела в виду, говоря «скользкие»? Объяснить яснее не удавалось – нити тяжело удерживать, вот и все.

Едва начав действовать, Илэйн поняла, в чем дело. «Скользко» – этим словом Авиенда охарактеризовала живого угря, вымазанного в масле. Сцепив зубы, Илэйн взялась за первую нить, и вот та уже почти готова вырваться. Когда нить Воздуха наконец повисла свободно, Илэйн было облегченно вздохнула, но тут же вспомнила, что это только начало. Если нити станут еще более «скользкими», то она не сумеет с ними справиться. Авиенда не спускала с плетения глаз, но ни слова не говорила, лишь подбадривала подругу улыбкой. Бергитте Илэйн не видела – она не смела отвести взор от плетения, – но чувствовала ее, этакий узелок твердой уверенности в ней, Илэйн.

Капельки пота сползали по лицу, по спине, по животу, пока Илэйн и себя не ощутила «скользкой». Самой *желанной* сегодня для нее будет ванна. Нет, нельзя об этом думать – все внимание плетению. Работать с нитями становилось все сложнее, они дрожали, норовили ускользнуть, едва она к ним прикасалась, но все-таки высвобождались, и когда одна нить расплеталась, другая будто выскакивала из клубка саидар. Взору Илэйн врата представляли каким-то уродливым стоглавым придонным чудищем, окруженным болтающимися щупальцами, каждое увешано густой бахромой нитей Силы, которые росли, выгибались, исчезали, тут же сменяясь другими. Видимые любому, переходные врата гнулись по краям, все время меняли очертания и даже размер. Ноги у Илэйн начали дрожать; пот щипал глаза. Она не знала, надолго ли ее еще хватит. Стиснув зубы, девушка продолжала борьбу. По одной нити зараз. По одной – зараз.

В тысяче миль отсюда и менее чем в сотне шагов от вздрагивающих врат десятки низкорослых солдат с арбалетами в руках окружали белые дома фермы. Солдаты были в коричневых кирасах и в раскрашенных шлемах, походивших на головы огромных насекомых. За ними появилась женщина в юбке с красными вставками, на которых серебрились молнии, на руке у нее был браслет, соединенный серебристой привязью с ошейником, обвивавшим горло женщины в сером, потом появилась еще одна сул'дам с дамани, а потом еще и еще. Одна из сул'дам указала на врата, и сияние саидар вдруг окутало ее дамани.

– Берегись! – крикнула Илэйн, отшатываясь в сторону, чтобы ее не было видно с той стороны, и серебристо-синяя молния с ревом, от которого заложило уши, пронеслась через врата, змеясь и выстреливая отростки.

Волосы у Илэйн встали дыбом, а там, куда ударило одно из ответвлений молнии, с грохотом взметнулся фонтан земли. На девушку посыпались комья и мелкие камни.

Внезапно вернулся слух, и с той стороны переходных врат послышался мужской голос – тягучий, сглатывающий окончания слов. От этого голоса и от сказанных им слов по спине у Илэйн поползли мурашки.

– ...должны взять их живьем! Ясно, дуры этикие?

Внезапно один из солдат выскочил на луг прямо перед Илэйн. Стрела Бергитте пробила вытисненный на его кожаном панцире сжатый кулак. Второй шончанин запнулся о падающего товарища, и не успел он выпрямиться, как в горло ему вонзился нож Авиенды. С лука Бергитте вихрем полетели стрелы – наступив ногой на поводья, она стреляла с мрачной ухмылкой. Вздрагивающие лошади дергали головой и брыкались, стремясь вырваться и убежать, а Бер-

гитте знай себе стреляла, выпуская стрелу за стрелой. Крики на той стороне врат свидетельствовали, что стрелы Бергитте Серебряный Лук разят без промаха. Ответ, как черная мысль, не заставил себя ждать, и из проема черными пчелами полетели арбалетные болты. Все случилось чуть ли не в один миг. Упала Авиенда, кровь заструилась по пальцам, сжавшим правую руку, но айилка сразу забыла о ране и поползла на четвереньках, шаря по земле в поисках ангриала. Лицо ее выражало решимость бороться до конца. Вскрикнула Бергитте; выронив лук, она схватилась за бедро, где торчал хвост короткой арбалетной стрелы. Илэйн почувствовала резкий – как будто это в нее попала стрела – укол боли.

В отчаянии она, полулежа на спине, ухватилась за нить. И, дернув, поняла, к своему ужасу, что способна лишь удерживать ее. Двинулась ли нить? Или просто скользит? Если так, она не осмелится ее отпустить. Нить же норовила вырваться из хватки.

– Живыми, я сказал! – взревел голос шончанина. – Любой, кто убьет женщину, не получит своей доли золота.

Дождь арбалетных стрел утих.

– Хочешь взять меня? – крикнула Авиенда. – Тогда приходи и танцуй со мной!

Ее вдруг обьяло сияние саидар, тусклое даже с ангриалом, и огненные шары, возникая перед вратами, хлынули в проем. Не очень крупные, но взрывы слились в непрерывный грохот. Однако Авиенда тяжело дышала, от напряжения лицо ее покрылось испариной. Бергитте вновь взяла лук – теперь она походила на героя из легенды: кровь течет по бедру, сама едва стоит на ногах, но стрела на тетиве, глаза ищут цель.

Илэйн постаралась умерить дыхание. Она не может зачерпнуть еще Силы, ни капельки, и ничто уже не поможет.

– Вы должны уходить, – сказала Илэйн. Она бы не поверила тому, как звучит ее голос – холодно, как ледышка. Ей же хотелось взвыть от отчаяния. Сердце лихорадочно колотилось. – Не знаю, долго ли я удержу... – Что было правдой – по отношению как ко всему плетению, так и к единственной нити. А если та уже выскальзывает? – Уходите быстрее! На той стороне холма, наверное, будет безопасно, но чем дальше, тем лучше. Уходите!

Бергитте что-то сердито прорычала на древнем языке, но Илэйн ничего не поняла. Похоже, это те выражения, которым не худо бы научиться. Бергитте заговорила вновь – теперь вполне внятно:

– Только отпусти эту треклятую штуковину раньше, чем я тебе скажу, и можешь не дожидаться Найнив – я сама с тебя шкуру спущу. И только потом отдам ей. Молчи и держись! Авиенда, обойди... эту штуку! Сумеешь оттуда шары свои кидать?.. Обойди и приведи хоть одну из тех проклятых лошадей.

– Сумею, пока вижу, где плести надо, – отозвалась Авиенда, с трудом поднимаясь на ноги. Ее шатало из стороны в сторону. Кровь бежала по рукаву. – Наверное, сумею.

Девушка скрылась позади врат, но поток огненных шаров не ослабел. С той стороны видно как бы сквозь висящую в воздухе дымку. Правда, пройти оттуда нельзя – попытка окажется крайне болезненной. Когда Авиенда, спотыкаясь, появилась вновь, Бергитте помогла ей сесть на мерина, но – *спиной вперед!* Ну и дела!

Потом Бергитте яростно замахала рукой Илэйн, но та даже головой покачать не удосужилась. Отчасти из опасения, что может случиться, стоит ей отвлечься.

– Не знаю, удержу ли нить, если встать попытаюсь. – Говоря по правде, она не была уверена, *сумеет ли вообще* подняться; она не просто устала, мышцы словно в воду превратились. – Скачите! Пока силы есть, я буду держать. Ну же, уходите! Прошу вас!

Бормоча ругательства на древнем языке – чего же иного можно ожидать? – Бергитте сунула поводья лошадей в руки Авиенде. Едва не упав, она подковыляла к Илэйн и, наклонившись над нею, подхватила под мышки.

– Ты продержишься, – сказала Бергитте, в голосе ее звучала уверенность. – До тебя я не встречала королев Андора, но знавала королев вроде тебя. Стальной хребет и львиное сердце. Ты сумеешь!

Не дожидаясь ответа, Бергитте медленно потянула Илэйн вверх; лицо ее напряглось, а каждая волна боли в ноге эхом отзывалась в голове Илэйн. Девушка задрожала от напряжения, удерживая плетение и ту единственную нить. И удивилась, оказавшись на ногах. Боль в ноге Бергитте отзывалась горячими толчками в сознании Илэйн. Она постаралась не наваливаться на Бергитте, но подламывающиеся колени не держали девушку. Когда они доковыляли до лошадей, опираясь друг на друга, Илэйн поглядела через плечо на врата. Удерживать плетение девушка могла и не смотря на него – в обычной ситуации, – но сейчас ей требовалось постоянно убеждать себя, что она еще не выпустила ту самую нить. Врата превратились в диковинное плетение; оно извивалось, шевелило, точно щупальцами, распушенными волокнами.

Застонав, Бергитте помогла Илэйн сесть в седло, скорее даже, усадила в него. И тоже спиной вперед, как и Авиенду!

– Тебе нужно видеть, – объяснила Бергитте, хромая к своему мерину. Держа в руке поводья всех трех лошадей, она взобралась в седло, кривясь от боли. Илэйн не услышала от нее ни звука, но почувствовала боль. – Делай, что нужно, а уж куда ехать, это предоставь мне.

Лошади рванулись вперед, едва Бергитте ударила своего мерина каблуками по бокам, – вероятно, им тоже не терпелось убраться подальше.

Илэйн с той же мрачной решимостью, что и за плетение, ухватила за заднюю луку седла, точно за саму саидар. На скаку ее нещадно швыряло в стороны, оставалось только крепче держаться в седле. Авиенда выпрямилась; она с присвистом втягивала воздух, взор застыл. Но ее окружало свечение, и огненные шары сыпались на врата по-прежнему, пусть и не так часто, как раньше; некоторые пролетали мимо врат, выжигая огненные следы в траве или взрываясь на земле. Илэйн собрала оставшиеся силы, заставила себя наскрести их; если уж Авиенда, раненая, сумела сосредоточиться, то она, Илэйн, просто обязана выдержать.

Лошади неслись галопом, врата уменьшались, полоса бурой травы между беглецами и вратами становилась все шире. Начался подъем. Они взбирались на холм! Бергитте – сама сосредоточенность – вновь наложила стрелу на тетиву. Нужно всего лишь добраться до гребня, оказаться на той стороне холма.

Авиенда тяжело вздохнула; свечение саидар мигнуло и исчезло.

– Не могу, – выдохнула она. – Не могу.

И сразу вслед за тем, как прекратился огненный вихрь, на луг выскочили шончанские солдаты.

– Все хорошо, – сумела выговорить Илэйн. В горле саднило; она была мокрая с головы до ног. – С ангриалом очень устаешь. У тебя все получилось, они нас теперь не догонят.

Будто в насмешку, в тот же миг на лугу появилась сул'дам – в чем даже с расстояния в полмили нельзя было ошибиться. Низкое солнце сверкало на соединявшем двух женщин *ай'дам*. Показалась еще одна пара, потом третья, четвертая. Пятая.

– Гребень! – радостно воскликнула Бергитте.

Получилось! Хорошего вина и крепкого мужчину, и немедленно!

На лугу сул'дам подняла руку, указывая на беглецов, и для Илэйн время замедлило свой ход. Вокруг дамани возник ореол саидар. Илэйн видела, какое творится плетение. Она знала, что оно означает. И что нет способа помешать.

– Быстрее! – закричала она.

Щит обрушился на нее. В обычном состоянии Илэйн с легкостью отразила бы этот удар, ведь уровень владения Силой у нее был очень велик, но сейчас, когда она обессилела и едва-едва цеплялась за саидар, щит разом отсек ее от Источника. И плетение на лугу, плетение, создавшее врата, опало в себя. Измученная, с виду едва ли способная шевельнуться, Авиенда

прыгнула из седла на Илэйн и сбила подругу на землю. Падая, Илэйн успела заметить, как ей в лицо бросился дальний склон холма.

Вокруг все затопила ослепительная, густая белизна. Пронесся звук – Илэйн знала, что это именно звук, оглушительный рев, – однако он лежал за пределами слуха. Что-то ударило девушку, словно она упала с крыши на мостовую. Нет, не с крыши, с верхушки башни.

Она открыла глаза, глядя в небо. Небо было какое-то странное, туманное. Сначала она и пошевелиться не могла, а потом, двинувшись, охнула от боли. У нее все болело. О Свет, как больно-то! Медленно Илэйн поднесла руку к лицу – пальцы окрасились красным. Кровь. А что с Бергитте и Авиендой? Надо им помочь. Илэйн ощущала Бергитте, чувствовала и ее боль, точно клещами впившуюся в тело, но, по крайней мере, Бергитте жива. И, судя по всему, разгневана и настроена весьма решительно – значит, ранена не слишком сильно. Авиенда...

Всхлипнув, Илэйн перекатилась на живот, потом привсталась на четвереньки. Голова кружилась, в бок будто горячий штырь воткнули. Смутно припомнилось, что даже с одним сломанным ребром опасно шевелиться, но мысль была будто в тумане, как и склон холма. Да и думать было... трудно. Илэйн поморгала и вроде бы видеть стала лучше. Ненамного. Она лежала почти у самого подножия холма! Высоко наверху, из-за холма, поднимался дым. Сейчас это не так важно. Точнее, совсем не важно.

Выше по склону стояла на четвереньках Авиенда, она чуть не упала, когда подняла руку, вытирая текущую по лицу кровь, но, когда встретила взглядом с Илэйн, замерла в неподвижности. Илэйн подумала: неужели и у нее такой же вид? Вряд ли хуже, чем у Авиенды. Добрая половина юбки оборвана, лиф платья в клочья, в прорехах видно окровавленное тело.

Илэйн поползла к Авиенде. Ей казалось, так проще, чем вставать и идти. Приблизившись к айилке, она услышала облегченный вздох.

– С тобой ничего не случилось, – произнесла Авиенда, касаясь окровавленными пальцами щеки Илэйн. – Я так испугалась. Очень испугалась.

Илэйн изумленно заморгала. Сама она выглядела ничуть не лучше Авиенды. Хотя юбки и уцелели, половина лифа исчезла напрочь, а из двух десятков порезов текла кровь. Потом до Илэйн дошло, что имела в виду Авиенда. Ее не выжгло. При этой мысли девушку охватила дрожь.

– С нами обеими ничего не случилось, – тихо сказала она.

В нескольких шагах от себя Илэйн заметила Бергитте. Та вытерла нож о гриву мерина Авиенды и выпрямилась над неподвижным телом. Правая ее рука висела плетью, куртка вместе с одним сапогом пропала невесть куда, остальная одежда была порвана; вся она была перемазана кровью не меньше, чем подруги. Судя по всему, у нее самой серьезной была рана от торчавшего в бедре арбалетного болта, но, несомненно, в остальном ей тоже крепко досталось.

– У него хребет был сломан, – сказала Бергитте, махнув рукой на коня у ног. – С моим-то вроде как все хорошо, но в последний раз, когда я его видела, он несли так, словно хотел выиграть Венок Мегайрил. Всегда считала, что у него задатки рысака. Львица... – Она пожала плечами, поморщилась. – Илэйн, Львица была уже мертва, когда я ее нашла. Ты уж извини.

– Мы живы, – твердо сказала Илэйн, – и это самое главное. – Львицу она оплачет потом. Дым над вершиной холма густым не был, но поднимался он, похоже, над большим участком местности. – Хочу посмотреть, что такое я там наделала.

Цепляясь друг за друга, они втроем поднялись на ноги и заковыляли вверх по склону, тяжело дыша и постанывая; хуже всех приходилось Авиенде. Вид у них был такой, словно они извлеклись на бойне, а потом едва вырвались из лап смерти, – как подозревала Илэйн, смерть они обманули в самый последний момент. Авиенда по-прежнему сжимала в кулаке ангриал, но даже будь она или Илэйн наделена способностями к Исцелению, ни одна не смогла бы обнять Источник, не говоря уж о том, чтобы направлять. На вершине холма они выпрямились, опираясь друг на дружку. Их взорам предстала жуткая картина.

Огонь кольцом окружал луг; середина луга, над которой поднимался густой дым, почернела и лишилась валунов. Половина деревьев на прилегающих склонах была обломана или же повалена наземь. На потоках горячего воздуха над пожарищем уже парили ястребы; они часто охотились, подстерегая мелких животных, бегущих от пламени. От шончан не осталось и следа. Илэйн хотела бы увидеть тела и своими глазами убедиться, что они все мертвы. Особенно все сул'дам. Однако, глядя на выжженную, дымящуюся землю, она вдруг обрадовалась, что ничего нет. Слишком страшная смерть. «Да будет милостив Свет к их душам, – подумала Илэйн. – Ко всем их душам».

– Что ж, – вслух сказала она, – так же хорошо, как у тебя, Авиенда, у меня не получилось, но, если подумать, вышло как нельзя лучше. В следующий раз я буду очень стараться.

Авиенда искоса глянула на Илэйн. По щеке айилки тянулась царапина, на лбу красовалась еще одна, кровь виднелась и в волосах.

– Для первого раза у тебя получилось лучше, чем у меня. Мне в первый раз дали простой узел, завязанный на потоке Ветра. Чтобы распустить его, понадобилось пятьдесят попыток. А до того либо гром в лицо гремел, либо такую затрепину отвешивало, что долго в ушах звенело.

– По-моему, мне стоило начать с чего-то попроще, – заметила Илэйн. – У меня привычка выше головы прыгать. – Выше головы? Да она сиганула вниз, не поглядев, есть ли внизу *вода*! Девушка подавила смешок, но не раньше, чем у нее заныло в боку. Так что вместо смешка сквозь зубы вырвался стон. Ей казалось, что несколько зубов шатаются. – По крайней мере, мы нашли новое оружие. Наверное, зря я радуюсь этому, но раз шончан вернулись, то я рада.

– Илэйн, ты не понимаешь. – Авиенда указала на центр луга, где прежде стояли врата. – Могла быть простая вспышка света. Или еще что-нибудь, столь же безобидное. Заранее никогда не знаешь. Стоит ли вспышка света риска выжечь себя и всех женщин в сотне шагов вокруг?

Илэйн уставилась на подругу. Она осталась, зная это? Рисковать жизнью – одно, но рисковать способностью направлять...

– Авиенда, я хочу, чтобы мы стали друг другу первыми сестрами. Как только найдем Хранительниц Мудрости. – Она и представить не могла, что им делать с Рандом. Больше нелепости, чем мысль, что они *обе* выйдут за него замуж, она и вообразить не могла. И о Мин нельзя забывать! Но в сказанном Илэйн была уверена. – Я тебя узнала достаточно. Большого мне знать не нужно. Я хочу быть тебе сестрой.

И она нежно поцеловала Авиенду в окровавленную щеку.

Илэйн думала, что раньше видела, как Авиенда сильно краснела, но сейчас поняла, что так ей лишь казалось. Даже возлюбленные у Айил не целуются там, где их может кто-то увидеть. Рядом с лицом Авиенды поблек бы и самый яростный закат.

– Я тоже хочу, чтобы ты стала мне сестрой, – пробормотала та тихо.

Сглотнув комок в горле – и покосившись на Бергитте, которая делала вид, что ничего не замечает, – Авиенда наклонилась и быстро прижалась губами к щеке Илэйна. За этот жест Илэйн полюбила ее крепче прежнего.

Бергитте смотрела через плечо куда-то за спины девушек и, кажется, не притворялась, потому что вдруг сказала:

– Кто-то едет. Если не ошибаюсь, Лан и Найнив.

Девушки неуклюже, сдерживая стоны, повернулись, ноги у них подгибались, руки дрожали. Это казалось весьма нелепым; ведь в сказаниях героям никогда не доставалось так, что они едва на ногах держались. Вдалеке на севере среди деревьев мелькали два всадника. Но можно было разглядеть, кто это: рослый мужчина на высоком коне, рядом с ним – женщина на несущейся во весь опор лошадке. Девушки осторожно сели на землю и стали ждать. И Илэйн со вздохом подумала, что и так себя не ведут героини сказаний. Она надеялась, что сможет стать королевой, которой мать могла бы гордиться, но теперь-то ясно: в героини ей путь заказан.

* * *

Чулейн легко тронула поводья, и Сегани, приподняв перепончатое крыло, плавно повернул. Он был хорошо обученным ракеном, быстрым и сообразительным, ее любимцем, хотя летать на Сегани ей приходилось в очередь с другими. *Морат'ракенов* всегда было больше, чем ракенов, – это просто факт. На ферме внизу огненные шары возникали будто бы из воздуха и разлетались в разные стороны. Чулейн попыталась не обращать на них внимания; ее задача – наблюдать за подходами к ферме. Хорошо хоть дым уже больше не поднимается от оливковой рощи – где погибли Тауан и Маку.

С высоты в тысячу шагов ей открывался великолепный обзор. Все другие ракены облетали местность; любая побежавшая женщина должна быть проверена, не из тех ли она, на ком лежит ответственность за весь переполох, хотя, по правде говоря, в этих краях любой, увидевший в воздухе ракена, скорее всего, обратится в бегство. От Чулейн требовалось наблюдать, не приближается ли какая опасность. Но она ощущала странный зуд между лопатками – это всегда означало, что беда *где-то рядом*. Сегани летел не слишком быстро, и набегавший поток воздуха не очень сильно бил в лицо, однако Чулейн потуже затянула под подбородком завязки провощенного льняного капюшона, проверила кожаные страховочные ремни, удерживающие ее в седле, поправила защитные очки, подтянула перчатки.

На земле уже было за сотню Небесных Кулаков и, что более важно, шесть сул'дам со своими дамани. Еще с дюжину сул'дам несли котомки, полные запасных ай'дам. Со вторым перелетом с холмов на юге прибудет подкрепление. Лучше, конечно, чтобы с первой волной прилетело побольше воинов, но у *Хайлине* было не так много *то'ракенов*. К тому же ходили упорные слухи, будто большинству из них дана задача перевезти верховную леди Сюрот и все ее окружение из Амадиции. Негоже дурно думать о Высокородных, но Чулейн не отказалась бы от того, чтобы в Эбу Дар послали побольше *то'ракенов*. Навряд ли кто из *морат'ракенов* с симпатией относился к огромным и неуклюжим *то'ракенам*, пригодным лишь для перевозки тяжестей, но они доставили бы еще больше Небесных Кулаков, еще больше сул'дам.

– По слухам, тут внизу сотни *марат'дамани*! – крикнула Элийя в спину Чулейн. В небе, чтобы перекричать ветер, приходится говорить громко. – Знаешь, что я сделаю со своей долей золота? Куплю гостиницу. Этот Эбу Дар, судя по тому, что я видела, – приятное местечко. Может, даже мужа найду. Заведу детей. Что скажешь?

Чулейн ухмыльнулась. Чуть ли не каждый летун толковал о покупке гостиницы – или таверны, или фермы, – однако кто оставит небо? Она похлопала по основанию длинной кожаной шеи Сегани. Каждая женщина-летун – а из четырех три были женщинами – говорила о мужьях и детях, но дети означали конец полетам. За полгода от неба отказывалось намного меньше женщин, чем уходило из Небесных Кулаков за месяц.

– Думаю, лучше тебе держать глаза открытыми, – сказала Чулейн. В короткой болтовне, впрочем, особого вреда нет. Она бы и ребенка в оливковой роще заметила, не говоря уж о возможной угрозе Небесным Кулакам. Эти легковооруженные солдаты не уступали отборным Стражам Последнего часа, кое-кто утверждал, что они даже посильнее будут. – А на свою долю я куплю дамани и найму сул'дам. – Если слухи не обманывают, если внизу и вправду столько *марат'дамани*, то на ее долю можно будет купить двух дамани. Трех! – Дамани, обученную Небесному огню. Когда я оставлю небо, то буду богата, как Высокородная.

В этих краях было нечто подобное, здесь это называли «фейерверками» – в Танчико она видела, как какие-то люди тщетно пытались заинтересовать «фейерверками» Высокородных. Но разве их жалкие потуги сравнятся со зрелищем Небесных огней? Этим приставал выпроводили из города и выкинули на дорогу.

– Ферма! – вскрикнула Элийя, и что-то вдруг ударило Сегани – куда сильнее, чем мощный порыв штормового ветра.

Животное кувыркнулось через крыло.

Издавая горловой крик, ракен сорвался вниз, его крутило так, что Чулейн почувствовала, как пристежные ремни впились в ее тело. Она держала руки на бедрах – натянув поводья, но неподвижно. Сегани сам должен выбраться из этой передряги; любое движение поводьями ему лишь помешает. Вертись, точно игровое колесо, они падали. Морат'раkenов обучали не смотреть на землю, если по какой бы то ни было причине ракен падает, но всякий раз, когда в поле зрения возникала земля, Чулейн не могла не удержаться, чтобы не прикинуть высоту. Восемь сотен шагов. Шестьсот. Четыреста. Двести. Да осяет Свет ее душу, и защитит безграничная милость Создателя от...

Резкий хлопок широких крыльев бросил Чулейн вбок, ее зубы клацнули, но Сегани выровнялся, взмыл вверх – только кончики крыльев скользнули по верхушкам деревьев. Со спокойствием, рожденным упорными тренировками, Чулейн проверила, не растянул ли Сегани сухожилий. Крылья двигались нормально, но по возвращении нужно будет позвать *дер'морат'ракена* для тщательного осмотра. От взгляда мастера не ускользнет ни одна мелочь.

– Кажется, Элийя, от Хозяйки Теней мы опять ускользнули. – Она оглянулась через плечо и умолкла.

Позади болтался оборванный страховочный ремень. Каждому летуну известно, что в конце долгого падения его поджидает Хозяйка Теней, но от этого легче не стало.

Коротко помолвившись о погибшей, Чулейн собрала волю в кулак и, вернувшись к своим обязанностям, направила Сегани вверх. В медленный подъем, по спирали, если вдруг скажется неожиданное растяжение, но так быстро, как казалось ей безопасным. Чулейн нахмурилась – из-за шишковатого холма впереди поднимался дым; когда же открылась картина за гребнем, у шончанки пересохло во рту. Руки застыли на поводьях. Сегани, мощно взмахивая крыльями, продолжал подниматься.

Ферма... пропала. От белых домиков остались лишь фундаменты, большие здания, пристроенные к склону холма, превратились в груды щебня. Фермы не было. Весь участок земли почернел и обуглился. В подлеске на склонах металось пламя, огонь полосами протянулся на сотню шагов к оливковым рощам и перелескам. А еще на сотню шагов дальше виднелись поваленные, обломанные стволы. Ничего похожего Чулейн не видывала. Похоже, на земле не осталось ничего живого. Такого не переживет никто. Что бы это ни было.

Чулейн быстро пришла в себя и повернула Сегани к югу. Вдалеке она различила то'раkenов, на каждом сидела дюжина Небесных Кулаков – на такое небольшое расстояние крылатые создания способны перенести дюжину человек. Небесные Кулаки и сул'дам, явившиеся слишком поздно! Мысленно Чулейн принялась составлять доклад – хотя кому теперь докладывать? Говорили, что в этой стране полным-полно марат'дамани, только и ждущих, чтобы на них надели ошейники, но, имея такое оружие, эти женщины, называющие себя Айз Седай, по-настоящему опасны. С ними нужно что-то делать, нужен решительный шаг. Возможно, верховная леди Сюрот, если она направляется в Эбу Дар, поймет необходимость решительных действий.



Глава 7

Загон для коз



С безоблачного гэалданского неба жарко сияло яростное утреннее солнце, которое немного затеняли поросшие лесом холмы. До полудня еще далеко, а земля изнывает от жары. Сушь выжелтила сосны, болотные мирты и другие деревья, которые Перрин считал вечнозелеными. Ни ветерка, ни дуновения. Капельки пота выступали на лице, сползали на короткую бороду, курчавую, как и волосы. Казалось, будто где-то на западе прогрехотал гром, но не верилось, что когда-нибудь снова пойдет дождь. Бей по железу, что лежит у тебя на наковальне, и не мечтай впустую о верстачке серебряных дел мастера.

В окованную медью подзорную трубу Перрин, укрывшись в редком леске на гребне холма, рассматривал обнесенный стеной городок Бетал. На таком расстоянии даже волчьим глазам требовалась подмога. Городок средних размеров, дома крыты кровельным сланцем, полдюжины высоких каменных зданий, вероятно дворцы мелкой знати или особняки преуспевающих купцов. Он не мог разглядеть алого знамени, бессильно обвисшего на самой высокой башне самого большого дворца, – единственный флаг в поле зрения, но Перрин знал, кому принадлежит сей стяг. Далековато от своей столицы Джеханнах забралась Аллиандре Марита Кигарин, королева Гэалдана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.